Сергей Чилингарян

Мой сосед Владимир Путин. Разговор по душам

Предисловие

Маяковского, 36/38 — по этому адресу в Ленинграде я жил с 1969 по 1973 год. В апреле 1969 года после затяжных дождей обвалился № 40, дворовый флигель. Старый дом, накануне появились трещины; почти все успели выйти, но все же трое погибло. Ближние жители приходили смотреть на разбор завалов, а пацаны так со всей округи. Для стоящего на болоте Питера это было городское ЧП.

Среди подростков был, скорее всего, и Володя Путин: он жил рядом, в Басковом переулке, который пересекает Маяковскую метрах в пятидесяти от дома 36/38. Следующая после Баскова, параллельная ей, — улица другого поэта, Некрасова. И на ней была городская баня. Сейчас она уже не работает — попала под «буржуазацию». В старой части Питера, особенно в то время, отдельных квартир было немного — все больше коммуналки, вроде нашей: 9 комнат, 15 жильцов. Так что большинство посещало баню. Слева от входа была капитальная пивнуха — место, можно сказать, общественное: по вечерам, по субботам-воскресеньям — очередь. Вход в парное отделение стоил 13 копеек — буханка хлеба, а в душевое — 18; считалось, что шайка воду бережет.

Я ходил туда два раза в неделю, чаще всего один. В помывочной просил кого-нибудь помоложе потереть спину. Тогда с этим было запросто, банная общность считалась обычным делом, крутизны и церемоний еще не нахватались; так что отказу не было, каждый подсоблял в меру своей расторопности. «Парень, потри спину», — и протягивал ему намыленную мочалку. — «… Отлично. Давай я тебе». Я называл это «объединиться в спинтрест».

Если у Путиных и была квартира с отдельной ванной, все равно они, скорее всего, тоже ходили в баню. И какой русский не любит попариться… Мне до бани метров 200, с Баскова — не дальше. Не исключено, что был случай соприкоснуться с будущим президентом в «спинтресте». Посещал я ту баню, как-никак, два года (два других в тот период был в армии).

Далее векторы наши по сторонам разъехались. Путин — в КГБ, в карьер и вскачь, все выше. Секреты, партия и политика его интересовали как единственно доступный ему способ подняться и «володеть». Теперь это очевидно: ловкий парень, он встроился бы в любую конструкцию. Благоденствовал бы и в застой, если бы тот еще длился. Но система крякнула и обломилась, и из вскормившей его партии Володя катапультировался вместе с креслом. И, оказывается, чуть ли не одним из последних. Понятное дело, осторожничал, а то какой же из него разведчик!

В нужное время добрым молодцем обернулся, просчитал все правильно. Правда, как утверждают недобрые языки, первое время за Собчаком то ли шляпу его, то ли портфель носил. Но потом повезло неслыханно: попался на глаза Самому и, подошедши ему по всем параметрам, был явлен народу как преемник.

Наступил 2000-й, оглашают биографию преемника: Ленинград, Басков… Ага, давний сосед по околотку… При прочих равных условиях надо бы отдать за него голос — за бывшую хотя бы спинтрестовскую общность.

Питер — город моей студенческой юности, женитьбы (почему и поселился на Маяковского), рождения дочки, культурного, так сказать, становления и прочего. Прожил я в нем всего 12 лет (с промежутками на 2, потом на 3 года) и одно время помыслить не мог, что куда-то из него уеду. «Как я без Питера?» — такая мысль, знаю, была обычной для многих.

Но прошло время, жизнь дала, по собственному разумению, трещину. И явилось оправдание: питерский дух с годами, наверное, нивелируется, и если перееду, скажем, в Подмосковье, особой разницы не почувствую. Так я оказался в 1981-м во Внукове. Разницу все же довольно внятно ощутил, никуда она не выветрилась. Видна и теперь во многом, да хотя бы в содержании ТВ-программ питерской и центрально-московских.

Питерские навсегда остались мне по духу ближе, застолья с ними — комфортнее, меньше прет карьерным чванством или лакейско-обывательским бравированием приближенности к «господам», которых в Москве объективно больше. Москвичей так или иначе отличает некая, пусть чаще не прямая, а суставчатая «посвященность» в круг сильных мира сего, знание их обихода и прочего, почему ее и обозначают, как только завяжется конкурентный разговор.

И потом, даже обычных городских порядков, житейского толка и общественной терпимости в Питере всегда (во всяком случае, раньше — и это всего лишь мое частное наблюдение) было больше…

И вот теперь Путин. Тут уже дух не причем, тут политика, а любого, кого отобрал бы Ельцин в качестве своего продолжателя, я априори на дух не перенес бы. Чудес не бывает; к тому же, преемник — из особых органов, а что там могут знать о сущности рядового труженика и, соответственно, о его внутренних стимулах, без которых невозможна достойная жизнь для всех? На то они и особые с особым, а не универсальным, взглядом на природу государства.

У меня уже был опыт соприкосновения с органами. В октябре 1973-го за «инакомыслие» отвезли в психушку, продержали 33 дня: Ленинград, психбольница № 4 на Лиговке. Наши с Путиным мировоззрения, стало быть, разошлись. У него претензий к советской действительности не было, иначе не прослужил бы ей верой и правдой 15 лет свой сознательной взрослой жизни, дослужившись до подполковника.

Хотя теоретически можно ведь допустить редкий шанс, что вот этот преемник-назначенец вопреки воле и ожиданиям крестного отца окажется более сильным политиком с самостоятельными идеями серьезного преобразования общественного устройства, достижения настоящего всеобъемлющего согласия среди людей и прочего, и прочего, каким-то странным образом придержанными до поры до времени. Тогда с него, как минимум, объяснительная «достоевщина».

Но нет — никакого шанса! Еще за полгода до избрания, когда преемник стал мелькать на ТВ, я убедился: пусть это и индивид, но никакая не личность, а значит, не лидер; это серый исполнитель сконцентрированной воли сильных мира сего, точнее — его. То-то даже от прямых дебатов отказался. Правильно, боится засыпаться на нестандартных вопросах оппонента: откуда, скажем, будет брать ресурсы для улучшения жизни для всех слоев населения, и прочих.

Из-за этого ностальгически звучащему для моего уха Баскову переулку я значения не придал. На выборы вообще не ходил. «Жирик» был антипатичен: нахрапистый самодовольный демагог с непререкаемым муссолиниевским губоуложением и вывернутым на себя, на свои убеждения пальцем. Социально свой Зюганов отпугивал заматерелой приверженностью духу Сталина. А других и не припомню — вот так личности!..

Я голосовал лишь дважды, и оба раза в протест. В 1996-м отдал голос за интеллигентного олимпийца Юрия Власова, точно зная, что шансов у него нет. А в 2008-м получилось так: иду мимо ж/д. вокзала Сочи; а прописка у меня все еще была подмосковной, поэтому и голосовательных позывов никаких. Но тут вижу: прямо в зале ожидания развернули специальный пункт для приезжих. А у меня с собой был паспорт. Ну и пошел, отдал голос, за отсутствием других внятных кандидатур, таки за Зюганова.

А с тобою, Путин, поговорим о построенном тобой государстве, поскольку ни Зюганов, ни кто другой к этому отношения не имел. Просто как мужик с мужиком поговорим. Считай, что через много лет мы снова в бане; теперь, понятно, завернувшись каждый в суверенную простыню, с кружками пива наперевес. Ты давно не юноша; те 6 лет, на которые я старше, теперь несущественны, так что с каждого спрос равный.

Ты скажешь: что за диалог такой, если сам только и собрался говорить? Видишь ли, возражу, я тебя уже слушал в телевизоре, ты там немало наговорил и начитал. Теперь моя очередь. Флажок на твоих шахматных часах упал, а на моих только еще поднялся. Вот когда и мой упадет, тогда и возражай.

Вначале переберем твою деятельность на поприще государственного мужа. Дело скучное, но что делать — без этого никак. Как в советские времена на юбилейном концерте: первая половина, обязательная, хочешь того или нет — хор в галстуках, оратория, славословие партии под голубиное бурление арфы… Ну, ты помнишь. Но потом должно быть веселее.

Понятно, что на ощупь двинемся. Ведь объективных засечек по 2000-му и 2008-му годам как не было, так и нет. Многого не знаю. По ТВ не показывают, ну, так, чтобы картина на ладони, а в газетах надо по крупицам выискивать, да и то там не все. А это ведь ты сам должен давать, все важнейшие показатели своей политики, а не хранить их «под колпаком у Мюллера». Укрепление армии, объединение земель, законов, прочее другое — это ведь все внушенные слова… После ельцинского развала и сержант принялся бы скреплять армию, особого главнокомандующего ума тут не требовалось: подкинь ему побольше болтов и гаек, замени перезрелых генералов на свежих, убери болтунов… далее по списку в полстранички. Так каким прибором измерить твои достижения?

Полагают, что ты укрепил власть. Для кого ты ее укрепил и против кого? Почему поголовное хапужество процветает? Может, не укреплять надо было, а, наоборот, дать просраться по всей вертикали? Глядишь, оное и ухлынуло бы в канализацию, меньше черпали бы из казны да из нефтеналивных закромов. А ты укреплял… Получил сбитый конгломерат; по медицине — каловые камни в организме государства.

Погоди, тут у меня на тебя черновичок: предъявлю деяния, от которых ты не сможешь отказаться.

Пожары

На пожарах у чиновников сгорело несколько вилл, и они тоже захотели полной компенсации. А ты им по носу: на общих основаниях, по два миллиона в зубы — и до свидания! Этаким социальным ухарем представился, что я чуть было не зааплодировал. Но ты перестарался, обронил скандально, что деньги на виллы «взяты неизвестно откуда». Вот это лишнее было, переиграл чуток. Это ведь тебя самого, главного заправилу, надобно спросить: откуда? Вспоминай своих генпрокуроров и высшую ментуру: кто им, как ученым соколам, на головы колпаки натягивал, чтобы во тьме силу зоркости набирали, а сдергивать, чтобы сказать «ату», все забывал?

Да и по два миллиона, если вдуматься… Понятно же, что это не единственное их жилье. Если нагребли денег на особняки, почему не хапнули и на их страховку? Только это не я, а ты должен был спросить. Вот тогда сам Станиславский сказал бы «Верю!», а я, соответственно, аплодировал бы. И тогда, зафиксируй ты их вытянутые физиономии, ничего другого не оставалось бы, как лишить их и этой пары мильончиков. А так что — «шлангом» и я прикинулся бы, в школе в драмкружок ходил, там только и мог спросить: «Страховалась ли ты на ночь, Дездемона?».

А вот еще слова, брошенные в пожарной запарке какому-то чину 30.07, а все даты без указания года читай как 2010-й: «Люди опасаются, что средства разворуют…».

«Огонь, сопя, кидался во все стороны. Покуда путешественники боролись с огненным столбом, Паниковский, пригнувшись, убежал в поле и вернулся, держа в руке теплый кривой огурец».

Я-то, в отличие от тебя, в это время сидел у телевизора, так что оброненное тобою бережно подобрал. И подумал: будь опасения людей вздором, вряд ли ты стал бы его тиражировать на всю страну, — это ведь, в конце концов, социальным нигилизмом попахивает. Но ты проникся их тревогами, спасибо. Заодно вынес плинтусовый рейтинг своей крепкой вертикали. Можно сказать, сам же и развеял миф. Тоже мерси. А то я тут сижу и ни черта не знаю. А оно вон как: якобы паникуя, греют руки на пожарах; потом, отбежав, отгружают бочками огурцы по телеграмме от Остапа Бендера…

В части лесных пожаров заподозрен злой умысел: разрешенные вырубки превышены многократно, и это хорошо видно с воздуха, достаточно было колпачок сдернуть с зорких контролирующих голов, поэтому вырубщики устройством пожаров как раз и скрывали концы. И заподозрен не кем иным, как другим государственным мужем — С. Мироновым. Интересно, что из космоса видно, а на земле в упор не разглядели, где гуляли пожары — в натуральном лесу или уже в вырубленном? А автор упразднения лесхозов, он же — не сдернувший колпаки с голов, и от комментариев отмолчался, и зорких соколов в космос не запустил, чтобы впредь за всем и всеми оттуда бы наблюдали.

Теперь-то понятно: самое большее, что смогли соколы-прокуроры, — ущучили в лесном бедламе направления огненных ураганов, определив их, видимо, по поваленным елям, которые похожи на стрелки стратегических направлений…

Но есть мнение знающего журналиста; оно ни тобою, ни твоей пресс-службой не опровергнуто. Значит, правда. Ознакомимся?

«Власть…приняла в 2006-м Лесной кодекс. Его пробили через Думу при жесточайшем давлении администрации президента Путина… Все эксперты предупреждали: сгорим в первое же жаркое лето… Было ликвидировано понятие «незаконная рубка леса»… ликвидированы лесхозы, а забота о сохранении леса была возложена на его пользователей, которые в лице крупных ЦБК и пролоббировали кодекс. А потом было лето 2010-го». (Ю. Латынина, «Новая газета», начало осени) Ты, таким образом, сказал вырубщикам то же самое, что Ельцин регионам по части суверенитета: берите, сколько переварите. Остальное, читай, пожрут пожары. И сам же на блуждающем полете тушил их, держа палец на водоспуске и удовлетворенно отмечая: «Попал!». Хотел бы я посмотреть на тех телевизионщиков, которые показали бы промашку. Они бы тогда тоже промахнулись. ТВ нам только и говорит, что ты парень не промах: когда ликвидировал лесхозы, тоже был изрядно удовлетворен.

А в интервью после пожаров заверил, что за время своего правления политических ошибок не совершал. Но комментировать сие будем позже…

Моногорода

В них четверть населения живет. Проблемы усугубились до крайности. Будь ты расторопный экономист (или умей выслушать таковых), ты еще в первый срок мог бы кое-что предвидеть. Когда же кризис медным тазом задребезжал, стал ездить с ручной наладкой по следам своих упущений.

4.06.09 ты нагрянул в Пикалево. Народ всклокочен, олигарх Дерипаска заупрямился нечто животрепещущее подписывать. Под одобрительный гул актива ты переправляешь ему на другой конец стола эту самую бумагу, из-за нехватки которой все и застопорилось. Играя желваками, выговариваешь, что, боясь твоего появления, деляги и чиновники «бегали, как тараканы».

Олигарх мнется, но ты ему волевым напором, типа, «В чем дело?!» — и ручку ему свою ловко перекидываешь. Тяжелый лоб Дерипаски удрученной глыбой зависает над документом. Он все еще колеблется, и ты его подталкиваешь, типа, «А ну, прям счас!». И магнат, практически уже на лопатках, дает наконец добро. Актив торжествует: ура, предприятие вновь зафурычит на радость бездействующему пролетариату!

Дерипаска, только что не без толчка подмахнувший, по инерции все еще крутит в пальцах ручку. А ты на кураже прилюдно требуешь вернуть ее; давший маху олигарх пристыжено переправляет тебе ручку, и ты победительно вставляешь дорогую вещь в пистон пиджака.

Вспомнил эту историю? Думаю, не одного меня это потешило. Браво, Володя, блеск, ручная филигранная политика на грани искусства! Стая подброшенных чепчиков, и ты — со сдержанным, практически пуританским самодовольствием на лице. Операция «Шик и шорох» прошла успешно. Сам Остап Бендер выдал бы тебе штучный аплодисмент. Кстати, вот он:

«Видите, все произошло так, как я вам говорил. …Собственно говоря, хвастаться нечем, комбинация простенькая. Но опрятность, честность — вот что дорого».

И то… Ведь за два месяца до того ты сработал не столь эффектно. Прямо скажем, никак не сработал. «Русский вольфрам» в Приморье — тоже моногород, и тоже все уперлось в собственника. 12.04.09 показали, как премьер Путин и губернатор Дарькин сидят и сетуют на исчезновение владельца градообразующего предприятия. Завод, дескать, стоит, люди бедствуют, как же так, ай-ай-ай…

Про этот «Вольфрам» уже несколько недель по телику сокрушались: надо же, довели людей — рассыпались по лесам, роют какой-то корень, сдают перекупщикам за копейки, с хлеба на квас перебиваются, жены пилят, дети ревут, — ай-яй-яй, куда же этот подлец-владелец запропастился, без него хана!

А мне вот что интересно: как же так, ни один из двух сидящих друг против друга госмужей, сетуя и сокрушаясь, не обратит внимания на элементарную дыру в законе? Почему бы в подобных случаях, когда речь идет о массовом бедствии людей, о виновниках срыва технологических цепочек, не запустить механизм заочно-принудительной продажи предприятия с молотка с возложением временной ответственности за безостановочную работу на управленцев предприятия? Они-то все не разбегутся!

Сколько таких дырообразующих ситуаций уже показали! И везде ситуация раскаляется до «Вольфрама». А сколько еще покажут… Но вот в Пикалеве, как мы видели, оглушительный успех. Трудишься, Володя, над ошибками; Дерипаску, опять же, вовремя прихватил на месте. И что — ура? …Да не сказал бы. Через полгода, а именно — 3.12.09, по ТВ опять Пикалево показывают, уже без тебя. Мертвого осла уши они получили, а не реанимацию предприятия. Проблемы усугубились: «…Многое закрыли, не работают роддом, больница, не останавливаются поезда…». Это не мои слова, это из новостей.

И все тот же людской укор: «Что нам делать?». На реплику женщины «Думала, жизнь будет налаживаться», — твоя, Путин, заочная реакция: «Из Москвы всех проблем не решишь». А эхо донесло до них: шиш… В контексте это значило: «Мне, что ли, каждый раз мотаться? Ну уж, вот вам…». Впрочем, озаботился: «Нужно диверсифицировать экономическую деятельность»» И не перевел, что означает. Это твоя обычная манера: пустить иноязычную пыль в глаза своему народу — аффилировать, деривативами в Дерипаску запустить и прочее.

Вот хотя бы аффилированные структуры. Заглянул в три словаря, едва нашел. На руинах Саяно-Шушенской говоришь: долой эти самые афе…? афи…? аффе…? только и понял: прочь, коммерция, от крупноэнергетических дел! А что за звери такие, почему ты вдруг взъелся на них, не пойму. Понятно лишь, что, типа, аферисты; но какие? Присосавшиеся? Отросшие? Спущенные сверху? Оказалось просто — присоединенные. Трудно сказать, что ли? Видишь нацеленные на тебя камеры, знаешь, что смотрят десятки миллионов, так что же, всем рыться в словарях? Твои предшественники, имевшие кой-какое экономическое образование, и то выражались не столь аф… аффил(ь)ированно. Это ведь твоя проблема: доступно выражаться. Или сказать репортерам «Переведите», если сам не можешь. С одной стороны,»гонишь тюльку» (в тюлявизере), «отовариваешь» и «впариваешь нелепуху», а с другой — секвесторы ради кластера… Звучат, как секаторы для яиц… Поверь, Володя, народу это слышать больно. Скажи проще: вырезка из бюджета ради устройства горнолыжного ристалища.

А потом ты посещал Ижорский завод. Все то же самое, до боли знакомое. Старый рабочий спрашивает: «Почему в Пикалеве не сидят?». «Там не правовая проблема, — отвечаешь. — Если всех пересажаем, кто работать будет?». Интересная логика: в начальниках те, по ком тюрьма плачет, — признаешь ведь, что пересажать можно всех, но сажать нельзя, потому что пусть и шалуны, но на них все производство держится. Опять же, если проблема не правовая, значит, системная: госуправление так сработало. А кто сидел во главе государства? Или это Пушкин все бездарно профукал?

«У нас не было задачи хватать и сажать», — говоришь ты рабочему. Но за месяц до того, 1.06.09, совсем иначе высказывался: «Нужен результат — посадки в тюрьму за контрабанду!». С Дерипаской был театр, а здесь — цирк: в цирке хлещут бичом, чтобы лошадки резвее бегали. А твои лошадки — законы: когда надо, погладишь их, простишь; а если шлея под хвост кому угодно, только не лошадке — хлестнешь. Опять же, аплодисменты. И теперь ясно: резвость законов от окрика начальника зависит. Но как узнать, какова тогда была квота на контрабандистов-таможенников: скольких посадили, а скольких погладили? Где информация типа «По следам наших выступлений (обещаний, подхлестываний и т. п.)…»?

Дерипаска, кстати, вскоре стал мелькать в твоей дружественной свите. Стало быть, не обиделся за ручку. Видно, сыгранули-таки вы тогда на публику. Верю, что органично, без репетиций, оба веря, что разрулили моногородьбу. Но насколько разрулили, чем нынче живут жители, опрашивал ли их кто-нибудь по левадовской науке, кто куда поразъехался (если смогли поезд притормозить) — ниччего о том!

Резюме: мы разруливали-разруливали да разрулились до недоразумения… Оп, скороговорка! Ну, хоть что-то. А единственный, кто в этой ситуации при своих остался, это ты, Путин, с авторучкой и с должностью при ней.

Коррупция

При тебе она столь пышно расцвела, что уже не оправдываешься, а тоже на «другие страны» ссылаешься, уводя проблему под сень мировой «науки»: «Это вопрос, который ждет своего кропотливого исследования». Обо всем лаконизме отзывов граждан на эту фразу можно только догадываться. Думаю, что многие междометиями ограничились…

Итак, ты, Путин, выступаешь со своим кропотливым исследованием коррупции. Это как: подкрадываемся с пинцетом сзади, приподымаем клапашок пиджака, берем за хвост долларовый рулон и потихооньку потянуули? Ведь дело это скрупулезное, тонкое и требует своего научно-исследовательского центра, типа Сколково или Сколково-2. Хотя почему бы не назвать сразу Скольково, без всяких 2? «Цена вопроса» — это же первейшая проблема коррупционной отрасли. Пора, наконец, научно выявить: что, сколько, когда и с кем? И ты уже, похоже, изучаешь, нажил от внимательного рассмотрения лишнюю черточку на брови — верный знак кропотливой работы. Или просто очки не желаешь надевать, боясь утерять имидж крепкого орешка? В ТВ ни разу не покажут шрифт: видать, все крупнее («а что это мне тут ребятки понаписали?»), и листки ты откладываешь вправо все чаще. Тексты других чтецов иногда показывают, а ты, наверное, строго запретил заходить к себе сзади. Здесь, мол, не баня… где даже я мог подойти к тебе с мочалкой.

Видишь, я не равнодушен. Отсутствие информации измышлениями восполняю. И сдается, что вертикальная «кавычка» на брови универсальна и зародилась благодаря профессии, как знак особого указания. Есть обычная складка — там, где природа предусмотрела, а у тебя еще и трудовая; и помощник по деликатным вопросам понимает тебя без слов. Если он докладывает тебе о ком-то, и бровь не сдвинулась, это означает: на его усмотрение; а если складка напряглась… то тут уж в зависимости от того, насколько. Между «кавычками» обычной и профессиональной читается командная цитата — от «припугнуть» до «сгнобить». Да мы это в кино не раз видели, особенно в мультиках — с фамилиями Сидоров, Сыдоренко, Сидорук…

Закончим, однако, с коррупцией — ну ее, тема неблагодарная: по отношению к ней, как и ко всякому воровству, сейчас в Отечестве гуляют повсеместный цинизм, ржачка и всепонимание. Ловко украл — молодец; прошляпил свое — лох. И ведь тиражируют. Ведущие музканала «Наше радио» — те просто веселились от рассказа одного из них о том, как он еще до публичного поприща диджея перешел из охранников в работяги только для того, чтобы можно было бесхлопотно выпивать и выносить, то есть пошел в несуны. И публично покатываются — на радость, как полагают, миллионам слушателей. Как говорил персонаж фильма Шукшина в начале 70-х «Народ к разврату готов!».

Сдается мне, ты, Путин, у Берлускони стажируешься! По непотопляемости и прочему — он же крупнейший евродока. Статуэткой просто так в физиономию не заедут — надо ведь еще крепко заслужить. Да еще собором… Побойся Бога, мол, прощелыга! Почему и дружба ваша лишь крепнет. То-то вы давно на «ты»! Представляю, как, откушав кьянти, ты его дружески обнимаешь: «Да здравствует Сильвио!», а он тебе: «Вива, Вова!». А ты ему: «Клянусь, Сильвио-дружбан, в честь тебя я собаке своей кликуху дал».

Ну а потом вы сошлись на том, что политика — дело грязное. Да ты и сам уже публично высказывался. Между тем, это постулат как раз всех грязных политиков. Свое нутро почему-то на дело переваливают. Чисто работать не умеют, в то же время и уходить из политики не хотят. Отсюда и головная боль их народов. А главное, считают, что все политики таковы…

Но-но-но, Путин, не передергивай! Если твой друг — старый лис Сильвио, это еще не значит, что все политики таковы. Важно ведь, с кем дружить, Путин, кого читать — а ты, видать, Макиавелли черпнул сверх всякой меры, никем его не разбавив. И если ты любишь поговорки — а ты их любишь, то вот тебе еще одна: «Свинья грязь найдет». Вы с Сильвио счастливо нашли друг друга…

Цитаточка из энциклопедии: ««…Ради упрочения государства считал допустимым любые средства. Отсюда термин «макиавеллизм» для определения политики, пренебрегающей нормами морали».

А вот цитата из Ильфа, который всегда с Петровым:

«Остап… заклеймил Александра Борджиа за нехорошее поведение, вспомнил ни к селу ни к городу Серафима Саровского и особенно налег на инквизицию, преследовавшую Галилея…». Вот видишь, Путин, жулик-интеллигент Бендер по понятиям выше тебя оказался. С вульгарным лисом Сильвио он бы дружить не стал…

Никак, однако, нотации пошли? Нет уж, рано. Продолжим пока кропотливое шитье портрета.

Игорный бизнес

Задали тебе вопрос об игорных притонах. Оказывается, все уже знаешь. «Это, конечно, коррумпированность, — признаешь, — мы займемся этим отдельно». Так, и сколько времени займет? Нарочно, что ли, работу свою растягиваешь? Ведь и с игорным бизнесом, того, фук вышел. Почитай «Новую…», там в подробностях. Тоже уже сколько-то времени прошло после обещания «заняться», а она, коррупция родимая, и тут тебе в насмешку в самой Москве процветает. Лишь мелкую шушеру отлавливают…

«В руки шли по большей части картинки: валеты с веревочными усиками, дамы, нюхающие бумажные цветки, и короли с дворницкими бородами.»

Греют, кому надо, руки — и пошло; из брюк в брюки. Еще на заре капитализма я предлагал дополнять рекламную газету «Из рук в руки» соответствующим буклетом — с тарифами, паролями и прочим. Но идейку названия у меня, кажется, увели, и вряд ли деловые люди, скорее, юмористы…

А потом мы узнали, что подпольный игорный бизнес «совсем оборзел». С треском обвалившаяся «крыша» в Московской области, где прокуроры покупались оптом, в розницу, в рассрочку и отправлялись затем в бега, показала цену твоих «занятий».

«Вы интересовались бегами? Нет? Жалко. Волнующая вещь. … Был такой знаменитый комбинатор, граф Друцкий. Он проиграл на бегах пятьсот тысяч. Король проигрыша!»

Вообще же, средний контингент криминального улова в России все теми же Ильфом и Петровым и охарактеризован: короли с дворницкими бородами. «Дворянство» с королевскими бородами нашим платным прокурорам не по зубам.

Дороги

Еще в 10-м году ты сетовал безадресно: «Новые автотрассы уже ремонтировать надо!». Атас, но они при тебе же строились! Вот так укрепление государственного организма! Не смог укрепить элементарного — оснований строящихся дорог. Асфальт, между прочим, именно на них кладут. Весь крепеж, что ли, в армию ушел? Но я сам в 70-е дороги строил, причину знаю: воровство и халтура. А с тем массовым хапужеством, что при тебе развернулось, ясное дело, уже не до укрепления оснований. Ведь это же послойное уплотнение, это сколько же катков, солярки и зарплаты… А так — отсыпал, положил асфальт сверху и скорее сдал. Так чего сетуешь? Что попустил, то и получил.

Или вот с прозрачной иронией говоришь о накрутках в строительстве: «Как там формируются цены, мы знаем…». Ага, то есть хорошо осведомлен о закладке откатов и прекрасно ощущаешь свое олимпийское бессилие что-либо в этой сфере изменить. Остается только иронизировать. А нормирование труда, между тем, именно при тебе окончательно захирело, сметы стали складываться не по расценкам, а по понятиям, по аппетитам, по коррупционным прецедентам. Московские, скажем, раз в 5-10 выше средних.

Но вот белорусы считают, что без нормирования труда эффективное производство невозможно. И любой производственник тебе это скажет. А ты только обширно ухмыляешься… Ты и бессилие выразить, и поиронизировать над ним готов: мол, не дурак же я, — я все понимаю. Чтобы и рыбку съесть, и в калошу не сесть…

Вернемся к дорогам, где и обнаружим еще одно свидетельство твоего прекрасного настроения: «Дорожники в России, — говоришь ремонтникам на трассе, — никогда не останутся без работы… Ха-ха-ха!».

Женская половина электората дружески тебе заметит: такой смех простителен в постели, но не в присутствии страны, в которой числишься лидером. В доме повешенного не прыгают через скакалку. Уходи уж тогда в Гоголи, отращивай усы и ухмыляйся под ними в адрес дураков и дорог, сколько влезет.

Ни Ельцин, ни ты, ни экономические идеологи, которых вы назначали, ничего тут не смогли изменить; невзирая на хваленую конкурсабельность, ее так и не смогли наладить. И теперь трагедию глубоко эшелонированной халтуры превращаешь в фарс. Все равно, что плясать лезгинку под хорошо темперированный клавир.

ЖКХ

Нет мочи выстраивать твои деяния по нарастающей. Пожалуй, подам навалом то, что по ТВ увидел. Но из навала что-нибудь да прорисуется. Лоскутно-хаотический портрет Путина в образе политика — жанр анатомический: как-никак, промывание косточек сложно-суставчатого поприща преемственного президента, названного нацлидера, крестного премьера плюс менеджера. Последним словом тебя Явлинский в середине нулевых определил, и от точного попадания я, признаться, заторчал. Доморощенно продолжив его мысль, назвал тебя уполномоченным конторщиком толстосумов.

Впрочем, про уплощение налогов как способ вызволения олигархов из финансовой ямы мы еще поговорим. А пока что скажем про ЖКХ. Его аппетит, когда коммунальщики хотели поднять плату для населения на 27,5 %, ты сбил до 22 %. Но при ком в них раззявились аппетиты — вот вопрос. Не при царе же Горохе; тот по ночам лишь пукал — особенно не собьешь… Ты усовестил их до 22 %, но, может, и зарплаты у народа соответственно повысились? Да нет, как же, инфляция официальная — 3,8 %. Значит, и зарплаты около того. И что толку тогда от 3,8 % прибавки к зарплате, если коммунальные платы выросли на 22 %? Похоже на договорную игру с коммунальщиками: ребята, вы объявляете 27,5 %, а я вас процентов на 5 усовещу. Пустячок, но народу кое-какая психотерапия…

По мне, Володя, не обессудь, но это экономическая демагогия или, сам выбирай, демагогическая экономика. Если ты публично отыграл у них 5,5 % — значит, ровно настолько они и хотели всех нажучить. Настолько же правительство у них и развязало жульническую пуповину, предоставив себе активный маневр в копилку доблести.

Что, если и другие отрасли ежегодно будут завышать проценты? Грянет война аппетитов, ряска стабильности всколыхнется, и, как говорил незабвенный Райкин, «…а там уже и пьянка, и драка, и никакой работы, никакого энтюзиязьма».

Впрочем, война аппетитов и не утихала ведь, а отобранные вами с Ельциным экономисты так и не смогли ее утихомирить. Пристроились вы — от продуктов до понятий — в самое отработанное подхвостье капитализма, и выхлопы «Калины желтой» лишили вас научного разумения, оставив лишь при собственных аппетитах.

Есть и твоя цитата, сказанная по другому поводу: «Это выходит за рамки нормальной экономической логики». А экономическую логику с вытекающей из нее экономической стабильностью кто формирует? Ты, выходит, ни при чем?..

Ты — признанный предводитель углеводородов. А ведь ими бани топятся. Когда мы с тобой ходили в Некрасовскую, омовение с паром и студентам было по карману. Теперь же углеводороды твои из-под контроля вышли. В Сочи вход в простую баню стоит 190 рублей: это уже 10 буханок хлеба. В чем дело? Ведь воды в Неве и в речке Сочинке не стало меньше. Не стало меньше и нефти с газом на душу населения. Но теперь я в баню не хожу, лишь ностальгирую по ней. Стипендию получал 40 рублей — на 300 бань. А пенсия 4700 — на 25…

Еще ты говорил о коммунальной бесхозяйственности: мол, улицу отапливают, покрывая свои упущения повышением тарифов:. «По сути, обогреваем воздух». И «надо, — говоришь, — создавать стимулы».

Вот! Наконец-то назвал ключевое экономическое слово, а то раньше все гайдаровским «рынком» голову заморачивали. Пристроились в самое отработанное подхвостье капитализма, ничего более свеженького не видя и не называя. Рынок да рынок — и больше ничего. Правильно, Володя: стимул — это всеобъемлющее понятие, а рынок — лишь разновидность. Молодец! Не ожидал…

А то заладили по-гайдаровски: рынок-рынок… Два параллельных правительства ради только конкуренции ведь не посадишь, так? Одно из них надо будет от кормушки сразу отсадить, потому что накладно.

Так, стимулы… Ну и что, ну и создавай, кто тебе мешает? У тебя научные институты, министерства, лаборанты… Создавай стимулы, кто тебе мешает! В руководящей партии ты — почетный аксакал, оппозиция у тебя промеж ног не шлындает… У тебя такая власть — аналитики подсчитали, у тебя ее больше, чем у Николая Последнего. А у нас, у каждого — хрен с нулями. А ты нам говоришь — надо.

…Но, может, ты это самому себе говоришь? Тогда поясни, что ли, хроникерам: «Этого снимать не надо, это не для граждан — им много чего надо, а я один». И действительно, что мы, сами не видим? Если ты не имеешь экономического, социального, профсоюзного или иного возлестимульного образования, опыта и таланта, если за столько лет не завел при себе толковых стимулологов, то кто ж тебе виноват? И есть ли теперь гарантия, что, пробуксовавши, вот именно теперь создашь настоящие стимулы? Или, что то же самое, скоординируешь усилия стимульных светил? А перед тем ведь еще надо разобраться с охлократией из верных знакомцев, которой ты себя окружил. Или так и будешь пробовать от срока к сроку? А через 6 лет снова: «Надо, Федя, надо…укутывать трубы одеялами, чтобы не греть Сибирь».

А обогрев улиц, между тем, не прекращается. Могу, как только пожелаешь, показать пальцем на трубу горячей воды, протянутую к группе частных домов, с клеванной воронами изоляцией. Хозяева каждый раз минуты две льют воду, пока «горяченькая» не пойдет, а коммунальщики дерут за все как за кипяток. Год за годом наблюдаю. Уже съехал с того места, а как мимо иду, по привычке наблюдаю. Совсем недавно еще раз наблюдал. Сделал небольшой крюк — место тихонькое — и наблюдал.

Здравоохранение

Еще кое-что из рубрики недоумений. Тогда же ты праведно возмутился: на здравоохранение запланировано всего 3 % от бюджета, тогда как во Франции, дескать, и в Германии — 8 %! Да ты подними запись; может, я неправильно трактую твою эмоцию. Но на мой глазок, ты по меньшей мере сокрушался. И я, естественно, задумался: а при ком раньше-то бюджеты формировались? Кто приучил народ к трем процентам то есть? Уж не благопыхающий ли здоровьем Миша Касьянов виноват, — он, что ли, регулярно подсовывал тебе милосердную долю на ратификацию? А, может, это уже Кудрин-подлец процентовку всем нам из трех пальцев составил? Ну, кто, кто в этом виноват — испанка, ветрянка или системная волчанка?

…А-а, кажется, догадываюсь — думская подлянка! Чрезвычайно коварная штука, ни президент, ни премьер не могут развязать ее заскорузлый кукиш. Остается лишь праведно возмущаться. Извини, мол, народ, но я не знаю, как мне к тебе напрямую обратиться, чтобы нам вместе увеличить долю от бюджета, мне этого не позволяет Конституция…

А возле медицины — лекарства. Вот ты спохватился: как же так, мол, лекарства, как только пересекут границу, тут же становятся «в разы» дороже. (Сущая правда, желудком отвечаю: маалокс в Чехии в 2,5 раза дешевле, чем у нас, а она его тоже, как и мы, не производит.) Грабители, а не фармацевты, честное слово, как сказал бы товарищ Саахов. Но, опять же, при ком формировалась эта бамбарбия или, говоря по-русски, вразбомбилово? Может, при графе Путятине Ефиме Васильевиче (1804–1883)? …Да нет, как же — при Путине Владимире Владимировиче (1952 —?)! Сокрушаешься, стало быть, по причине своей же попустительской политики. Или — ухошлепства одной из твоих подчиненных ветвей. Но для дошедшего до аптеки доходяги это одно и то же. И при этом еще умно рассуждаешь о продолжительности жизни, зависящей, мол, от лекарств. Еще бы каплю крокодильей слезы в склянку, и можно переходить от пропарочной критики аптечной дороговизны к процедуре омовения ошибок. И тогда всем будет полное кергуду.

В 11-м году вы с Медведевым параллельно провозгласили крутой подъем собственного производства. Прошло пару лет. С посильной зоркостью вглядываюсь в ценники своих неизбежных лекарств и дедуктивным методом Ш. Холмса определяю, что производство…

Впрочем, я подыскал объяснение: ведь фармацевтика сама по себе — закрытая ложа, еще в «12 стульях» замечено: «…Ляпис двинулся в «Гигроскопический вестник», еженедельный рупор, посредством которого работники фармации общались с внешним миром». Контора, как видите, глухая, из внутреннего мира вы ее тоже не вывели…

А еще ты объявил электронную революцию в деле получения гражданами справок. Сколько можно, мол, «Триста шестьдесят миллионов обращений… Нервотрепки в очередях!». Но почему очереди? И почему нервотрепка? Ты же командир; мало тебе для обеспечения порядка? Это чтобы каждый приходил ко времени, не создавая толкучки. Ты жил в Германии, там порядок в общественных делах — основа добропорядочности граждан. Ну, и кто тебе мешал перенести это на родную почву? Очередь ведь может быть цивилизованной. Твои министры порядка и культуры, что же, азбукой учтивых взаимоотношений между людьми не владеют? Если гражданин, обращаясь к государству, нервничает, виноват в этом не гражданин, а государство. А ты и не знал? Вот так новости! Это же аксиома: если чернь пихается локтями — значит, барин не доработал.

«— Мне только… — начал Остап.

Но он не продолжал. Это было бесполезно. Очередь, серая, каменная, была несокрушима, как греческая фаланга. Каждый знал свое место и готов был умереть за свои маленькие права».

Ищешь теперь спасения в Интернете. Запланировал рывок из бардака. «Все будет учтено могучим ураганом…», как говаривал все тот же О. Бендер; ««…электронным», добавишь ты. Ну, а как же за границей в доинтернетовские времена порядки наводили? Английская почта, для примера, в связи с электронизацией переписки, что, так сразу и распустилась до черепашьих скоростей? Нисколечки. А наша влачится в 10 раз медленнее развозящих ее поездов. «Как так?!» — рассмеются англичане. А вот так: 9 днесь запрягаемо…

В ответ на твои «нервотрепки в очередях» выпишу свой пассаж, оцени удавье спокойствие отстраненного наблюдателя:

«Какие-то все ненормальные люди пошли: глаза либо навыкате, либо на закате. Либо так и пялятся на гримасы, либо уже смертельно устали. А без нервотрепки не могут».

Расходы и доходы

После аварии на «Распадской» говоришь: в угольную отрасль закачали в 9 раз больше, чем ранее за тот же период. И вот вам, дескать, пожалуйста — авария, 90 трупов. Вешаешь тяжелый вопрос: во что деньги вкачаны? Почему, то есть, не появились стимулы для соблюдения безопасности? А деньги у стимулов по усам текли…

До тебя Ельцин вопрошал о выделенных на восстановление Чечни суммах: куда девались? И с придурковатой искренностью плечи вскидывал. А до Ельцина — Высоцкий: «Где деньги, Зин?». Но герой барда спрашивал не куда они пропали, а откуда он их возьмет, чтобы послать ее в магазин.

Теперь и я вскину плечи: а где у тебя, Путин, механизм кары за непонятные расходования? Такой механизм, чтобы, как говорит моя матушка, «обратно из носу вышло» (приблизительный перевод, не обессудь). И на спорт, и на шахты, и на дороги… Публично недоумеваешь, почему виновника прежней аварии Волкова не привлекали, а тот теперь как ни в чем не бывало сидит на селекторном совещании во главе стола…

А вот еще был пожар в ночном клубе, полторы сотни жертв; твое резюме: «Трагедии, подобные пермской, могли произойти где угодно». Ну, поздравляю — признание, равное провалу внедренного в высшую власть разведчика. Присяжным тут уже не о чем толковать. Под твоей многолетней крышей везде, стало быть, закрепилась хапужная конгломерация, и все опции к бизнесу отпускает исключительно за бабло.

По сути, твоя власть, Путин, дает всем держателям параграфов сигнал: «Берите, пока крышую. Только поаккуратнее». В «Хромоножке» аккуратно не получилось — ай-яй-яй, оступилась, бедняжка…

«Надо, — говоришь ты, — ликвидировать практику получения лицензий от многочисленных контор, доходящих для иных предпринимателей до двухсот пятидесяти». Хо-хо! Кто ж тебе столько свиней подложил — Касьянов? Зубков? Фрадков? Надо же так умудриться расплодиться! Это какие же ублюдочные стимулы двигали высшие эшелоны позволения на размножение? И кто их, главное, подпитывал? Теперь сам же разгребаешь. Работы — как на галерах. Никак тебя, бедолагу, не раскуют, чтобы стал сеять доброе, вечное и в других зримых сферах. Все гребешь, гребешь, сам ничего не видя… То-то твоих предшественников раз в неделю показывали, а тебя, гребущего — ежедневно.

Кстати, о галерах. Один умный вещь скажу, ты только не обижайся. Если кто-то не справляется с работой в отпущенное ему время, то он или новичок (тогда простительно, но не больше чем на год), или несчастный трудоголик, которому дома тоскливо, или слабый, малопригодный на данном месте работник. Или не разбирается в кадрах и боится доверить часть работы подчиненному. Или — паранойя незаменимости: уверенность, что данную должность в полной мере может исполнять лишь сам. Или поглощен возможностями поприща, позволяющими лично обогащаться, что само по себе тоже превращается в профессию.

Какой твой вариант, и не знаю. Может, каждого понемногу…

А ты все признаешь и признаешь — одно, другое… Признал бешеные накрутки в торговле. «Сами воротилы лукаво называют их «бонусами»», — не менее лукаво пояснил ты. В иных случаях торговля, значит, не посредник, а преграда между производителем и потребителем? Ах, вон как… А что же они, эти бешеные, мимо твоего внимания на чьи-то толстые пальцы накручивались? Не обратиться ли с этим вопросом к праху Василия Леонтьева? И к праху Феликса Эдмундыча заодно: он ротозейства не прощал…

Нет у тебя, Путин, универсального механизма, при одном только упоминании которого у щипачей и хапужников очко бы судорогой сводило. Ну нет. А ведь лучшего стимула еще не придумано…

Но самое страшное, что ты высказал торговцам-оптовикам — «Вплоть до прокурорской проверки!». Ох, напугал!..

Наполнение недооблаганием

Теперь поговорим о налогах, — если помнишь, мы эту тему на вкусненькое отложили…

Ты уверяешь, что поднимать налоги для богачей не представляется возможным из-за серых схем, в которые владельцы производств обратно занырнут: «Устанавливать дифференциальную шкалу несвоевременно». И все твои присные поют ту же песню. Впрочем, когда тебе с твоей партией требуется на 56 лет вперед златых гор наобещать, тут уже в грудь себя бить готовы. Суками будем — вот теперь… вот скоро… вот-вот возьмем богачей за налоговые жабры! Так-так, ну, и что? Ели вы это дело, наконец, установите, будем ли подсчитывать, сколько по вашей многолетней бездарности попущено мимо казны? Подсчитав, поставим ли в полный рост вопрос: а с кого теперь эти суммы драть? С воров и жуликов? Или, как каламбурят в «АиФ», с волов и куликов?

Но если припомнить: откуда серые схемы появились, при ком расцвели? Серые гуси их принесли из-за океана? Или серые кардиналы порешили их не трогать? Кто их, влезши в президенты, унаследовал, а побороть не смог? На кой хухрень брал власть, если у тебя идей не было, а только голое желание взбодрить Людмилу: «Урра, президентшей будешь!». Тебе уже все твердят, что это полнейшая рня — плоское экономическое мышленье, что это — мутация твоего же собственноручного бессилия.

Даже Жорес Алферов намекнул, что это… Нет, он, конечно, выразился на порядок культурнее: «Несобираемость налогов — это вина государства», — вот и все, что он сказал. Он же Нобелевский лауреат, на 22 года тебя старше и в 22 раза точнее тебя клюет сразу по зерну. А ты трухи всякой начитал на 22 года вперед, строго при этом хмуря бровь, будто это только твоя прерогатива, и никого другого обучить сему невозможно. А в контексте Алферова — проще некуда: сам ты, Путин, и виноват, и вину свою латаешь другой виной, более тяжкой — социальной уравниловкой налогов, при том, что в доходах — пропасть. Труды ученого легли в основание современных технологий, а твой главный экономический труд «Наполнение казны путем недооблагания налогами олигархии» кто и куда повесит на гвоздик?..

Есть мнение Андрея Битова о том, что все состояния в мире сделаны на грабительстве. Песенка эта — петая-перепетая, и сам Битов в курсе.

«Корейко… скривился от ужаса. Первая фраза была отчеркнута синим карандашом и гласила:

«Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем»».

Давай тут втиснемся и порассуждаем, притянув за грудки Битова. Многочисленные примеры — это еще не абсолютный показатель; так, Андрей Георгиевич? А вы говорите — все, тогда как ни одно светило доподлинно не знает, какова их доля. Это ведь из области яйцеголовой огрупленности. Статистики у вас на руках нету? Нету. А только лишь творческая удаль. Поэтому вы хороший писатель, но неважнецкий публицист. Иное дело, когда во многих случаях ограбление происходит иначе — установлением своевольной цены на разновидности товара, особенно новые. Той цены, которая на глазок, а глазок глядит из собственного кармана. Но ведь в этом случае сам ««грабитель» ни при чем, — тут надо притягивать за грудки попустительский режим политэкономики. Иначе говоря, управление государства с его паханами. За установление газовонефтяных цен в новейших условиях, к примеру, за грудки надо притягивать Путина: ты чего наделал, хрен Вовястый! Почему не берешь за грудки углеводородовый генералитет? Ведь, добывая свой товар, они используют все, изготовлнное до них. А платить за это настоящий налог кто будет? Учителя обучали всех вас? Обучали. Медики всю вашу отрасль лечат? Лечат. Дворники перед вами тротуары метут? Метут. А платить им без дураков кто будет? А за испоганенную землю кто отстегнет потомкам? А за истощение общих недр? Все это ты им должен сказать, Путин! И высчитать правильный налог. А ты притворяешься, что ничего не понимаешь. В этом деле ты великий мастер — всем шлангам шланг.

Так вот кто культурным грабителям потакает, Андрей Георгиевич, — государство! Вот кого надо за грудки хватать. Вы были у госпахана на его дне рождения, сидели за столом напротив, но сообщений о хватании за грудки не было. Поэтому мы все тут сидим и держим фигу в кармане.

Никто из культурных грабителей разговаривать с народом не будет. Просто пожмет плечами: не уполномочен! С народом обязан разговаривать тот, кого этот народ избрал. Вы согласны, Андрей Георгиевич? Здесь-то буржуазничать не решитесь? Но тот, кого избрали, не разговаривает. Или не умеет разговаривать как лидер, или шлангом прикидывается. Но это не существенно — почему именно он ни бум-бум. Существен результат, который вокруг имеем.

Ты, Вовястый, не слишком обиделся за Вовястого? Это в детстве мы так выражались: «Ты чего наделал, хрен Вовястый-конусястый!». Иногда и за грудки: «Ах ты, Васясто-конусястый!», это уж у кого какое имя.

Но теперь уже разговор взрослый, можно даже сказать, пожилой, поскольку мы с Битовым тебя заведомо старше. Так и плывем по реке Лете на строго дозированном расстоянии друг от друга, изредка перекрикиваясь. Вот ты налоги притоптал, а прибавочную стоимость при этом куда дел? Толстосумам-работодателям оставил? А у пролетариата спрашивал? Да от таких экономических новостей Маркс в гробу, скорее всего, перевернулся … И как тебя только, Владимир Владимирович, срам не проберет до самых корней политического мастерства!

Ты объясни народу своему — не мне, почему не научился собирать налоги, почему, как только увеличиваешь, толстосумы уходят в тень? Это что же, все мы на их добровольном желании только и держимся? По остаточному, что ли, принципу? И ты это называешь государством? И фейерверки запускаешь в его честь? Да Маркс, считай, перешиб их своей рецензией…

А проведи-ка опрос: «Государства, в которых действует налоговая уравниловка: 1…? 2…? 3…? … … … 98. Мындалысия, 99. Туфтландия». Это я у тебя требую, хочу знать.

А еще хочу знать — как с налогами в 50 наиболее развитых странах мира? Это твоя обязанность: всякие крупные экономические шаги соотносить, по меньшей мере, информационно, с другими государствами. Мы живем не на планете «Россия Постсоветская». У нас у всех на Земле мозги землян, а не марсиан. А если правительство бессильно взимать налоги, адекватные попущенным состояниям, оно обязано с треском сердечных и автомобильных клапанов чесать в отставку. Это следует из природы государства, неписанно сидящей в каждой голове…

Тут бы нам взять музыкальную паузу, если ты не отошел еще от звонкой пощечины Маркса. Но чего уж — дальше побежали… На «Эхе Москвы» миссионер из Швейцарии рассказывал о своей жизни в Тарусском районе Калужской области. Сам он не из богатых, и вообще непонятно, зачем выбрал нашу страну. Регулярно ездит к себе, агитируя сбрасываться для помощи самым бедным в России. И наскребывает.

Такая же попытка среди бизнесменов Тарусы, по его словам, ничего не дала. Наши богачи его практически прогнали, при том, что просил он не так уж много. Но он не унывает: организовал в деревне регулярную раздачу средств на питание нуждающимся. Причем у него так поставлено: чтобы получать помощь, надо и самим, кто как может, зарабатывать. А раздает он на ежедневную подпитку каждому по… 4 рубля 60 копеек. Это как раз на четвертинку хлеба, — ту самую, что в Ленинграде давали в блокаду. Но и эта ничтожная сумма для иных наших жителей, оказывается, подспорье. Он организовывает им закупку оптом в самых дешевых магазинах.

…Казалось бы: зачем ему это? Видеть изо дня в день трудности убогой жизни, считать рубли, копейки, организовывать закупку полусписанных круп, дробленки… Жил бы поживал в благословенной своей стране… Тем более, что сам нацлидер Путин на ЕдРо-съезде заверил общественность: «Мы обещали и не допустим деградации социальной сферы».

Запомнилась история про одного сельского жителя: у него умерла жена, осталось двое детей-школьников, он не работает — то ли работу не может найти, то ли детей дома не с кем оставить. Швейцарец рассказывал, что этот молодой мужик с двумя детьми едят только зерно. У них целый мешок зерна: ежедневно варят, крутят через мясорубку и едят. Другой еды у них нет.

Случай, вероятно, крайний. Но что мы вообще знаем о масштабах подобной скудости существования? «Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами.»

А ведь Калужская область, по вашим правительственным утверждениям, благополучнее других. Губернатора вы хвалили, и он эти хвалы скромно принимал. Отсюда следует, что губернатор с гражданами, во всяком случае, некоторыми, живут в параллельных мирах.

Отвечая гражданам, ты, в частности, сказал: «Для примера приведу Калугу. Губернатор проявляет внимание. Губернатору звонят лично: «Лучшие инвестиции — в Калугу»».

Но что тогда едят в других губерниях, если в благополучной Калуге отдельные мужики пробавляются на зерне? Овес?..

Экстремальный туризм

Будем, однако, дальше шить твой лоскутный портрет. Каков лидер, такова его политика. Какова политика лидера, таковые ему требуются министры и начальники. И пусть они даже семипядистые во лбу, но делают ровно то, что тебе требуется. И ничего тут не поделаешь.

Вот, скажем, на открытии спорткомплекса в Подмосковье ты в речи своей Казань с Канадой перепутал, сам же усмехнувшись: «оговорка по Фрейду». И то верно, в Ванкувере у нас полная КаКа вышла — и с результатами, и с тратами на них. Один только Мутко жил там с 10-кратной роскошью; «В роскошных номерах с ваннами и альковами гнездилось начальство». На выплаченные за его номер деньги в Моршанске можно купить квартиру. Впрочем, об этом уже многажды повторяли: «Проверки приходят и уходят, а министры остаются».

Через день после оговорки по Фрейду ты увольняешь одного из средних начальников системы образования за вымогательство денег со школьников. Вместо закладки фундаментальных основ чиновно-шампуниевой чистоты, таким образом, колупнул пальцем помет альбатросов на верхушке айсберга.

А ведь берут они пример с тебя. Ты и на истребителе катался, и в океанские хляби занырывал, и живого медведя чуть в ЕдРо не заманил, а мы что, лысые? Если хорошо посчитать твой облет рубежей без видимой, а по одной лишь пиарьей надобности, то может получиться, что Мутко жил в ночлежке.

Раз уж коснулись внутреннего туризма и айсбергов, давай легонько пробежимся по местам твоих посещений. Твоя лаборатория по обработке массового сознания рекомендовала тебе показать удаль в различных ситуациях и средах. Слепить, то есть, некий образ всеобъемлющего и невероятно свойского парня. Как сказал поэт Цыбин — тот самый, который пародист Александр Иванов в свое время высмеял жестче других, сравнив сосок лирической девушки поэта, к телу которой тот с ласковыми и неуклюжими словами подбирался, с «клюквинкой»:

Я во всем отражен,Оставляю себя я во всем,Каждый мой отпечаток, как время…

и так далее.

Вот, к примеру, 2010 год. Киты, гейзеры, Камчатка… И я бы так на халяву прокатился. Ты что, не мог до пенсии подождать? Что ты там искал за Полярным Кругом, между Игаркой и Тикси — сведения об объективном состоянии экономики? Или концы метеопредательства, от которого и полыхнули пожары? …Хотя нет вроде — людям, оторванным от большой земли, говорил подбадривающие банальности; а для них всякая речь извне — подарок, они и хавали тебя радостными глазами.

Вертолеты, шторма, океанические хляби… Надеешься красиво погибнуть? Чтобы сериалами увековечили твою жизнь, на высшем накале оборвавшуюся? Все «Вольфрамы» и Пикалевы чтобы списать? Ишь ты, халявщик у судьбы… А за дрова наломанные кто ответит? Нет уж, Боженька все видит, за дрова ответишь. И за базар тоже. До судного дня доживешь как миленький.

На Камчатке медведь закусывал горбушей, а ты смотрел и, по идее, должен был соображать: как же теперь, после пожаров, кормить Россию? А то, получается, зря мотался, если ни одной государственной мысли не привез. И было бы правильно, если бухгалтерия в этом случае посчитала бы расходы.

Рейд все же выдался отменный, со вниманием к проблемам, с раздачей денег, с шорохом тэвэшным и, само собою, с подскоком рейтинга среди общественного Движения Думающих Домохозяек имени Дарьи Донцовой. Выделяя деньги, специально оговорил: «…Надо потратить с нулевой… (тут несколько замялся) коррупционой составляющей». Тень коррупции, то есть, неминуемо витает всюду, но в этот раз ты лично закладываешь ноль. Своего рода подарок, но и знак прокуратуре: этих — можно…

«Имейте в виду, — сказал Остап, строго оглядывая свое войско, — мародерства не допущу. Никаких нарушений закона. … Все, что нам надо, удоевцы отдадут сами».

На гейзеры, жаль только, взглянуть не удалось: погода подкачала, а то для привлечения туристов и на обделку их устьев денег бы подкинул. А так — остались бесхозными, как знаменитый Провал имени Остапа Бендера в Пятигорске.

«Ощущение — экстрим», — сказал ты после китов. Еще бы! Но за экстремальный туризм, ловлю на слове, платят деньги, и немалые.

«— А вы бы на свои катались! … На собственные деньги.

При этих словах должностные лица юмористически переглядывались. Катанье…на свои деньги казалось им просто глупым».

Оговорка по Медоффу

Но вернемся еще ненадолго к Мутко. Эка ты брякнул: «Оговорка по Фрейду»! Теперь модно: чуть что — по старине Зигмунду. Вот и ты заносишься. А оговорился, если уж на то пошло, по Медоффу — тому самому, что сидит в лучшей тюрьме Нью-Йорка. А ты его, отвечая гражданам, почему-то «Мердоком» назвал, хорошо запомнив лишь количество лет, которое ему дали — 150.

Так вот, по Медоффу, а не по Фрейду, равняются теперь все крупные жулики и растратчики. Кстати, о том, что твой непосредственный подчиненный, министр спорта, отдан под суд — ни слова. Стало быть, ты — его протеже… А ведь он наверняка не самый нашкодивший из тех, кто сидит под твоим покровительством. Мне он случайно попал на материал. Ведь куда ни ткни пером, не промахнешься… Или же ты опровергай все то, о чем в прессе говорится. Но, как ты сам выразился, вызвав во мне ностальгию по студенческой поре в Питере, «Замучаетесь пыль глотать, сэр!».

Зарубежные голоса сообщили, что из 75 ключевых фигур российской власти почти все, оказывается, твои назначенцы. Понятно, захотелось повладычить вволю, крупные фигуры собственными пальцами попередвигать… Я вам, мол, не еврей — шахматные премудрости изучать, я сразу — живых персон. И словечки-то какие заветные у тебя проскакивают в отношение зависимых от тебя людей, не считая глотаемой пыли, «бегают, как тараканы… жуют сопли… ковыряют в носу…». А страховщики — «деньги замыливают».

Как же, как же, храню твою лидерскую филологию! Представляю, как ты кричишь им в трубку: «Что вы там мышей не ловите!». А они дуриком: «Чего-о?». А ты, гневясь: «Да у вас там еще конь не валялся!». А они тебе рапортуют: «Уже валялся! И всех мышей передавил!». И ты — секретарю: «Ставь галочку… Нет, две галочки: валялся и передавил…».

Друзей из Питера гуськом вызывал еще в первый срок. Озабочен был личной преданностью, а не положением в стране. Напортачил так, что сам теперь разгребаешь без особого результата. Хотя на эту тему мы уже лаялись в первой части. И будем еще лаяться в резюме…

А вот еще один притянутый на ниточке протеже — Собянин. Сразу порушил 2000 всякоразных ларьков; убытков, как посчитали ларечники — полмиллиарда. «Врассыпную, с лотками на головах, как гуси, бежали беспатентные лоточники.»

По поводу этих «курятников», облепивших все пассажиропотоки, я еще во времена раннего Ельцина ломал стулья в своей частной газетке «Кустарь». Но правильные думы Собянина не согласуются с его телодвижениями. Слона в посудной лавке с топором в хоботе видал? Вот это как раз твой Собянин. Выбрасывая твердую руку, забыл об интересах людей — тех же ларечников и обычных горожан, вдруг не обнаруживших привычных закусочных. Нельзя было, что ли, культурно все обставить, дать достаточный срок на плановую передислокацию, чтобы все заранее знали, куда, зачем и почем идти? Люди опущены до муравьев, которых много лет прикармливали на одном месте, а потом — раз, и убрали: «Конный милиционер галопировал за мороженщиком».) И вот они по утрам бегают, озираясь: как же так, тут ведь было что-то горяченькое наперекусяк? И вот они вечерами высматривают: как же так, тут ведь цветами торговали, где их теперь искать?

Это, Путин, попускаемое тобой политическое бескультурье в худших традициях «новой метлы». Ты же Собянина за огорчение миллионов не уволишь, чай… с лимоном… вон там теперь, за сто рублей… Свою популярность в этом… как его… в Кирдыме, кажется, и в Тюмени этот стабильный с виду господин, видно, солидными нефтяными деньгами завоевывал. Дело нехитрое, Чукотка имени Абрамовича тому свидетельство.

А вот еще один примечательный человек из власти — милицейский генерал Владимир Васильев, думский председатель по законности. Он пойдет здесь не как обвиняемый, а как свидетель обвинения твоей гарантообразной власти. На обсуждении «Закона о полиции» за круглым столом Общественной Палаты рубанул: «Надо всем вылезать из дерьма!». О-о, словечко, скажу тебе, золотого стоит. Возможно, лучшая характеристика законности и порядка в твоем государстве, Путин. Генерал-полковник знает, что говорит. Конечно, он не согласится, что лично облеплен и нанюхался. И никто другой за круглым столом не согласился бы. За столом? Никогда! Да и вне стола. Конкретно? Никто! Вот «мы», все «мы» — это пожалуйста. Честнейший седовласый думский муж не может быть в дерьме по определению. Во всяком случае, с головою — должность высока. А его раздражение понятно: если даже в дерьме стал генералом, то в не столь дерьмовые времена, в непутинские, мог бы дослужиться до генералиссимуса.

Бывший министр Нургалиев после бандитской резни в Кущевке наградил медалью увольняемого главмента Краснодарья генерала Кучурука: ему она что-то вроде заслуженного дембеля, притом, что губернатор Ткачев признал: «Такие банды, бандочки могут быть где угодно в крае». У министра, видать, фуражка набок съехала. А ведь он — твое кадровое наследие. В свете примечательной характеристики Васильева и учитывая небольшой рост Нургалиева, он этим награждением уже просто надел на голову вместо съехавшей фуражки коровью лепеху с козырьком.

Правда, министр попытался: через неделю, уловив недовольство президента, сам и отменил награду. Но лепеха-то уже присохла! И народ видел: министр добровольно ее на голову нахлобучивал.

Справедливее было бы изготовить черный медальон с выбитой на нем надписью «Кущуруку — за Кущевку», а при вручении предоставить голос специально обученному черному щербатому петуху, который и прокукарекал бы: «Кущурукууу!».

А ты хоть знаешь, Путин, что твоей полиции доверяет лишь 1 (один) процент населения? Я сам удивился, но эту цифру назвала в «Новой газете» № 77 журналистка Юлия Латынина. Причем тоже отмечает: «Это удивительные результаты, особенно если

учесть, что людей, носящих погоны, и их родичей в России куда больше одного процента».

Дальше у Латыниной — хоть глаза закрывай, цитировать не буду. Злопыхистка! Наоборот, давай накинем тебе на бедность 10-кратное увеличение — пусть лишь девять из десяти не доверяют, а не 99 из 100. …Нет, опять страшно; давай еще накинем: четверо из пяти не доверяют, так хоть можно жить в государстве, не жмурясь… И все равно, спроси у соседних государств: а у них сколько?

А знаешь, что в государстве, в котором ты — так называемый нацлидер, царит боязнь ближнего своего? Во время прошлой переписной кампании полицейский чин твоей правоохраны официально предостерег радиослушателей, чтобы они никому не открывали дверь, — пусть хоть переписчиком, хоть кем называется. Понятно, лишней работы не хочет. А «Радио России», которое и передало его слова, назвало перед тем цифру: по опросам, треть россиян и без того не собиралась открывать двери переписчикам.

Видишь, начальник, какое время: овцы от страха забились по щелям, и их невозможно хотя бы пересчитать…

А вот еще говорит судья из Питера, его посадили на 5 лет, но потом оправдали, так что уж он-то, наверное, знает, что говорит: «Сегодня вполне реально упечь в тюрьму кого угодно. И доказательства подкинут, и свидетелей найдут… В составе одного из РУВД Санкт-Петербурга… половина сотрудников в бегах, половина — в тюрьме… Это мощнейшая машина беззакония» («АиФ» № 42, стр. 39). Мощно определена твоя законность — а, Путин? А ведь ты был в начальниках, и теперь там гадюшник. Так получается, что делать… Ну, скажу «террариум» — тебе легче? Ты был там заместителем, мог бы как осведомленный особист со стажем что-то подсказать Собчаку, коли уж, как утверждают, шляпу его и портфель носил. Ничего не подсказал, и теперь там змеятник…

Ты вообще увел из Питера весь мужской политес, оставив на хозяйстве бабу, не преминувшую в первую очередь возвести в миллиардеры своего сына. И теперь сосульки убивают невинных горожан, а вслед за сосульками посыпались не привязанные к соцпакетам гастарбайтеры. Я жил в Ленинграде в 1964—1981-м годах, лед сбивали вовремя, улицы убирали всухую, без переработки снега в соленую дристню, не давая смерзнуться; самосвалы под погрузчики подходили, как часики. Спроси любого, да и сам вспомни. Порядок был не только на улице, но и в домах.

А чего при тебе сломалось в собачкомовском Санкт, видите ли, Петербурге, кто там поураганил в любимом городе так, что до сих пор один за другим головотяпские гололеды (не путать с природными) следуют синхронно со снегопадами? Соль — это и к Москве относится: надо сыпать только на природный, неотвратимый гололед, а не все время на снег. Снегоуборочные машины рыщут одна за другой, как на собачьей свадьбе, каждая захватывает всего метр ширины, а если рачительно, могла бы брать два. Потом еще сетуешь, откуда такая низкая производительность, почему столько жгут горючего? Да все оттуда же, все потому. Вспомни, на кого Ельцин пальцем указал, кто надолго засел вверху в качестве первой государственной головы, натащив в экономику своих стимулологов.

На встрече с питерской интеллигенцией ты объяснил, почему добрые дела, на которые государство отпускает средства, в массе своей не исполняются. Нашел этому явлению нужный, полагаешь, термин — «администрирование». Дескать, уже 1015 лет государство с ним ничего не может поделать. Такое неимоверное понятие, читай, что никак к нему не подступиться. Но ведь по мере закручивания гаек государство — это все больше ты. Признаешь, стало быть, челюсти разнузданной при тебе коррупции, которая обижает добрые дела почище даже злых, потому что добрые не защищены и тут проще хапнуть, а от злого конкурента можно и схлопотать. Так если ты не смог переломить ситуацию, зачем же дальше собираешься протирать штаны? Порядочные люди, если в ответственном деле бессильны, пишут не объяснительную, а увольнительную. А ты все объясняешь, почему под твоим крылом процветают адмхищники, и почему, соответственно, не могут подняться с колен социально опущенные, из-за которых ты и взъелся на Шевчука.

Только лишь на самой этой встрече за чаем, то есть по случаю, пообещал упразднить налог с благотворительных сумм, передаваемых на излечение тяжелобольных детей. Но об этом жлобском взыскании говорят уже много лет. И почему естественные решения должны дожидаться твоих чаепитий с раздачей пряников?

У тебя от «Новой газеты», наверное, несварение. Так ею же надо и лечиться. А вот я тебе выпишу из нее микстурку от журналиста Леонида Никитинского: «…Нельзя сделать ничего живого и бескорыстного: ростки его какая-то сила неумолимо закатывает в асфальт, иногда и вместе с делателями… Бескорыстие, как явление совершенно чуждое и непонятное власти, вызывает у нее страшную изжогу».

Так ты под это утверждение, Путин, подпадаешь, и не только физиологической реакцией. А еще потому, что а)не увольняешься, б) не пытаешься изменить положение к лучшему, а лишь подтянул под это дело термин. Если время называют путинским, значит, это именно ты спустил свое маскулинье семя в чиновничьи нравы. Вот и родилось членистоногое, длинношеее администрирование.

Не помешает прокомментировать и твои высказывания на съезде Академии наук. Пусть это было недавно, но ведь уйдет в историю. А я сохраню. А ты своей фигурой обеспечишь читателей. Ну, так! Теперь скажи: зачем надо было лезть еще и в Академию, если нечего сказать? В зале ученые, люди строгой и точной мысли, одних только новых элементов таблицы Менделеева они пережили штук двадцать, а ты им на дне тарелки какую-то пшенку размазываешь… Да ты отдай на речевую экспертизу, может, разберутся, к чему клонились твои разновеликие мысли.

Поехали по пунктам. Ты выдал секрет: в кагэбистские времена старался — добывал в поте лица и в упрятке кишечника передовые западные технологии для наших. А нашим-то, мол, не в корм. Ну, не хотят внедряться в готовенькое ноу-хау, и все тут! И опять непонятно, чего сам-то хочешь. Чтобы хотя бы сейчас внедрялись? Но давеча ровно противоположное говорил: теперь, мол, под одеяло не полезем чавкать, а культурно купим. Вот и пойми тебя…

Далее на что посетовал: за последние годы тебя столько критикуют! И единственный мотив, который в критиканах усмотрел: «Зарабатывают. Или хотят зарабатывать». А в контексте, конечно, бендеровская ворчливость: «Идиоты! Пишут, пишут — и сами не знают, что пишут». Твоя персона, читай, уже столь велика и ужасна, что и негативом своим способна прокормить легион; вспоминается Фазиль-Искандеровский буйвол, который мотает головой, избавляясь от докучливых оводов. Может, это и так; в путинское время люди чем только не кормятся, даже и самим Путиным.

А с другой стороны, что ты хочешь: ты — и это объективно — тема; ты — наизлейшая злоба дня как глава неэффективного, загибающегося государства. На приличном, профессионально работающем руководителе интерес не концентрируется. А на тебе — концентрируется. Хорошо это или плохо? Для меня — политпоганка, а для тебя — дареному пиару в зубы не смотрят.

А давай все же подумаем — может, у людей есть какие-то не известные нам принципы? Вот академик Гинзбург перед смертью из принципа запретил себя отпевать. Не хотел над собою духа ладана. У Фазиля Искандера старый наездник, умирая, наоборот, завещал, чтобы над не заколоченным еще гробом дух витал, только не ладана, а лошади; такой был верный лошадник, завещал, чтобы перед тем, как накроют гроб крышкой, через него, усопшего, лошадь его друга-соперника перескочила.

А тут — академик, нобелевский лауреат. Вообще ничего над своим гробом не захотел — ни ладана, ни лошади, ни попа гнусявого, чтобы отпевал, приятно гнусявывая… сявасявывая, никакой иной утешительной хренотени. Ну, такой человек — атеист, решил себе не изменять.

Вот ты, скажем, в своем отношении к религии за раз переметнулся. А потому, что время изменилось, и тебе стало пользительнее верить. А академику было за 90, хотя в таком возрасте даже Лев Толстой был все еще нетверд в своем отношении к Создателю, а может, и готов был окончательно в него поверить ради того лишь, чтобы маетою своей мыслительной в тупик Небытия не упереться. Вот и тебе не хотелось бы упереться в осознание Небытия. А ведь придется. Атеистическое прошлое, скорее всего, отомстит тебе за предательство.

Вот еще немного о принципах, об идеологии, о мыслях… Пенсионерка спрашивает на всю страну: «Когда будет идея, ради которой стоит жить?». А ты опять кашку манную пожиже: «Ради детей… ради семьи… ради будущего…» — и прочее такое, что каждый и так знает. А она тебя, нацлидера, на содержательность проверяла — что еще, помимо общеизвестного, можешь выразить? Она откровенно на государственную психотерапию напрашивалась. Но ты и здесь отдуплился. А мог бы для вежливости и мыслью шевельнуть — глядишь, чего-нибудь животрепещущее и выскочило бы. Не все же листать сборничек готовых лозунгов, креатив можно славливать не только в нефте-газораспределительной сфере.

Из шпаны в нацлидеры

В «АиФ» № 34 на лицевой странице — школьные фотографии: твоя, Д. Медведева, Т. Голиковой, С. Миронова… Они трое смотрят прямо, как это и свойственно большинству детей, тем более, когда их фотографируют. Один только ты вывернул взгляд на объектив; а вот рыжая собака возле твоих ног — она в естественной позе. Сидел, видно, боком, и тебе человек с фотоаппаратом сказал вдруг: «Вова, снимаю!»; но ты только глаза обратил, поосторожничав всем лицом, а тем более телом оборачиваться. Уже видно: себе на уме; решил, что часть своей сущности, в данном случае — лицо, «раскрывать», то есть прямо выставлять, не обязательно.

В том же номере «АиФ» — твое признание: «Я на самом деле был «шпаной»». Ага, уже тогда, значит, проявились твои претензии на лидерство, но, как можно догадаться, в сфере не мирной состязательности (олимпиады, шахматы и прочее такое), а конспиративно силовой. Тут, чтобы гарантированно побеждать, нужны скрытые преимущества, всякое тайное вызнавательство… Тем сильнее, значит, ты мог затаить обиду на сторонников цивилизованного, скажем так, способа самоутверждения. Шпана утверждается наскоками, обычно чем-то оснащенными; негласно устрашает, если что не так, налетами; умеет быстро исчезнуть в случае опасности или прикинуться невинной. Наверное, все это, особенно последнее, необходимо разведчику как человеку особой, завуалированной миссии. Если очень хочется довлеть, а в открытую не удается, тут в самый раз тайная власть. Судьи и прокуроры в закрытом обществе тоже обладают властью поворачивать закон по-своему. Но далеко не всякий имеет эту склонность — полагать свою волю выше, чем закон. Тугодумные шахматисты с музыкантами, во всяком случае, непригодны. Их законы — правила и ноты. Так что в юристы ты тоже неспроста пошел.

И вот навыки шпаны, образовавшись и облагородившись, тебе и в шпионстве сгодились. Все сошлось: в жизни ты себя нашел (в целом завидный факт — далеко не все себя находят), что и помогло тебе, не оглядываясь по сторонам, дослужиться до директора ФСБ. Это высокий пост, и, уверен, он был пределом твоих мечтаний. Как сказал, исполняя роль жулика в старом фильме «Черный принц», Калягин: «Он так высоко сидит, что из окон его кабинета виден Магадан…». В кресле главособиста тебе надо было от радости прыгать до потолка, потому что это и был твой потенциальный потолок. Первое время ты, наверное, и прыгал, хваля бога за состоявшуюся судьбу. Но потом этого показалось мало…

Тут я тебе расскажу анекдот. В советское время двое беседуют по телефону, и разговор постепенно съезжает на злобу дня. Тот, который поосторожнее: «Вась, может, не стоит сейчас об этом?». А тот, который беспечнее: «Да брось ты, Федя. Если всех таких, как мы, прослушивать, у них ушей не хватит!». Пока Федя думал, чем возразить, вдруг в сети кто-то третий, неизвестный, говорит полногласно, басовито и с расстановкой: «Хватит».

Теперь можно представить, что этот третий был ты — еще на стажировке, перед зачислением в органы. Тебя испытывали на рутинную выдержку, на стойкость нервов; сами экзаменаторы, между тем, тоже слушали, о чем ты не знал, почему и превысил полномочия. Ведь то, что сказал Вася, было неправдой, а ты как молодой советский юрист был еще честен и одновременно горд за Систему, в которую попал: как же так, мол, чтобы у нее да ушей не хватило! Поэтому ты болтунов и наказал за неуважение, чтобы по меньшей мере струхнули. Тебя же самого должны были за прокол отчислить, но, подумав, — в органах тоже ведь не дураки сидят — оценили находчивость: ты, как-никак, нашел способ профилактики масс, чтобы держали язык за зубами. Причем способ эффективный: сказал только двоим, но они, обомлев, разнесут потом изустно многим. Творческий подход к делу, таким образом, оценили.

А теперь 1999-й, из разговора президента Ельцина с Примаковым по спецсвязи: «…Не обессудь, Евгений Максимович, мы с тобой уже не так молоды, чтобы и дальше рулить… Но тут у меня на примете перспективный парень; да ты его хорошо знаешь: Путин. Как ты считаешь? Вот думаю: потянет он роль президента, не потянет? Весь в сомнениях, понимаш… Ты говори прямо: между нами останется. Мы же одни тут». Примаков, зная тебя, Путин, по своему ведомству, стал дипломатично отговаривать президента. (Это лишь моя версия, а правду узнаем году, может, в 2049-м: тебе тогда будет 97, а Примакову — ровно 120.)

Ельцин пуще засомневался, а когда прощались, еще раз спросил: «Так, считаешь, у Путина способностей не хватит?». Примаков, у которого уже иссяк запас дипломатичности, на этот раз ответил прямо: «Не хватит». …И вдруг в строго засекреченной линии раздался третий голос, отрывисто, четко произнесший: «Хватит!». Это был твой голос, Путин — больше ничей. И ты опять здорово рисковал, но если в тот раз от распираемой гордости за Систему тебя просто прорвало, то на этот раз сознательно пошел ва-банк. Как представил себе, что «сообщение с Венерой сделается таким же легким, как переезд из Рыбинска в Ярославль», так и пошел, подхваченный смелостью бендеровской фантазии.

И Ельцин… оценил!

Папа-Ельцин оценил твою вездесущесть во всем, что касается важнейших дел государства, к которым он, уже слегка маразмируя и пугаясь сам даже не зная чего, относил теперь и конфиденциальные переговоры высших лиц. А тут такая неожиданная уверенность… такая, понимаш, вынырливость! Это же и есть гарантия того, что после его ухода на пенсию ничего из-под твоего контроля не ускользнет, никакие неожиданности по черепу не стукнут.

К тому же он любил эффекты и сам был автором иных; например, 1992-й: «Председателем правительства будет… (а никто еще не знает, кого он сейчас, довольный предстоящим эффектом, сиятельно назначит ВРИО)… будет… Гайдар!!».

Вот так неправильно и получилось в твоей судьбе, Путин. Превысил ты свои возможности. В первой прослушке — ладно, но вот во второй… Ты бы сидел да и слушал бы… А ты взял да и сказал… И плохо кончишь — это как пить дать.

Но я вперед забегаю. Нам же еще продолжать.

Твоя «евреяна»

Все же Ельцину требовалось небольшое свидетельство того, что ты сумеешь правильно сыграть на какой-нибудь, по своему выбору, популярной теме. Оно ему вскоре и явилось. Ты и тут не оплошал, зная, что папа может одобрить, а что нет. Главное же — то, что ты предъявил, полностью согласовалось с твоими давними убеждениями: евреи должны знать свое место. Была тебе подсказка чуть ли не на генно-историческом уровне: их — можно.

Нащупал слабое звено в цепи ненавидимых народом олигархов, наименее симпатичного из них, наиболее евреистого — Березовского. По правде сказать, БАБ, «безопасно» раскинувшись от Москвы до Тель-Авива, и сам напрашивался. И напросился: слегка демонизировав его, ты официально замочил его в присутствии телевидения. Чем и снискал снискуемое (чтобы потом лично сникерснуть все самое сникерснуемое — ну, это понятно).

Рому Абрамовича — нет, Рому нельзя было, Рома кормил «семью». Зато прогнал Гусинского, чтобы не выставлял тебя в «Куклах» крошкой Цахесом. Срывчик у тебя произошел по части юмора. Глядя в телевизор, яростно ковырнул в носу — и вдруг кровь пошла: это и есть срывчик.

И потом уже — строгая хронология тут не важна — основательно взялся за самого независимого из них, самого богатого на тот момент, самого умного и видного собой — за Ходорковского, короче. Те двое хотя бы формально с русскими корнями, а этот вообще неизвестно с какого ходу… В пионерлагере, бодро шагая на обеды и ужины, мы, помню, распевали: «С какого, парень, года, с какого парохода, и на каких морях ты побывал, моряк?!». А Михал Борисыч на виду всей клокочущей после ваучерного одурачивания России, а стало быть, на свою голову и на личном пароходе уже вовсю бороздил не какие-то там мелкие моря, а океаны. Одним словом, что-то совершенно антиподское (от слова «антипод», а не то, что ты по-еврейски подумал) тебе явилось в образе Ходора. Ты ему все свои юношеские прыщи и припомнил — и музицирование, и шахматы, в которых ты был слаб, и олимпиады, на которые тебя не вызывали; да так стойко не вызывали, что ты назло всем ввел в активный речевой обиход глагол «просчитывать».

Формально преодолел-таки комплекс неважнецкого шахматиста и нежванецкого шутника, вернее даже — держателя юмористического удара. «Я тебе дам крошку Цахеса! Ты у меня баланду будешь… я тебе накрошу…» — и за парадоксально чухнувшего Гуся с головой на высокой шее отыгрался на гордом Ходоре.

Ты, очевидно, дал себе клятву: «Ну, я тебе сделаю, поц!». И какой хваткой вцепился, разве что не урча. Мол, вот этот один и есть само исчадие, а все остальные олигархи, те, что ради вящего назидания Ходору оставлены в шоколаде, — белые и пушистые, как мох на мошонке полярного медведя. Вот так ему! А чтобы горизонта не заслонял! И разборьбил ты, понимаш, человека вдрызг; даже папа-Ельцин тебя такому не учил. Да и большинство русских скажет: чтобы один хапнул триллион, а другие — ничего? Да такого не бывает! Ну, хорошо, на евреистом Березовском наварил себе заваристый пиар; ну, ладно, шуганул Гусинского, хрен с ним, он и там не пропадет. Но тут-то ведь хватил сверх всякой меры. «Ну и лютый ты, Путин! — сказал тебе народ. — Даже как-то не по-христиански». А православные (не главпопы, а те, что искренне в низах кучкуются) добавили: «Ох, и злыдень…».

Таковы твои нехитрые антиеврейские подвиги, Володь Акелыч. Причем самого Акелу обижаю зря — он против тебя тот же милый Волчок из нетленного мульфильма «Сказка сказок». Кстати, создал фильм кто, знаешь? Ага, тоже…

А Дворковича ты, конечно, по говорящей фамилии подбирал, чтобы изначально знал свое место. К тому же — корректен, учтив, чист, сопли не жует, в носу не ковыряет. …Ну-ну, рассказывай сказки, что не из-за фамилии, а по таланту. Стал бы ты с талантом к себе подпускать, ага… Сам ведь неглуп — своего уровня не можешь не чуять. Не можешь не знать, что чем ниже уровень, тем легче можно такого столкнуть. В подсознании у тебя не талант сидел, а вот что: за двух битых ради мудрости надо одного невинного Дворковича взять…

А вообще, это игра такая, Путин: «Угадай инсинуацию». Три раза, как ты сказал, «топим клавишу»: пум-пум-пум, отлепляем полоску правдоподобия и — оп-ля — приклеиваем на лоб, чтобы всем стало легко и потешно. Ты и сам в нее уже играешь: мозги в гараже, проураганенные миллиарды… Эрнсту можешь заказать сериал «МОЗМИЛ» — чтобы никто сразу не догадался, но чтобы много было закатанных под асфальт, залитых мозгами миллиардов. И в то же время чтобы понятно было, что это фикшн…

Уже дописав твою «Евреяну», услышал про какого-то Вайнштока, с которым ты, оказывается, задружился по нефтяной части. Ну понятно, главное, не по политической; а по нефтяной можно и заочно подружить, лишь бы он свои финансовые обязательства исполнял — обниматься ведь с ним необязательно.

В телефонной книге Ленинграда 60-х я однажды увидел фамилию Розенпфлуг. Вот с ним ты точно не задружился бы. А я бы, может, и задружился — вначале посмеявшись, естественно; у самого есть в загашнике недоумение: «И откуда только у еврейского человека фамилия Зернобель?». Таких даже у Ильфа с Петровым нет, у них максимум — Пфеферкорн; а корн, сам понимаешь, не зерно.

А у тебя, подумаешь, Вайншток. Негусто, да и никакой загадки, на русский можно перевести как «затычка» — это чтобы не вылилось. И сидит он у тебя на заглушке, только не на винной, а на нефтяной, и срабатывает по русскому голосовому коду: «оп!» и вентиль наполовину, а «оп-ля» — на полную…

Только что узнал: из финансовых евреев ты и с братьями задружился; забыл уже, …берги какие-то. Это же не мой мир, сам

понимаешь. То, о чем говорят влезшие в суть вещей журналюги, со всеми нулями и фигурами, дыхания мне уже не собьет. Ясно, что обедняю себя, — значительные нули и фигуры в твое время и чернь волнуют, и ДДД имени ДД. Зато в тебе, Путин, борьба прагматизма с юдофобией все чаще дает пользительный итог. И это скорее хорошо, чем плохо.

Спросил у двоих, смотрящих новости: не помните, когда Путин замочил Березовского — после того, как стал президентом, или до того? Ни черта не помнят! Да и хрен с ним, это уже не столь важно. Твоя беда в том, что ты в одной куче со всеми и умных евреев-государственников на дух не переносишь. Государство, дескать, не их амплуа. Или же — это твое акелычье дело — в полнолуние сознательно трафишь темной части своего электората, составляющую до сих пор неопознанную часть населения. Хотя определить ее легко.

Но еще бóльшая твоя беда, что ты и многих русских, профессионально знающих общественное устройство, имеющих идеи экономически толкового, справедливого переустройства той бучи, что ты замутил, умеющих предметно, из головы, а не из подаваемой бумажки, выражать свои мысли, — ты их тоже на дух не подпускаешь, приравнивая к евреям. Да еще злобно клевещешь на них, отвечая на вопросы электората.

Ты с детства так решил: всякий, кто претендует быть умнее и значимее тебя как шпаны, как шпиона, как юриста, как политика — «яврей». И с ним никаких «истя». И все силы пускаешь на то, чтобы указать такому: лидером допрежь меня не суйсь! А признаешь только одну нацию — «своих», «наших», главный профессионализм которых — в умелой закрытости, в крепком сплочении и еще во многом том, чего от советского строя до гитлерюгенда давно уже проходили, получив на аттестате зрелости по двойке с минусом.

Признаешь только тех, кто ссыт горячо преданным тебе кипятком, вроде судьи Данилкина, которого ты склонил обхамить самого себя лет на 13 с хвостиком.

Политбюро из Петербурга

Ты рассовываешь своих людей там и сям по всем субъектам Федерации. Ты ждал, пока вызванные из Питера освоят ответственные должности, а недостатки ельцинского времени набирали дальнейший ход: разлагались милиция, суд, крепла партия лоббистов-законодателей.

И когда ты теперь выкладываешь в речах череду недостатков в государственной деятельности — дороги, продукты, лекарства, воры и т. д., да так отстраненно, будто в этом виноват кто угодно, только не ты со своим властным трактором, то ставишь себя в положение, достойное осмеяния и того тона, который я тут органично для тебя избрал.

Сведения о том, что ты, презрев элементарную территориально-кадровую субординацию, лично припер во власть 75-сильную машину — это не вмешательство иностранных СМИ во внутренние дела, это не комментарии, это — информация. Я слышал ее собственными ушами. Не опровергнутая тобой, она становится фактом. И вот что по твоей неозвученной версии получается: осеменение только тех, кто был и есть подле тебя, кто тебе предан или, на худой конец, рекомендован тебе теми, кто предан — это Божий промысел. Вот так Боженька ливанул — все в одно место!

«Заметь, что все стулья попали к одному человеку, чего я никак не ожидал.» Заметь, что все кресла перетащены из Петербурга в Москву одним тобою, чего нормальная кадровая политика никак не предусматривала.

Если бы ты, придя во власть, избрал настоящих профессионалов, подобрав их (будь у тебя чутье), может, и не совсем из дружеского окружения — это было бы одно. В этом случае степень твоей личной ответственности за то, что имеем во дворе и в твоем придворье, была бы меньше. Но в этом варианте был бы реальный шанс, что о несогласиях с иными, а то и многими твоими указаниями тебе скажут прямо, не боясь потерять дружбу.

Представляя Собянина как нового мэра Москвы, ты особо подчеркнул, что он из Тюмени (не из Петербурга), и этим еще раз показал, что в целом кадровое рыльце твое в дружеском пуху.

Твое окружение — это твое порождение, путинская поросль. Поэтому и талдычу: ты, ты виновен в слепоте при подборе кадров! Среди тысяч публично выражающих свои идеи и знания людей, ты на свой острый кагэбистский глазок отобрал именно тех, с которыми и пришел к воровскому государству, держащемуся на нефтегазе.

«Нужно быть хорошим хозяином, — тихо говорил он, — сначала как следует поставим дело, тогда-то появятся настоящие доходы.

… Он чувствовал, что именно сейчас, когда старая хозяйственная система сгинула, а новая только начинает жить, можно составить великое богатство».

Узнаешь корейкины мысли, его мощное скрытое дыхание?

«И вообще, хватит с нас государственной деятельности. Пора заняться делом».

А это уже великолепный Остап, без всяких обиняков заложивший смехотворную «госдеятельность» в виде конторы «Рога и копыта» в основание своего частного дела по отъему денег у миллионера.

Не нужно особо и напрягаться, чтобы понять, кто они есть, твои 75 — интеллигенты или хамовитые хмыри?

Маленькая остановка, пройдемся по так называемым интеллигентам от политики. Нашел писульку в своих записях; мысли — никакой, зато филология. А вот, слушай:

«Он, этот лощеный деятель, учтиво произносит «что», именно чистенькое «что», а не «што», видимо, полагает, што все поймут, што он педант, а стало быть, порядошный человек».

Вот и в твоем окружении есть такие чистенькие интеллигенты, не подкопаешься. «Ну что вы — сын старушку не давил!». Но в целом все 75 — можно и не знать их никого — все чохом они ровно то, что вокруг имеем: чистое тождество окружающей реальности. Я ее надоедливо называю политпоганкой. Но каким еще может быть тело государства, если ты скормил ему именно такую кадровую похлебку? Чуткие среди них если и были (а наверное, были, одного даже я знаю — Андрей Илларионов), то бежали, зажав ноздри. А иные, может, поджав хвост.

А прикинувшиеся шлангами — не бежали. Если, к примеру, в системе образования уже заведены таксы за сдачу экзаменов и за выпечку специалистов (2-й Московский медуниверситет), то садиться на парашу должен и министр. Он что, не знал, что делается? Тогда квалифицируем: преступная халатность. А если знал — покрывательство. Но, ничего не предпринимая по существу, он в то же время и из власти не желает чесать вон, зажав ноздри и сверкая квитанциями на подошвах от «Ремонта обуви»; по ним-то его можно будет и отыскать — щелк-щелк мобильником, если не определятся виновные.

Давай-ка расскажем читателю миниатюрку Александра Житинского 70-х годов. Он к тому же наш с тобою земляк из Ленинграда, помнишь, был такой город дособачкомовской эпохи?

««Вы черт?» — спросил я. «Конечно, — важно согласился он. — А что, не видно?» «Да не особенно…» — сказал я. Тогда он

продемонстрировал мне рожки и копыта. Рожки подсвечивались изнутри красными лампочками, на каждом копыте стоял штамп ОТК и Знак качества, хвост был сделан из мохера. «Ну?» — спросил черт. «Жаль, — сказал я, — а я не так представлял себе черта.» «А как?» — опешил черт. «А вот так», — сказал я и… вывернулся наизнанку, словно варежка. Мне стало темно внутри себя и немного стыдно. Не знаю, что он там увидел, — я бы и сам хотел на это посмотреть… Когда я вывернулся обратно, черт был уже далеко. Он бежал, поджав хвост и обхватив голову руками. Крик его был невыносим».

А против тех, кто, как Илларионов, бежал или отшатнулся от твоей политики, рекомендую тебе, как известному остапофилу, употреблять реплику Бендера: «…Но Адам — честный человек, он плохо разбирается в жизни». Легко, изящно, и не надо объясняться. Не знающие жизни, видимо, и побежали от тебя без оглядки прочь. Про таких можно сказать:

«Сразу видно человека с раньшего времени. Теперь таких уже нету и скоро совсем не будет».

Но вернемся к кадровой сфере. Ничего о ней не ведая, помню все же один случай проявления чести притянутого во власть деятеля. И, как ты уже понял, — не нашего. Давний друг американского президента Клинтона, назначенный им на одну из важных должностей, от того, что не справился… покончил самоубийством, как сообщалось в СМИ. А твой фельдфебель от бога Грызлов, ляпнув позорную фразу (разумеется, это вершина его интеллектуальной косности), от которой ржут, наверное, и его лакеи, не желает с адекватным позорным треском удалиться из высшей власти.

Если ты — нацлидер, где твоя зажигательная речь, о чем она, что шевельнула в сознании людей? Ты ведь, если лидер, — впередсмотрящий, так? Что ты там увидел — обернись, поведай народу своему, ободряюще махни ему рукой. Где твоя сеялка разума, добра и вечных ценностей — в рукаве, что ли? На каком заседании тебя нацлидером назвали, кто они, эти вовины володины?

У Бориса Стругацкого — тоже земляк — та кодла, которую ты натащил во власть, вся ее нажитая в твои годы инфраструктура со средствами, с лакеями, с заплечных дел мастерами во всех отраслях, со своими заветными параграфами в законах-перекликается с «Трудно быть богом». В определенном сближении это и есть групповой портрет твоей политической мазни.

«Наши» и желтая машина

Не знаю, какой куратор спустил кучкующимся бронеподросткам ярлык «Наши» на древке, но ясно, что ты его одобрил. Иначе порекомендовал бы заменить на другое. А то и устроил бы, по идее, общественную дискуссию.

В моем выпускном классе школы № 20 (молодой индустриальный городок Ангрен Ташкентской области) учились Вася Кирсанов, Саня Соколов, Гена Ненашкин, хохол Володя Сисюк, кореец Тян, узбек Ибрагим Холбаев и я, записанный в паспорте как армянин, что было стопроцентной правдой. Если бы ты предложил первым троим (даже четверым) организовать группу «Наши», чтобы узбек, кореец и примкнувший к ним Чилингарян уточнили бы свое место под солнцем, они для начала посмотрели бы на тебя как на придурка, а если бы настаивал, сказали: «А ну, вали отсюда!».

Не припомню ни драк, ни серьезных стычек; практически не матерились, трехэтажно налетали друг на друга только под оком фотоаппарата — это чтобы снимки динамичнее; хорошие воспоминания остались обо всех, особенно о Васе. Высокий интеллигентный парень, занимался атлетизмом и другим неназойливо привил вкус; но чтобы когда-нибудь силу ради силы показать — такого не припомню. Также и того, чтобы нецензурно выражался. С тех пор его не видел, почти ничего о его судьбе не знаю, но ты отыщи его, Путин: Кирсанов Василий Семенович, 1946 г.р., в 1964-м уехал в Оренбург, поступил, куда хотел — в медицинский вуз. Отыщи его, поговори с ним ностальгически о Томи Коно, о Юрии Власове, о советском проповеднике культуризма Тэнно и между делом узнай его мнение о твоих молодежных движениях. Уверен, первое, что он спросит — а куда они движутся, чего хотят? А услышав демагогическое блеяние, потеряет к тебе интерес.

А если бы ты сказал, усмехаясь, Генке Ненашкину: «У тебя хоть и фамилия подкачала, но тебя тоже берем без вопросов», — он бы тебе ответил… Он бы тебе точно ответил… Однажды, в 11-м классе, уже перед самым окончанием, он выразился в мой адрес — до сих пор помню. Было классное собрание; я, одержимый идеей натянуть на серебряную медаль, вступил в затянувшееся разбирательство с учительницей; и вот он не выдержал и обронил досадливо: «Ну, чего ты цыганишь!». Хотя я действительно был похож на цыгана, это слово явилось для меня откровением. И это было его единственное высказывание «по личности», почему и помню. И охота выцыганивать серебро вскоре же пропала.

А я тебя уже сейчас одерну: ты чего народ свой по Дарвину разводишь! Усвоил политиканскую азбуку — разделяй и властвуй, и гонишь селигерскую волну с тухлой тюлькой, лишь бы и «наши», и «не наши» мыслями глубже не зарывались, меж собой лишь наскакивая. Покажи населению список стран, хотя бы африканских, где молодежь с подобной подоплекой взята под крыло самим нацлидером. Ты ведь любишь сослаться на мировую практику. А при этом реальную оппозицию, не думских сидельцев, с ее информацией, которая тебе в горле комом, на ТВ не пущаешь. Считаешь их, видно, дураками — фунишь и бунькаешь на всю страну, новый базарный глагол выдумал: «ураганить» (я как сочинитель приревновал), но без доказательств: сам, стало быть, пургу несешь. Вот давай тогда без дураков и выкладывай. А то я тут сижу и ни черта не знаю, и пока объяснительную не получу, буду полагать, что ты один до такой зоологии додумался…

«Пофуниваешь» и «побунькиваешь» — это глаголы Василия Аксенова. По Ходорковскому, к примеру, ты судье Данилкину бунькнул, что надо делать, а про ураганящего миллиардера Рыжкова явно нафунил. У Аксенова, между прочим, более деликатный вариант употребления — деепричастный, да еще и в отношении детей: «Внуки Мамани спали, пофунивая и побунькивая». А ты при ясном уме и здравой памяти (да еще в твоем возрасте) взял да и бунькнул на всю страну. И вышла фунь.

Довел дело, понимаешь, до карикатуры: твои идеологические сатрапы кормлены и рьяны, поводки их натянуты до хрипоты, всем «нашим» сунули под нос ваточки с запахом чужаков. Сам ты бросаешь горсть земли лишь на могилку «своего», давая знак, чтобы на не своих полетел булыжник. А у сатрапов — ягодицы, на ягодицах — кобура, в кобуре — камни, а на твоей брови — напряг, на губах — «ату!»… «Молодые люди смотрели оратору в рот или записывали лекцию в книжечку» — это еще не подражание Ку-Клукс-Клану, но уже материал для Кукрыниксов…

У политиканов мысли движутся по избранным законам, у бандитов — по понятиям, а у творческих людей — по ассоциациям. А ты, Путин, сверх меры озабочен территориальной целостностью, а то и приумножением России. При этом ты только оболочку укрепляешь: ударяешь рейдами по окраинам, бипишные нефтяные шельфы обихаживаешь, внимательно изучаешь этимологию названий подледовитых хребтов, чтобы предъявить их в ООН в качестве коренных зубов России со всеми вытекающими правами. Ильфа еще как следует не освоил, а уже в шельфы полез. Не соблюдаешь алфавита, троечник!

Подписал соглашение с «Экссон» о совместной разработке шельфа. Дело серьезное, без булды: без смеха, без Ильфа то есть. Слежу за тобой, а как же, слежу… Поздравляю — 300 миллиардов долларов; с инфраструктурой смог натянуть до 500. Так, и что мне с них будет? На пару бесплатных зубов подкинешь? Или хотя бы на электромясорубку — это дешевле. А то уже выпадают, и рука слабеет. Буду не жевать, так тямкать — котлетки двойной перекрутки по пельменному рецепту от Наины Ельциной.

У Есенина есть известная строка: «Дай, Джим, на счастье лапу мне». Она бы тебе пригодилась, будь среди подписантов от «Экссон» человек с таким именем. Да окажись у него еще волосатая «лапа»… Да будь опытный переводчик, чтобы пояснил и тот бы не обиделся…

В общем, договорились: тебе — счастье, а всем пенсионерам — социальные мясорубки.

Теперь пересекаем страну с Севера на Юго-Восток и видим: сам за рулем долго едешь вдоль Китая, дразня его символическим цветом своей «Калины».

Ты говоришь, что цвет выпал тебе случайно; а я говорю — окраска по Фрейду.

«Черный цвет — слишком траурно, — говорил Остап. — Розовый — пошло, голубой — банально. …Придется выкрасить «Антилопу» в желтый цвет».

Про то, что китаезы желты, весь мир знает. Желты, желты! Как окна в блоковской «Фабрике». Помнишь, конечно: «В соседнем доме окна жолты По вечерам по вечерам Скрипят задумчивые болты, Приходят люди к воротам…» Ну, болты оставим на совести Блока, он великий поэт, и ему нет нужды разбираться в болтах больше твоего. А тем более, крепить ими вертикаль. Это тебе все время надо боталом болтать ради поддержания электората в тонусе. А Блок в своем Шахматове пожертвовал качеством и выиграл. Ведь красиво — а, Путин? А ну, задумался на секунду! Скрипят задумчивые болты… А? Скрипят как пропитозный голос у позднего Ельцина.

Так вот, твоя долгая езда вдоль Китая… Это была скрытная провокация властолюбца, уверяю тебя, повадка с политической желтизною. Еще бы взять бабу в салон — и полный Фрейд.

Дела кавказские

Теперь переместимся на Юг, рассмотрим твои кавказские решения. Но для начала вспомним пресс-конференцию для журналистов, когда свежи еще были пертурбации с Косово и с его признанием Штатами и Европой. Тебя спросили: будет ли зеркальная реакция России по отношению к Абхазии и Осетии, давно изнывающим по независимости? Ах, как ты их, Володя, срезал — мы, дескать, «не собираемся обезьянничать»… Тонко подчеркнул тем самым, что признание Западом Косова — не самое зрелое для высших приматов решение. Блеск!

Но что случилось потом, тоже ведь не забыли. Косовские дела таки уели тебя… Да, ты справедливо возмущался диктатом Америки, указывающей всему миру, какие государства следует признавать, а какие нет… И решил подкрепить свое возмущение ответными действиями, дабы показать, что ты и сам крутозавр еще тот, и одурачивать себя с Косово не позволишь. «Я вам (озвучиваю твои мысли) не лопух Ельцин, затевавший игрушечный марш-рывок в танкетках на босу ногу в братскую Косовину. Уж я-то не меньше вашего отхвачу!»

И ведь как все правильно просчитал. Президентом тогда был Медведев, и (это я уже начинаю сочинять) ты ему сказал: «А давай, Дима, кинем Саакашвили, а то чего-то хамить стал». Видно, у тебя были к тому не только геополитические, но и личные антипатии. Не то он тебе что-то бунькнул за столом, а может, и чего-то иронически нафунял в твоем присутствии. «А как?» — завелся молодой президент; по сути, стажер, поэтому он и задает вопросы. «Миша — несдержанный дурак, — сказал ты. — Мы его на этом и подловим». «Так-так, уже интересно», — вовлекся еще не нюхнувший геополитики Дима. «Знаешь, как насекомое из щели усиками дразнится? — говоришь ты с глумливой усмешкой героя Ильи Репина, пишущего письмо турецкому султану. — Слабонервных это раздражает…» «Что за усики, — предвкусился Дима, — из какой щели?» И тут ты, метафорически подмигнув, раскрываешь свой план: «Стволами танков шевельнем, Дима! Из Рокккского туннеля!». «А что, мысль! — восхитился Дима, зная, что ни у какого старческого Политбюро согласования не потребуется. — И что, Саакашвили дернется?» «Все просчитано: он горячий — он дернется… А мы его мотивированно отоварим».

Дима задумался внезапно, ткнувшись коленочкой пальца в уголок рта: «Так, а где мы сами в это время будем? Ведь наскок Саакашвили должен застать нас… ээ… как бы врасплох?». «Правильно мыслишь. И это тоже просчитано. Я буду в Пекине на Олимпиаде, меня сам черт не заподозрит. А ты?.. Да лучше всего, если отплывешь в семейный отпуск. Как Горький: все по Волге, по Волге! Когда Миша двинет, до меня уже некогда будет прозваниваться. Сам скомандуешь. Не робей, главком! Сердюков уже расписал схему. Вот папочка.»

«Так, и как это будет происходить?» — полюбопытствовал Дима, беря папочку и начиная развязывать тесемки. «Недавно читал «12 стульев», — вновь усмехаясь, говоришь ты; зацепила серьезная фраза, ты мне ее как раз напомнил. Вот: «Как все это будет происходить, нам и знать не надо: на то военные люди есть. …Нам что важно? Быть готовыми». Видишь, писатели — и то понимают… «Отлично! — в ответ усмехнулся Дима, обратно завязывая недоразвязанный бантик. — Классическое обоснование! Не буду и смотреть».

«Там нечего смотреть… Все будет тип-топ, комар носа не подточит. Миша у нас еще сопли будет жевать за непочтение. Ну, что, кидаем?»

«Давай!» — и Дима сделал безалаберный русский жест, когда комара на теле не прихлопывают, а лишь размашисто пугают-прогоняют. После чего вы расслабились, выпили хорошего грузинского вина из старых запасов, и один из вас (скорее всего, ты), посмеиваясь, припомнил забавные бредни Остапа Бендера, излагаемые Корейке, когда они путешествовали по Средней Азии на верблюдах:

«…Объявлю священную войну, джихад. Например, Дании. Зачем датчане замучили своего принца Гамлета? При современной политической обстановке даже Лига Наций удовлетворится таким поводом к войне.» Между прочим, как он, потомок янычаров, именно Данию предвидел! Может, это она ему отомстила, опубликовав вздорные картинки с пророком Мухаммедом?

И вот шевельнули вы стволами, и злобно дернулся Миша — как зверек, которому сунули в нору стволовую палку. И геополитику свою за три дня сам же медным тазом и накрыл. А вы, товарищи главкомы, заодно прощупали свои армейские прорехи. А Дима потом припомнил: «Ты, Владимирыч, что-то насчет соплей обещался…» — думая подтрунить над неполнотой маневра. «Как, а галстук? Все видели: жевал!» «Но это же не совсем то», — фыркнул Дима так, как только он один это умеет. «Все, что под носом — сопли!» — жестко подвел ты итог военной операции. И признал Абхазию с Осетией. То есть собезьянничал. Хотя тогда на пресс-конференции тебя за язык никто не дергал. Но, желая предстать эффектнее, ты разглагольствовался и получил… Ведь сказал же поэт, которого ты вряд ли читал, а то бы остерегся: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Великодержавное гоношение

Политики бывают разные. У иных все начинается с повадок шпаны, отстаивающей свою («нашу») территорию во дворе. Ну, а потом, если во власть прорвется…

В мае 2009-го в Японии, вальяжно рассевшись перед камерами, ты усовещал японцев по поводу Курил: «Терпение надо иметь». Говорил про отсутствие «политической дружбы», но позиции соседа не пояснял. Лишь заявлял: юридических препятствий нет уже. Но мы же не знаем: то ли Япония сама кобенится, то ли ты им не нравишься в качестве дружбана. А гонором вовсю от тебя шибает. Сразу после Японии ты и в Китае о проблеме Курил глаголил, откинувшись в кресле и ноги шире плеч расставив: твердую позицию, читай, демонстрировал. Такой, понимаешь ли, международный пахан — что ты!

А у народа про Курилы спрашивал? Ты кто такой?! Загляни вначале в Конституцию, папаша, вопросы территорий всех до единого касаются. Верховоды твоей власти, если что, своих детей на передовую не пошлют «санитаркой — звать Тамаркой».

Там у тебя в Думе есть удобный для власти чудила Жириновский, предложивший в ответ на недовольство Японии не посещать японские рестораны. После сакэ его, видать, суши мучит — никак себе опохмелку не подберет.

Ты почему, Путин, своему народу простые цифры и доводы не выложишь? Что плотность населения в Китае в 20 раз больше нашей, а в Японии — в 41 раз. Ведь все они уже родились, взад их не пошлешь. Что площадь южных Курил составляет одну двухтысячную часть России, и это все равно, что из 10 ящиков водки отлить одну рюмочку. Двести бутылок сообразил? И из одной из них одну десятую часть представил? Что стратегического значения эти, южные, иметь не могут, потому что остаются северные. При тебе же были ликвидированы действительно важные базы на Кубе и во Вьетнаме. Каким логарифмометром ты их просчитал-профукал? Стратегию отдал, а в тактику вцепился, видно, с логикой в голове заело. Что потерю биоресурсов можно учесть в договоре о возврате островов. То же самое — и переселение жителей южных островов на северные, с гораздо лучшими жилищными условиями и с такой же точно природой. С полной оплатой им всех затрат — из казны России, если не хватит японских средств. В чем препятствия, объясни. Что на донышке, кроме кучки политиканского гонора? А лучшие отношения с Японией после заключения мира разве не отзовутся для нас выгодой? Разве не вернутся эти потраченные из казны копейки? Да ты и остался шпаной, Путин, если ради хороших отношений с соседом жилишься выковырнуть из кармана замусоленную конфетку в знак добропорядочности и взаимопонимания.

Между прочим, Япония — культурная страна, ревностно сохраняет свою экологию и животный мир. По числу нападений медведей на людей она, скорее всего, превосходит Россию: 84 за последний год, из них 4 — с летальным исходом. Тем не менее, в стране с территорией, меньше нашей ровно в 50 раз, «…живут одной семьею люди, кони и медведи…». Учитывая, что, из твоих же слов, уже 15 % наших земель экологически неблагоприятны, при нашей неимоверной разбросанности и хозяйственной расхлябанности, Курилы Японии можно отдавать как в «хорошие руки» — за бесплатно. (О чем, впрочем, можно и помалкивать, потому что сами они готовы, кажется, платить.) Уж медведей бы они точно сохранили, тогда как наши обустройщики — не факт, что дружественно с ними обойдутся. При корчевке пней у них наверняка взыграет законный аппетит на медвежатину.

По законам шпаны диктуешь малому соседу — Японии, но поджимаешь хвост перед более сильным — Китаем: на желтизну «Калины» только и хватило смелости. То, что ты придумал отвлечь нашего посла в Норвегии на какую-то ерунду, лишь бы только не ходил на церемонию оглашения премии Мира китайскому диссиденту, 90 % слушателей «Эха Москвы» сочли «позорной дипломатией». А ведь многие иностранцы попроще, особо не вдаваясь, идентифицируют подобное политиканство со всеми гражданами России без разбора. И чем им возразить? Что это только нынешнее российское политбюро кривожопое, а не весь народ? А они скажут: «А кто ваше политбюро избирал — сами!».

…Когда на Японию в 2011-м нахлынуло цунами, отдельные геополитикане из бомонда на разных этажах возопили: «Это ей за Курилы!». Но в СМИ об этих ублюдках вообще зря упоминали, их гораздо меньше, чем нормальных людей. Тем не менее, те же россияне, которые нормальны, опроси их, вынужденно признают: как сообщества людей мы с Японией — на первом и последнем этажах. Сразу после терактов у нас таксисты остервенело рвут кошельки торопящихся граждан; при первом же слухе о дефиците продуктов продавцы мощно суетятся с ценами.

Был и остаюсь при мнении, что человек в гораздо большей степени есть общественное существо, чем это полагает нынешняя наша «отмежуйская» власть. В явлениях рвачества, прочих низких чертах из обширного человеческого диапазона сам человек виновен, условно говоря, на 1/100. Чем русский при рождении ущербнее японца — можешь пояснить, Путин? А вот конкретно в путинское время — не в горбачевское, не в брежневское и даже не в более прошлое — мы с японцами по занимаемым в мире местам человеческой солидарности и порядочности стали антиподами. После катастрофы бутылки с водой их продавцы бесплатно раздавали. Да ты сам все знаешь — если живешь не в музейном Т-34.

Сама система ценностей в заваренной тобою буче говорит всей нашей обслуге и коммерции: «Рви, пока есть момент!». И где мы окажемся, свались что-то общее на всех?..

Международная роль

Тебе, Путин, на пенсию коверным бы в круглый зал ООН — будешь в перерывах публику развлекать объяснениями того, куда деньги уходили, почему твои министры как сыр в масле катались, или как ты сам в Поляне Красной… Циркового авторитета уже достаточно. И СМИ-шного глашатайства, как мы ежедневно видим на цэтэвэ — «Только на цэтэвэ!». Умеешь рейтингами жонглировать… Под твоим приглядом казну пилят как иллюзионистову жену… С адмресурсных трамплинов взлетают ввысь твои доверенные… Какие люди… А под доскою гнучей, не переча тебе, даром что поперек чурка отборная… Сгодится и умение громко оглашать ветхозаветные банальности… Если подавать их с напыщенной важностью, можно вызвать смех… Пойдут в дело и живые картинки с чавкающим под одеялом котом Абелем. На ковре всякий твой талант сгодится. А подстегивать бичом нужные параграфы — тоже ведь искусство требуется, и ты им вовсю владеешь. В общем, универсал. А когда все и так уже выдохнутся от смеха, возьми да и ныркни под ковер, и там — те же телодвижения произведи, которые только что на ковре. Ты ведь что на нем, что под ним — большой мастер. Эффект будет сногсшибательный.

Шулерство, иллюзион… Советский строй указывал на положительные примеры только из жизни собственного соцлагеря. Ты же берешь отрицательные примеры только из жизни других стран. А это одно и то же. И потом, один умный вещь тебе скажу, ты только не обижайся: они могут себе это позволить, их граждане на порядок менее зависимы от воли дураков, у большинства у них высшая власть не кучкуется, вырождаясь. Потому что здоровая конкуренция. Они друг друга, даром, что это Лукашенко говорил, перетрахивают, — вот и румянец на щеках. И с честью у них порядок: чихнут в присутствии — и марш в отставку. А ты резонансом в лужу — и не утерся даже. А кому какое дело, говоришь, куда брызги полетят… А брызги твои до Краснодарья долетели, ты там молчком уже обитаемое гнездышко для себя и отпрыска свил — лукашенствуешь, лукавый…

Таланты, коверный и подковерный, неоспоримо в тебе наличествуют. В Берлине пролетом, очевидно, от собаки Кони до человека Берлускони солидных немцев развлекал: как бы вам, господа, не доиграться, — ведь до дров опуститесь… А дрова-то, мол, в Сибири только… И все равно, стало быть, за углеводородами в очередь ко мне…

Весело потешались немцы перед лицом дровяного будущего, и хотя в истинной природе смеха этой почтенной публики я не разобрался, все же браво, Володя, главное — результат; рассмешившего не судят. А их весельем и ты был доволен, сам вовсю улыбался. Поэтому и говорю: тут у тебя определенно талант.

Покажешь, фиглярствуя, как обогнал по коррумпированности отсталые народы Африки, для чего пригласи из зала на ковер пару черных представителей и устрой с ними круговые побегушки. Подтверди свирепеющей мимикой 150-е место, которое Россия, согласно международным наблюдениям, заняла при тебе по доброжелательности населения страны в отношениях с окружающими.

В заключение напомни им свою мировую клятву: «Сукой буду — к ядерному кейсу не притронусь!» — в обмен на добавку «А в остальное не суйте нос». И, соответственно, своим сукиным сыном представься, достав из пистона клоунского пиджака накладные клычки…

«Бороденки сбрить!»

…Один глупый вещь о себе скажу, — ты, Володя, главное, сам не обижайся. С детства люблю дразнить. Не всех подряд, а кто напрашивается. Предпочитаю тех, кто с дутыми претензиями. Не пародировать, а именно дразнить. И не знаю, с чего это: может, от того, что во мне только гены крестьян и ремесленников (лишь отец — учитель), и, видать, это плебс дурачится. Знаешь ведь, как дразнят кусачих зверьков в норе, — да, мы ведь уже вспоминали, что ты так грузинского лидера выманивал, суя ему танковые стволы.

В этом деле есть маленько психофилософии, это не просто так. Я сам еле догадался, в чем тут дело. Дразню — значит, провоцирую муть душевную, то есть первую сигналку. Если ты дернешься, покажешь зубы, я скажу — до свидания, мне уже все ясно и уже скучно с тобой, и даже спать с тобой не хочется, потому что ты даже не женщина. А вот если стерпишь, то лучше придурковатым останусь сам, но тебя зауважаю, тут только и полезем в эмпиреи. Лакмус это, понимаешь рискованный лакмус. Нет лучшего способа проверить победу над инстинктом. Чрезмерная обидчивость сразу говорит о закозлевшем характере. Ну, о чем мне тогда разговаривать с козлом, сам подумай. В иных случаях я и сам козел еще тот.

Но вот то, что тебе приписывает бывший секретарь Союза журналистов Яковенко, и есть, похоже, масштаб твоей персоны: «Путин мелок, суетлив и личностен. Люто ненавидел высмеиванье себя в куклах», — это не в застолье сказано, а на «Эхе Москвы».

Проведи опрос среди интеллигенции: кто не подпишется под этими словами Яковенко? Разумеется, анонимно…

На воре шапка горит, Путин, — ты знаешь? Если так боишься осмеяния, — тем более его достоин. Одно неосторожное движение ластами — и уже смешно!

А ты загордился — кукловодов-пародистов, понимаешь, разогнал. Смешной! В фольклоре есть царевна Несмеяна, а ты, что ли, на Необсмеяныча претендуешь? Прототипом? Ага! Так вот почему к Эрнсту на юбилей ходил — выведывал, как все время оставаться Первым? Сохраниться хочешь в необсмеянном нафталине аки в сакрализаторе? Смешно…

У каждого, бывает, подопрет — и булькнет, что ошибок не совершал и его высказывания надо на граните высекать. Д. Медведев разок булькнул о граните, как бы полушутя — но хорошо, что лишь разок и не всерьез. Многие хоть разок да выбулькнут: я — гений. Но потом просыпается и думает: эх, как же так я вчера глупость сморозил, — и бьет себя ушами по щекам. Но другим ни за что не скажет, не признает вчерашних глупостей, будет лишь в тряпочку жалеть, что неудержимо выбулькнул. А поздно уже… Поздно, поздно… Я уже вчера услышал, и мне этого достаточно; даже если теперь публично начнешь себя ушами хлестать — поздно, я собственные свои заткну и прикрою глазки, чтобы не слышать и не видеть шлепков твоих и оправданий. Лишь порешу во тьме своей мысли: раз не утерпел и выбулькнул — марш с глаз долой лет на 10!

Такова, подытоживая, легкая препарация процессов, происходящих в том, кто с детства склонен дразнить.

Есть детский прозаик Юрий Коваль. К огорчению миллионов почитателей его светлого таланта, он давно покинул наш мир. У него есть герой с чу́дным именем — СуерВыер. Слышится и про детство, и про все волнительное после… Капитан океанического судна у него такой — сэр СуерВыер. Даже ты со своей обширной занятостью найдешь секунд пять, чтобы оценить это имя; иначе какой же ты, Путин, русский…

А еще у Коваля есть интересное словечко: вно. По памяти: «С правого борта колыхалось немало вна, и его стало прибивать к берегу». Как я уже упоминал, на вопрос корреспондента о допущенных тобою политических ошибках ты заявил, что таковых вообще не совершал. Подражая деликатности Юрия Коваля, я подумал: надо же, какая рня! Ты это нарочно — чтобы дразнить меня? Народ безмолвствует, практически дремлет, а ты ему травинкой в носу… Если это была шутка, то «дурацкие у тебя шутки, боцман Кацман», сказал бы тебе сэр СуерВыер. Я сам — СуерВыер, сказал бы тебе, сэр СуерВыер, но даже я травинку в нос народу совать не стал бы…

Вот мы сидим с тобой час, другой, нам уже и простыни, и кружки поменяли, и я тебе кое-что напомнил из твоих деяний, и мы скоро уже одеваться начнем… А ты так-таки и не совершал? Да у тебя полиции доверяет 1 (один) процент населения! У тебя… Да при тебе… Листай разборку нашу вперед и взад…

Ну, Володя, вот тут сильный раздразнеж пошел. Я даже представил нас в одной камере: «Ути-пути, а ты что тут делаешь? …А если прутиком? …А саечку за испуг?».

Лет 30 назад я записал в блокнотике: «Эй, ты, в дубовом кабинете, почему так хочется тебя дразнить?!». Вот к Пушкину — а в отделке его кабинета наверняка был дуб — это не относится. Пусть даже он не всегда почтенно отзывался о людях низа и конкретно об армянах, выставив одного из них соблазнителем — «Младую гречанку лобзал армянин», а в другой раз вставив в строфу: «Я раб, я червь, я — армянин». Или «Я бог, я червь…» — точно не помню; да тут еще Гаврила Державин присутствует. А все равно, Пушкина не стал бы дразнить. Тебя бы стал, а его — нет.

Пушкин гений потому еще, что видит все «точнее и действительнее». Это слова другого гения — Андрея Платонова; и оба они, кстати, высказались о народе как таковом схоже, лишь с разницей в 100 лет. У Пушкина известное «Народ безмолвствует» у Платонова — «…Молчаливое, таинственное большинство человечества, которое терпеливо и серьезно исполняет свое существование». …И действительно, в иные моменты я отлавливал в себе и червя, и раба. Но разборка с тобой как раз и

позволяет это преодолеть. Ведь точность платоновского определения ты умудрился усугубить.

…В общем, сильно ты меня раздразнил. И про саечку я неспроста. Ты первый начал, я лишь поквитался. Ну-ну, вспоминай. … Как же, а «бороденки сбрить»? Сказал-сказал, у меня свидетелей миллионов пятьдесят! Никак, Петром себя возомнил, царевыми ножницами размахался, понимаешь. В школе, пока щупленький был, видать, натерпелся уничижительных саечек от акселератов, и теперь решил отыграться. И, понятно, на чуждом классе — на оппозиционной интеллигенции, сразу приклеив ей бородки, чтобы было чего брить.

В студенческие годы это выглядело так. Победитель торжествующе приближался к проигравшему, становился в позу фехтовальщика, тыльной рукой указывая куда-то в дальний угол потолка — вон туда, мол, сейчас полетит твоя челюсть, а наказующей рукой делая красивый выпад. Иные перед тем пальцы бриолином натирали. Ну, это эстеты — чтобы с особым блеском и чмяканьем. (Интим мужского наказания ничто не могло нарушить, на курсе учились одни ребята.) Обхватывали подбородок и… а всегда горстка зрителей собиралась…и — щелк! Лицо обижаемого обидно вздрагивало, веки хлопали, губы чмякали, зубы клацали. Вот это был эффект! Бывали аплодисменты. А ты — бороденку… Слабовато, уверяю тебя. Пока ее сбреешь, пока пальцы разомнешь, публика и разойдется.

Уж не обиделся ли ты за саечку? А не надо было самому начинать. И пусть ты вообще не говорил, кому именно, зато я за базар отвечаю: я — адресно, напугавшему — от струхнувшего до агрессии. Саечка с перепугу. А ты как хотел, чтобы я смолчал, видя, как приноравливаешься с ножничками к целому классу, который презираешь из-за его интеллектуального превосходства над тобой? Нет уж, я сам носил бородку 25 лет, с небольшими перерывами.

Но как сказал слесарь-интеллигент Полесов Виктор Михайлович, «Усы, Елена Станиславовна, даром не сбривают», что в переводе на наш базар означает: бритье бородок даже в сослагательном наклонении даром тебе не пройдет. Ты задел меня в прямом смысле за живое. Знаем, какой ты брадобрей… Одно неосторожное движение — и клиент на нарах, минимум на 15 суток. Вот и вынудил меня на упреждающий выпад — тактика грамотной войны.

С ношением бороды, впрочем, есть еще нюанс, не все так просто с ношением бороды, Володь Владимирыч. Поэтому ты сам, наверное, и не рискуешь… Объясню. Ведь история переменчива, в ней чего только не бывает. Одно время в России, например, говорили: «Бритая, как у лакея, физиономия». Может, потому и наскакиваешь на бороденки, что как слуга народа генной памятью чуешь: их обладатели для тебя — умственные барины.

Нюансов, одним словом, — масса. А ты взял да легкомысленно брякнул: «бороденки сбрить». И мне пришлось вывалить все, что знаю о них. В другой раз думай, — все-таки пока на должности. И не такой уже у тебя кредит, чтобы словами брякать. Если что, не отбрыкнешься… словами-то… Словами я могу отбрыкнуться, а ты — нет.

Пресловутые приоритеты

Своим утверждением, что не совершал на политическом поприще ошибок, ты, Путин, вызвал во мне невыносимую легкость жанра с небывалым накалом вдохновения. (Кстати, вновь Пушкин: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных».) А ты противоречишь Пушкину — ты показал, что соображением понятий до настоящего политика так и не дорос, оставшись где-то на уровнях разведчика и сапера. То есть не пойман, не во вражеской тюрьме и не подорван — жив. Следственно — безошибочен. И если ты имеешь что-то против оного своего же показания, то пиши объяснение.

Хотя нет, в одной ошибке ты таки признался. Сколько за тобой слежу — только раз поймал. Ты вспомнил, что когда-то в Финляндии нарушил правила дорожной езды. Не вру?.. А вот заплатил штраф, не заплатил — того уж не знаю, это из череды секретов твоей жизни.

В Англии был случай, когда по горячке выехавший на красный свет инспектор все же осадил, дал задний ход и сам себе выписал штраф. А ты, часом, не поехал ли разыскивать финского инспектора, дабы щегольнуть перед ним легендарной российской честностью?

«Никто не должен быть забыт и обойден нашим вниманием», — эта очередная отеческая мысль мелькала на ТВ как реклама твоего ответствования народу на тему «Кому на Руси жить хреново?». Ее только и подавали, сочтя наиболее сущим из позднего Путина. А что, красивые слова. Наверное, перевод с итальянского, а их автор — Берлускони, с которым ты по гроб задружился. Но Италия — приличная страна, я там был: незыблемые культурно-человеческие традиции, Берлускони тут не смог напоганить, в отличие от Ельцина и от тебя.

Разговорился я там со случайным человеком, подсев к нему на скамейку, о том о сем на кое-каком английском. Совсем не так, как я только что с тобой разговорился… Его пенсия в 12 раз больше моей, и Берлускони тут, сам понимаешь, ни при чем. Но все равно получается, что и против Берлускони ты оголеннее на порядок… А что может быть эмоциональнее цифр?

«Как много жизни, полной пыла, страстей и мысли, глядит на нас со статистических таблиц!» — Ильф-Петров, глава «Среди океана стульев».

«Владимир Владимирович очень терпим к критике», — говорит твой пресс-службист Песков. Сам Песков, наверное, и адаптирует критику под твой слух. От масштабного гнева тебя спасает слабое представление твоего электората о лучшей, чем есть, жизни. А цветная ТВ-похлебка, совершая свой ежедневный забыдлеж (а хочешь — забыдляж), наращивает ему ослиные уши, чтобы тебе побольше на них навешать.

Известны «хиты», постоянно занимающие три первых места в списке качеств русского народа: инертность, забвение и терпение. Они же — три кита, на которых покоится твоя, Путин, уверенность в гражданской стабильности.

Десяткам миллионов усредняют мозги под твой личный ранжир. Эта часть населения превратилась в массу, в твой жвачный электорат; ты получил то, что и запроектировали твои заправилы политических технологий, — пассивного говнюка на диване, щелкающего пультом и… еще кое-чем. Это как раз твои, Путин, им многого не нужно. Но и их ты неуклонно теряешь. А когда «нахаваются», тебе никакой верный «эрнстэблишмент» не поможет.

Бедность изобразительных средств при оценке твоего времени меня и самого озадачивает. Но что делать, если возглавляемая тобою посредством ТВ страна вся уже засерена сериалами с житейской лабудой и криминалом. Ведь в построенном тобою государстве благоденствуют хапужные статские советники, воры, окультурившиеся бандиты, которые теперь если и порвут друг другу по старинке пасти, удостаиваются роскошных памятников на кладбище. …О, да тут у меня в черновичке двустишие завалялось:

Презревшему любой закон,На завись быдлу — пантеон.

Можно прямо над въездом на Люберецкое, Солнцевское, Коптевское и другие знатные кладбища.

Вумен с выменем

Тут я беру художественный таймаут: покажу, как твои медиазаправилы орудуют сознанием людей. Нет-нет, никакой картины, лишь крохотный примерчик завоевания половозрелого массового вкуса! Есть такая станция «Дорожное радио-Сочи», она изо дня в день агрессивно рекламировала новый фильм. А мне что, мне скучно на кухне, ем и слушаю с одинаковым удовольствием. И вот фрагмент речи героя: «Ты — мудель: мужчина-пудель… Ни одна баба не захочет трахаться с муделем…». И тут же радиозазывала: «Смотрите в кинотеатре — «Сочи»!»

Рекламщики сочли, что мужчины, не желающие оставаться в муделях, заинтригуются и побегут смотреть. А ведь это твой электорат, Путин, — и создатели фильма, и рекламщики, и мужики, которые побегут. Им многого не требуется, такие только и будут тебя переизбирать. Против пошлости в твоем государстве ничего не делается. Тебе главное, чтобы тебя с твоей политикой не трогали.

Признаться, я и сам раззадорился и, нехорошо подумав про создателей фильма, а особенно про рекламщиков, отобравших из него самое «вкусненькое», нечаянно придумал иное толкование слову «мудозвон» — на кухне ведь голова порожняя) Да ты и сам легко сообразишь, что это устройство в поилке для коров, нажимая на которое губами, они дают сигнал скотнику: м-у-у, вода кончилась! И вот уже скотник сам сердито дозванивается до начальства: «Ну, где там вторая партия мудозвонов? Обещали! Коровы жаждут!». А корову можно подать в рекламе как «вумен с выменем» — она-то муделю даст, она не гордая…

Видишь, Путин, я на твое поле перешел, сидим-посиживаем на одном гектаре, наблюдаем, как мудель трахает мудозвониху. Их потомство — это и есть рекомендованный твоей теневой идеологией культур-мультур, когда литература — на дотации, а радио вслед ТВ само себя прокармливает всякой тяжкой коммерцией — лишь бы высшую власть не беспокоить.

…А достойные ответвления на пути массы власть держит закрытыми, умело работая калиточками, всю массу на путинских муделей и направляет. Тогда как место им знаешь где? …Догадываешься? На дисках, на кабеле, в интернете, в сексшопе — где угодно, только не в эфире. Эфир — наш общий стол, а я как раз сижу на кухне и ем, о'кей? Ну так щелкни мышкой по лбу министра культуры! Чтобы в ответ он тебя щелкнул списком мероприятий со сметой, которые от него не зависят.

И кто этим должен заниматься — я, что ли? А ты таких, как я, уполномочивал? За круглый стол на предмет выработки концепции, что есть такое эфир — общий стол или обжиральня в хлеву приглашал? Вот я и бузю в одиночку…

Погоди, счас я против тебя выкачу тяжелую артиллерию; ты только в сторону не отходи.

«Какое-то время власти казалось, что свертывание демократии можно компенсировать бытовым, моральным и поведенческим попустительством. В соответствии с этим представлением была перенастроена и матрица российской массовой культуры, и прежде всего общедоступного телевидения. Советская просветительско-пропагандистская модель была преобразована в пропагандистско-развлекательную».

Ну, вот. Это был Костиков из «АиФ», он знает, что говорит, сам во власти обихаживал тело Ельцина с моделью его политики. А бомбардируя твое время, единственно только — тебя впрямую не называет, как будто ночью ловит клопа, не сообразив включить лампочку.

А вот не меньший калибр — кинорежиссер Александр Сокуров, его авторитет в мире непререкаем; уж и не знаю, кем еще тебя достать, чтобы пробрало. «Рейтинги сериалов и ток-шоу уже давно выдавливают с государственного телевидения все доброе и разумное. Вкусы у киноаудитории стали несопоставимо примитивнее, чем при советской власти. Многие зрители вообще ушли из культурного сектора. Жизнь заставила — не хватает на еду, не то что на кино».

Он же: «…Чтобы изменить содержание вещания на телеканалах, нужна только политическая воля власти. И все. Но такой воли нет».

Прямиком тебе по черепу, Путин. И вот подобие рецепта на только что нанесенное «бобо»: «Если власть станет разумно ориентировать СМИ (если! — *С.Ч.*), хотя бы государственные, то число людей, которые отвернутся от тупых сериалов, начнет расти в геометрической прогрессии. Другое дело, нужно ли это самим телеканалам?».

Раз уж ты, Путин, влез в упряжку нацлидера, то чего уж теперь, тяни всех собак, которых я на тебя вешаю, в том числе и развлекуху. А то, наоборот, они тебя потянут на «кардане», как пудель мелкую муделиху по завершении свадьбы…

Шучу как могу, Путин, шучу в твое пошлое время, перепошлить которое кишка тонка. Тебе пасую.

«Своих не сдавать, вашу мать!»

Скучать некогда, опять ты мне вкусненького подкинул, так что далее побегу по фрагментам, очень кратенько, щипками. Затянулся наш базар до сумерек сознания, а ведь мне еще к тебе свои требования оформлять.

Но вначале довесок к предыдущей главке. Год жил без «Дорожного радио-Сочи», а тут включил — и сразу под дых. А вот послушай:

И удивляюсь я воочию…Как хорошо и днем, и ночью…Кую подковы днем, а ночьюРазглажу я морщины дняИ погоню вперед коня…

Такие теперь метафоры пошли… Тебе это ничего не напоминает? Ну, как же: «Гребу в галерах я, а ночью…». Я лишь говорю: твоему электорату хорошо и днем, и ночью, ему от тебя многого не нужно; главное — разгладить кольца, по которым у Берлускони будут определять возраст жизнелюбия, а там уж конек сам заржет…

Когда я задыхался от смеха над любовной лирикой, хозяин проходил мимо окошка и мог подумать, что это я неурочно погнал коня. И даже сделать замечание, поскольку в нашем контракте рекомендовано гнать коня глыбокой ночью.

При этом в первой строфе местный поэт сетует на то, что жизнь «слишком коротка, как дуновенье ветерка». Вот это он, конечно, хамит Боженьке — согласен, Путин? Ты, например, замучаешься излагать свои мемуары. Будешь писать, пыль поглатывая, — такая длинная жизнь.

«Нам повезло, Киса, — сказал Остап, — ночью шел дождь, и нам не придется глотать пыль. Вдыхайте, предводитель, чистый воздух. Пойте!»

Так вот откуда ты позаимствовал глотание пыли. Все оттуда же. Узок круг наших с тобою источников. Что ж, пой, Киса, свои мемуары! И чем раньше примешься, тем лучше. И про конька не забывай, а то запустишь — и не заржет больше…

О! Счас я тебя опять Костиковым буду бить: «Подавляющее число читателей согласилось с позицией Вячеслава Костикова о невероятных темпах нравственной деградации общества (2325 чел. против 76)».

Да ты особо не расстраивайся, «АиФ» нынче почитывают вместе с домочадцами не более 10 миллионов. Остальные 100 миллионов взрослых думают, что ты в этом отношении хороший. Так и говорят, мысленно поглаживая тебя по головке, как порося: «Хороший Путя, хороший…». Не знаю как ты, а я в таких случаях, чтобы не разочаровывать гладящего, удовольственно похрюкиваю: «Хрю, хрю-хрю…».

Между прочим, такого хорошего, если убьют по ходу фильма, знаешь, как жалеют зрители! Потому что уже потратили на него ласкательную энергию сопереживания: «Хорооооший…».

Что ж, начинаем продолжать. Твои деяния я регистрирую, наверное, лучше, чем твоя аппаратная. Вот приняли в твое время закон о госзакупках, благодаря чему открылись потенциалы ограбления казны до одного триллиона в год. Как механизм откатов — работает безотказно, смазка в него заложена изначально. А на реплику врача Рошаля: «В медицине много откатов» — твоя благодушная реакция: «Что ж, значит, есть из чего откатывать…».

Ну, что тебе еще напомнить? «Ресурсы, выделенные для сельхозпроизводителей, — жалуешься, — не работают. Кое-где ноль освоения». А как ты хотел, не создавши стимулов кнута и пряника? Показали одного из этих нулевиков, достав селектором. Вначале, было, соврал — думал, далековато, не ущучат. Но как только сбоку огласили справку о нуле освоения, стал горячечно заверять, что больше такого не случится: «Ну, Путин, — так и читалось на его лице, — не буду больше!».

Небезлюбопытна твоя реплика: «Имен называть не буду». А почему? Ты же давно не в разведке. Ты и принятых при тебе законов коррупционного разврата не называешь. Заветные параграфы усекречены. Нельзя не вспомнить знаменитое заявление Акелы-старшего: «Я Чубайса не сдам!». Пахан не выдает своих птенцов, он сам их мучает за кулисами, тыча в нос: «Ну ты че, Щеголев! Ох, смотри, Щеголев — Кукушкиндом станешь!».

Вот с чего и пошел весь крепеж. Это был знак всем подразделениям власти: своих не сдавать, вашу мать!

Ответствуя гражданам

А теперь пробежимся по ответам, которые ты щедро раздавал гражданам в своем общении с народом. Сразу выпишем букет фирменных скрижалей от Путина, дав каждой свою строку, дабы воздуха было больше к твоей воде:

«Мы — дети одной страны».

«Надо избавиться от всяких страхов».

«На самом деле, нужно жестко пресекать любые крайние проявления».

«Должны все одинаково комфортно себя чувствовать».

«Вне зависимости от возраста все должны осознать, что у нас одна страна».

«Проблема решаема, если ею заниматься».

Это, скажу тебе, от крайней бедности лексического кругозора. А когда хочешь сказать по-своему, типа «раба на галерах», получается питательно для юмористов.

Теперь — твои реплики и мои навскидку комментарии.

«Во всем мире вопросы подобного рода решаются страховкой. У нас это не развито…» — и это развязывает тебе руки на ручную поддержку из казны на собственный острый глазок. Зная потребности твоей раскидистой доброты, следует ли вообще ожидать, что поспособствуешь развитию страхования?

«Не созданы стимулы для страховки, деньги идут из казны», — ну, это уже и так понятно, с этим сам разбирайся, зачем граждан в свои трудности втягивать?

Про Кущевку: «Дело в сущностных изменениях в структуре органов… А где прокуроры? А где СБ? А где суды? За спиной каждого губернатора вставал криминал. («Это точно!» — вставил бы тебе красноармеец Сухов.) Считаю, это провал всей системы правоохранения. Сигнал очень серьезный! Нужно укреплять правоохранительную систему.» Нужно, нужно. Скажу больше: необходимо позарез!

«ЕР поставила во все дома бесплатную технику», — сказал ты о газификации новых сельских домов. Вот тебе, по случаю, ответ работяги председателю профсовета из повести Андрея Платонова «Котлован», написанной 80 лет назад:

«— Я вам, товарищи, определю по профсоюзной линии какие-нибудь льготы, — сказал Пашкин.

— А откуда же ты льготы возьмешь? — спросил Сафронов. — Мы их вперед должны сделать и тебе передать, а ты нам.

Пашкин посмотрел на Сафронова своими уныло-предвидящими глазами и пошел внутрь города на службу».

Теперь и я спрошу у твоих эзровцев: а откуда же вы средства берете на бесплатную технику? Вы должны вначале сжульничать, украсть и потребить; а вот тем, что сами не переварите, вот этим лишним пшиком и газифицируете сельчан. А если ЕР не украла (ведь в твое время крадут и путем законной подписи из казны — так?), на чьи же деньги она технику приобрела, чтобы «бесплатно» подарить?

Из Пермского края звонок: «Разрушения, как в Чечне… Вам неправильно докладывают… Положение очень плохое». Твоя психотерапия: «Оказывается, многие социальные вопросы не решены. Это, конечно, печально. Это явная недоработка тех, кто этим занимается. … Я думаю, мы продолжим эту программу. Мы подумаем, чтобы таких печальных событий не происходило».

Оказывается, Путин, оказывается… Вон сколько чего ты не знаешь, оказывается. Действительно, печально. Но одним думаньем печалей не изжить, учти.

Спрашивают с горечью: «Когда Москва объединится с Россией?». Отвечаешь: «Рядовой москвич не жирует, живет скромно… Жизнь здесь дороже, чем в других районах». Ошибочка вышла — не знаешь жизни. В Москве даже самая нижняя, социальная пенсия выше прожиточного минимума в 1,5 раза, тогда как по стране ее только еще собираются до него подтягивать. И это, скажу тебе, шкурный инстинкт центра: прикормить 2 миллиона столичных пенсионеров, чтобы, часом, не бросились с дрекольем на стены древнего Кремля: булыжники Красной Пресни у власти вшиты под шкуру как вечное напоминание.

Ну, и как с полуторной, с двойной разницей одинаково комфортно себя чувствовать? Издеваешься? Вопрос тебе задали правильный — по Конституции, по равенству всех перед законом, в данном случае пенсионным, а ты его сгладил, стал заверять, что и у москвичей жизнь не мед, то есть попросту обманул, соврал, как Савраска сивый. Нот гуд, Путин, нехорошо… Рекомендую по утрам, глядя в зеркало, шептать молитву: «А не ври, не ври — аневризма будет…».

Примерчик из твоего выступления в Академии Наук. Ты раскрываешь ученым закулисье США: «Хулиганят с печатаньем долларов!». Миру, мол, говорят — конкурируйте, «а сами — скрытые монопольщики» еще те… Вот оно, твое любимое: сами! Ученые, правда, твоего открытия не стали конспектировать, они и без тебя ученые.

А вот из телевыступления: «Как и во всем мире, — говоришь, — примазываются радикалы различных мастей». (Будешь отпираться, откопаю когда и в связи с чем.) К политике или к ТВ, уже не помню, но это неважно; важно, что «примазываются», и это едва ли не древнесоветский термин.

Но вот еще — «АиФ» пишет: «[Путин] констатировал: качественного обновления российских НПЗ не происходит. Вместо инвестиций владельцы компаний выплачивают себе фантастические дивиденды. Их сумма дошла до 8 млрд. долл.».

Итак, ты все еще только констатируешь. Интересно! Но так и я смогу. Не пора ли нам меняться ролями? Я уже регистрирую твои политические телодвижения, так что мне стоит проконстатировать великие стимульные упущения?

…Хорошо, а в чем же ты мастак? Продолжим цитирование: «…Путин даже пригрозил лишать нефтяников части прибыли». Я бы пригрозил лишить их всей прибыли, честное слово! Угрожать — не исполнять, ты же знаешь. Если бы, скажем, исполнялись все угрозы, типа «Убью!», человечество неузнаваемо поредело бы. Выразить бесплодную озабоченность? Запросто! Ведь даже сумма не 8, а 4 млрд. долл. для всего низшего звена бюджетников — это около 50 тысяч рублей в год на каждого. Весьма! Особенно на периферии.

О покорении космоса нет у тебя своих слов: ты гордо вычитываешь достижения, как Брежнев в его отстойные годы. А ведь вроде патриот; знаешь, с чего начинается Родина. Но памятные даты с героями не впитались в твое сознание, хотя с некоторыми из героев ты наверняка встречался, а ничего живого не вынес. Ну просто говорящий манекен лучшего японского образца. Твое молодое племя, видно, сплошь дебилы, если не понимают этого. Не хотелось бы всуе упоминать, но ты хоть раз видел Гитлера, шпарящего по бумажке? Ельцин тебе такого аванса дал, у тебя было столько времени пройти курсы Демосфена с камушком под языком! Но по ораторству у тебя двойка с плюсом. Плюс — за сохранившуюся дикцию.

А в твои реляции с экономических фронтов кто-нибудь вникает, кроме специалистов? А репортеров не гонишь прочь — полагаешь обязательным ежедневную порцию лидерского тембра в уши электората. Но был бы хоть голос, Путин… Сам же слышишь… Нет, конфигурация в пиджаке, четкий абрис — тут все в порядке, такой весь многожильно-многоканальный, видно, что в спортзал ходишь, массажисты тебя мнут и холят, сам кувыркаешься до сих пор.

«— Ах! — говорил Бендер. — Высокий класс! Если б я был женщиной, то делал бы такому мужественному красавцу, как вы, восемь процентов скидки…»

Но голос… Так и не преодолена корректная приглушенность, наработанная в прежней конспиративной профессии. Ну, такая сурдиночка с легким фильтром — мимикрия невинности. (Тьфу ты, оговорился: имитация невинности.) Бывают сползания интонации и обтекаемая тональность. А то вдруг примешься акцентированно грузить опорные слова, чуя, что сами по себе они вяловаты, ибо основательно апробированы, и в них для бодрости надо ткнуть пальцем.

Но в кулуарах, надо полагать, компенсируешь: сколько раз по телеку скажешь «Я прошу вас сделать…», столько же потом в закулисье гаркнешь «Паачему не сделали? Аттвечать!». Издержки, издержки… проклятая печать аккуратиста…

«…В его речи был какой-то неуловимый дефект, превращавший слова в труху.» Нет-нет, это не про тебя, не для твоих слов. Разве что про иные излагаемые мысли. Потому что штампов много и речь вместе с ее смыслом — все равно что общепитовский тефтель. А его и вилкой не поддеть — разваливается. Помнишь ведь столовки наши? Я еще предлагал им дельную мысль: не выбрасывайте рыбные скелетики — это арматура для ваших котлет.

Крепко проштампованные речи, как ни ухищряйся, скользят мимо внимания. Значит, и тебе не помешал бы какой-нибудь сквозной профилированный стержень на все твое наговариваемое. Это не дефиски, а цельный шампур для примера. Речевики твои в тактике, может, и мастаки, но стратегией не владеют.

Впрочем, все вышесказанное на мой субъективный слух, учти. Остальное объективно, уж как хочешь. А вот сурдиночку из голоса я бы вынул, чтобы услышать более органичное «Аттвечать!». Я даже колебался: может, убрать этот пассаж? В целом, вроде, обычный голос, но вот если бы не эта нет-нет да и обкаточка с сурдиночкой, с недоистребленной вкрадчинкой и с внутренним потиранием ручек…

Ну, в общем, смотри сам. Но все остальное объективно, уж не обессудь за все остальное. Про все остальное в тряпочку уже не могу молчать — тряпочка от ухмылочек влажна. У меня же высокое звание — ухмылорд. Ты не понял еще?..

Праздник 23-е февраля, Калининград. И опять читаешь, ненадолго выныривая из текста, как пловец брассом: хап — фурр, хап — фурр, воздух — вода, воздух — вода… Брежнев такой технике заплыва позавидовал бы. Он как мырнет — так мырнет. А я в разочаровании: эх, записной патриот, в такой-то день не можешь сверстать в голове горстку искренних слов. Эх — фурр… эх — фурр… И отплываю от телевизора, и отплываю… И на сегодня все.

Слежу за тобой (дело нудное, но привычка), слежу и удивляюсь: уже простые вещи своими словами не выражаешь. На открытии большого информационного портала в Оренбурге тебе всего-то надо было сказать, что это первый подобный центр, что населению теперь будет удобно оформлять все документы по недвижимости в «одном окне», и еще буквально парочку сопутствующих разъяснений. Но и про это ты читал с листа. Вместо того, чтобы минут за 15 до того войти в курс дела и на свежую, своими словами, донести до телезрителя.

Да ты халтурщик, Путин! Леонид Брежнев при всей тогдашней регламентированности официоза первые лет пять, насколько

помню, мог подолгу обходиться без шпаргалки. А ты напрямую шпарить из головы уже сейчас не решаешься. Как не по делу нафунял на оппозиционеров, так комплекс зря выболтанного тебя, небось, и охватил. И теперь — того, нервишки…

Перед тем выступлением насладился, небось, бокалом киндзмараули, пусть и чуждого тебе своим звучанием, но букет сильнее. Оно-то тебя и подвело — наизмышлял так, что потом и ТВ-каналы открещивались: «Записи ответов нацлидера, мол, не сохранились, предъявить по иску обиженных ураганящих ничего не можем». Уж так ты тогда наизмышлял, Путин, уж так наизмышлял… Мое измышление про киндзмараули против твоего — робкое тявканье сам знаешь какого щенка…

Веселящий креатив

Но давай вспомним и твой креатив — даром, что ли, для тебя старались, речи писали… Вот ты объявил, что поменяешь ни больше ни меньше как «философию управления». (Главное при этом в контексте — чтобы тебя самого не меняли.) Не меняют даже коней на переправе, а ты вдруг философию — то есть начало начал, само изыскание мозга! Доуправлялся… Даже я, доморощенный философ в банной простыне, не отказал себе в удовольствии похихикать…

И опять у нас махинации с соляркой и с бензином. Вновь человеческий фактор. Ты уже столько лет у руля добывающей страны, но стимульных рычагов к этой сфере так и не подобрал, если не считать Игоря Сечина, который, ни на кого не глядя, неозвученно объяснял тебе мотивы очередного предательства. Вспоминается фраза из Андрея Платонова, когда командир произносит напутственную речь отряду красноармейцев, идущих на рискованную операцию: «Он говорил негромко, будто имел перед собой одного человека». Этим одним человеком для Сечина являешься ты, Путин. И не припомню, когда он вообще глядел в камеру. Роль черного от нефти кардинала ему, как видно, по душе. Но он знает, что ты у него один, с тобою кончится и он, Сечин. По всему, осознает это пронзительнее, чем другие из твоего плотного окружения, поэтому и говорит перед камерами так, будто имеет перед собою одного человека.

Что он тебе на самом деле говорит? «Подавайте сюда вашего подпольного Рокфеллера. Сейчас я его буду раздевать»? Но как так вообще можно работать, а, Путин? Ведь смешно — нефтедобывающая страна раз за разом имеет проблемы с поставкой бензина на внутренний рынок!

А вот твоя фразка: «За монополизм приходится платить гражданам страны». И перечислил сферы: все те же обрыдлые нефтепродукты, все та же неуловимая электроэнергия… еще что-то, еще что-то, и пр., и др., и т. д.

Уж как другой Игорь — Артемьев, точно заправский расфасовщик экономстимулов, расхваливал ребят своей службы! Уж как расхваливал — он и сам не даст мне соврать. Но ребятки его, видно, не с того краю берутся, если каждый раз у них все, от бензина до лекарств, разваливается, а корпоративные сговоры лишь крепчают. Или не там берутся, или им не дают как следует взяться — кто их (вас) разберет? Он расхваливает — а я уже хондролона не могу осилить: ампулка стоит 90 рэ. А была 60. Не осиливая хондролона, хандрю суставами, портится характер, злеет текст… Но вообще-то я не злой, ты учти, Путин; если разложить это слово, то я — разозленный, а ты — разозлевающий, договорились?

«— Что вы на меня смотрите такими злыми глазами, как солдат на вошь. Вы на себя посмотрите!»

Вообще-то говоря, у нас с тобой отношения, как у чистой воды любовников, которые встречаются строго через день на полчаса, чтобы соприкоснуться общими местами. (Общие места — они у всех: и у политиков, и у писателей, и у Боженьки, который спроектировал всех нас.) После чего разбегаются, ибо во всем остальном люди разные, начиняя с того, что он — мэн, а она — вумэн. А наши с тобою общие места — цитатки, которые я выудил из твоих речей. Но за контекстный базар в ответе не я, а ты. На эти фразочки мы смотрим по-разному: ты их роняешь, а я подбираю в рубрику для будущего лидера «Чего не стоит брякать». Хотя сам ты, непродуманно обронивши, будешь теперь говорить, что только так и стоило формулировать. Обычная комедия человеческого общения: брякнет — и становится заложником, и держится за свое до последних сил, в глубине души и не рад уже, что брякнул.

Поэтому и говорю: ты им, Игорькам своим, «ффас!» — а кто на тебя, монопольно засевшего, скажет «кышш!»? Тогда, глядишь, смогу осилить хондролон, не переплачивая сонму расплодившихся под тобою ворюг. И буду весело скакать, как козлик, а не брюзжать возеле стола, развозюкивая тексты.

Но продолжим, — вот ты говоришь Собянину: «К сожалению, жилищная программа немного не решена». Но кто кому это должен говорить! Ведь неприятная прерогатива признания принадлежит мэру. А ты ее присвоил. Причина — далеко не ходи: как пахан осуществляешь опеку над протеже. Плюс к тому, и это важно, не желаешь ничего упускать — даже редуцирование с минуса на ноль недовольства москвичей, вовремя не получающих социальные квартиры. Мол, народ увидит: сам Путин в курсе, выразил сожаление — ага, в обиду теперь не даст, раз принимает проблему на собственную грудь. А еще очки тебе в копилку — козыряешь опережением: он не произнес еще, а ты уже знаешь. Ну и ловкий же ты парень, Путин! И недостатки обращаешь себе в плюс. Сможешь нестись против ветра без паруса и мотора — одними лишь надпяточными крылышками, как бог Гермес. Ведь это же и есть внутреннее потирание ручек, которое я в тебе ущучиваю — «К сожалению…». Ну не к радости же. Но внутренний голос тебе говорит: «Ой, как славненько получилось. Главное, вовремя и с небольшим отстраненьицем признать, — и тогда никто в обиде не останется». И слышится шуршание ладоней.

Мой тебе совет: не делай больше так, веди себя солиднее, пусть мэр тебе говорит по субординации: «К сожалению…», а не ты ему. А то выглядит как наигранное фуфло для горстки приближенных телерепортеров, которые и сами не знают толком, что вырезать, а что оставить. Выпавшая пломба, скажем, — это прерогатива все ж таки индивидуального чувствования. А ты, нащупав провальчик, своим языком уже из чужого рта озабоченно выступаешь.

Тебе еще прокольчик? Ну, пожалуйста, — чтобы изобразить науку. Вот ты придумал какое-то АСИ — агенство стратегических инициатив. Как сказано в газете: твое детище. И то, кто еще в твоем государстве может стратегически прикидывать, кроме тебя самого? Хрен с ним, однако, с креативом, неизвестно еще, сколько денег твое детище будет пожирать. Но вот ты говоришь: «Надеюсь, что работа агентства в целом принесет успех и конкретным участникам нашей совместной работы, да и стране в целом». Отдай фразу на экспертизу, — она установит, что страна тут по остаточному принципу. Ты хоть уловил, что у тебя

получилось? Это не сознание оговорилось; бери глубже — подсознание. Чему-кому ты более всего споспешествуешь в своей стране? Получается, что своим конкретным участникам — окружению, опричникам, крышуемым… А что останется — вот то стране. Ты вначале их назвал, страну после.

Ведь «да» явно лишнее сказанул. Как бы раздраженно махнул рукой: хрен с вами, будет и стране. Ты в другой раз давай без «да». А то как бездарь проговариваешься: все это, мол, делается для унутреннего потребления! А ну, вспомни, как Жванецкий руками выделывает; да еще коленками пружинит.

И кто сказал, что ты опытный разведчик? Опытного оставили бы в разведке добывать ценнейшие сведения. А тебя убрали в заместители-аккуратисты, носители на первых порах собчаковой шляпы. «Шляпу, шляпу сними», — и Анатолий Батькович с подносом обходил своих петербуржьих душечек из ДДД имени славной дамочки ДД.

Кстати, ДДД твою ДД я, кажется, верно угадал. Гляжу, в Пашковом Доме с пятнадцатью писателями гуторишь. Собственные мысли взвешенно вычитывал, разумеется, из листков, а на поступающие вопросы отвечал легко и безответственно, как подметил в тот же день в «Эхе» Захар Прилепин. Ты его, такого, больше не приглашай, а то он подпорчивает тебе картину. На съезде ЕР из 300 с лишним голосующих за кадровую стратегию ты выявил одного лишь, да и то невычисленного, противника, ругнувшись: «Диссидент!». А тут один из пятнадцати оказался. Семь процентов вольнодумия в малом зальчике для тебя не страшно ли?

Так вот, среди приглашенных к твоему телу двух-трех дам-писательниц — отбирали, видно, тех, кого почитаешь, — я узнал ДД, которой приписал ДДД. Если забыл — Движение Думающих Домохозяек имени Дарьи Донцовой. А она вот возьмет да и воплотит. А мне и спасибочек не скажет. И одним процентом читательской массы не поделится. Вот такие они, деятельницы этой категории — неуемные (иногда меняю буковку в этом слове), готовы тиражировать себя до последних ниточек из белых тапочек в цвету.

Ну, а ты… Над уровнем книгочейства в России — над 43-м местом в мире — ливанул крокодилью слезу. (Репортер, впрочем, выразился приличнее — «посетовал»; но на то он и репортер, иначе не был бы таковым.) Весь советский багаж уже, считай, растеряли. Предъяви теперь тебе квитанцию — на голубом глазу скажешь: что такое? кто? где? И сразу же — ничего-ничего, мол, зато теперь уж будем за уши тащить. Свободу, дескать, густо с совестью замешаем, и будет всем тип-топ. Но, подсовывая тебе листки с казенно-идеологической лабудой, твоя идеообслуга не потрудилась выдернуть хотя бы пару стоящих мыслей из сидящих против тебя писателей. В церковь похаживаешь, а библейских основ не знаешь. А одна из них, между тем, говорит: «Вначале было слово».

Твои предшественники лучше тебя это понимали. У них были более принципиальные отношения с мастерами слова. Взять того же Сталина. Великий кремлевский троглодит, — а и тот читал писателей, ревностно разбирался, казнил-миловал, в тексте с карандашом елозил. Платонову, скажем, на его «Усомнившегося Макара» наложил на полях одно крепкое слово: «Сволочь!». А вот ты, Путин, на поверку ни бум-бум, у тебя пресный вкус функционера, Пруста от Прокруста вряд ли отличишь. Зачем тебе вообще сбор писателей? Прекрати! У тебя ведь воспитание интеллектуального шпаны-лавировальщика, произведения мировой литературы в нем не участвовали. И я уже подозреваю, что ты напишешь на моих полях, едва начав: «Сволота!», — чтобы даже обиднее, чем сволочь…

Еще один веселящий креатив — когда ты с похвальным видом выслушал доклад Собянина о значительном, против лужковского, снижении расходов на медоборудование для Москвы. А креатив твой, напомню, — ведь забудешь! — в том, что в случае нужды ты поручишь Собянину непосредственно внедрять свой благодатный метод аукционной конкуренции в… мэриях всех городов России! Тогда у московского мэра определилось бы его историческое имя: Собянин Нарасхват.

И все равно я не стал бы упоминать этого случая, вполне ординарного на фоне твоей деятельности, если бы не взгляд, которым ты сопроводил окончание своей мысли. О-о, это был недобрый взгляд в адрес всех мэров РФ, исключая лишь напротив сидящего Собянина! Взглядец был еще тот, ты не раз уже употреблял его, ставя эффектные точки в конце распорядительной логистики. Мне ведь со стороны виднее, как ты брызжешь.

Вот подними запись, посмотри: взор твой на миг сделался устрашительно мстительным, яростно сверкнул голубизной, пахнуло кулуарными методами труда по заколачиванию микроскопом стимулов в башки российских мэров. Видать, достали тебя, как клопы. Пьют и пьют здравоохранительную кровь, пьют и пьют, сколько им из бюджета в корыто ни подливай, подлюкам…

«А вот я на вас Собянина напущу!» — сказал ты, ничего не произнося, но спектральный анализ взгляда показывает гамму чувств. Кроме крупного устрашения немаловажной фигурой Собянина, еще и мгновенная озаренность от своей дьявольской находки: раз и навсегда всучить им первопрестольный успех под нос! Но была в этой гамме и лажа полная — понимание короткости своих рук, заканчивающихся в радиусе 15 км (диаметр Москвы, напомню — 30). Уввы! Признал, что это сверкнула из-под очей шуточка бессилия…

А вот показательный случай из серии смысловых ловкачеств: невыразительным, запинающимся голосом ты читаешь министрам Столыпина — его мысль об ответственности правительства за множество дел, явлений и настроений в обществе. Я напрягся: с каких это пор он стал Столыпина цитировать?!

Но вот к концу твой голос оживился — как только дошел до того, что, несмотря ни на какую хорошую работу, шишки от населения за все оставшиеся нерешенные дела все равно неминуемо падут на голову тому же правительству. И, кончив читать,

осклабился: ах, как славненько на Столыпине выезжаем! Что теперь ни скажи народ — все равно дурак. Ведь вон когда еще замечено. И кем!..

Сам же не откажу себе в удовольствии повторить: дочитав, весь обрадовался, заулыбался, потер ручки, умыл их, откинулся в кусты Эдема и радостно задрыгал ножками… На месте разогнанных тобою кукольников так именно тебя можно и представить.

Опять скажешь, что ты не ловкий парень? В традициях дворовой шпаны совершил, понимаешь, налет на наследие Столыпина, выхватил самое вкусненькое себе в оправдание… Вместо того, чтобы извлечь дельную мысль, превратил зачитку в балаган.

Хотя, понятно, в источнике не сам рылся — видно было, что читаешь впервые. С одним сложным для тебя словом вообще не справился — запнувшись, перечитал. И это для меня алиби, что не отсутствовал я, а, наоборот, присутствовал у телевизора. Ясно, что помощники перед выступлением ткнули пальцем: «Во, Владимир Владимирович — то, что надо. Читайте — не пожалеете». Они уж тебя знаают, чего тебе надо. А ты оценил уже в процессе чтения, то-то голос приободрился, и глазки маслицем; а начинал смурно. В итоге — целая гамма чувств, от и до.

Тебе важна сама мысль о фатальной неблагодарности в чистом виде без оценки соотношения довольных и недовольных при тебе (и отдельно — при Столыпине). Этого ты выявлять не будешь, ты умный, тебе главное — заныкать вывод под сень авторитета. И без того ведь полагаешь себя столпом российской действительности. Если Столыпин открывал всего лишь XX век, то ты, наш Столыпищин, распечатал тысячелетие.

Почувствуйте разницу! Кто задает тон тысячелетию?..

Я уже перестал коллекционировать твои цитатки и, не зная, что так блестяще подставишься, прилег к телевизору слушать твою очередную тюльку без блокнота, лишь кряхтя «Ох, как же я от него устал…». [«Но в душе великий комбинатор привязался к одичавшему предводителю. «Без него не так смешно жить», — думал Остап.»] Поэтому, особо не вслушиваясь, я ничего не записал и с выводом, можно сказать, рискую. К следующим новостям чтение Столыпина уже вырезали. Они там тоже умные, тефлоновую радость отречения от ответственности сочли несолидной. Так что вылавливаю очередную блоху практически понаслышке. Пошел обратный процесс: уже не пополняю твой портрет еще одним лоскутом, а, отдалившись, высматриваю из него безошибочно характерный. Ну, как бы экстраполяция долженствующего. Ты просто должен, ты теперь обязан отвечать своему характеру.

А давай так сделаем: подними запись, отдай авторитетам и скажи: «Выживший из ума пенсионер Чилингарян полагает, что ни моя должность, ни мой костюм, ни окружение министров, ни правительственная зала так и не скрыли моей шпаноголовой сущности — налететь и выхватить все самое вкусненькое. Неужели он прав, подлец?». Подними, спроси, если есть кураж…

Практически в каждом эпизоде ты меня сбиваешь на веселенькое. Тут тоже. Ведь смысл зачитки Петра Столыпина, рискну повторить, — мастерски увильнуть от обвинений. Мол, сколько вам, граждане, ни делай… Все сделаю или ничего не сделаю — один черт: будете ворчать. У вас просто физиология такая, граждане, и власть тут ни при чем…

А потом ты опять, как школяр, Столыпина цитируешь, его хрестоматийное изречение: «Нам не нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия». Еще и не начались они, а ты уже остерегаешь. Видно, почуял. И то — чуешь правильно: Россию после твоего «креатива» придется основательно отряхивать.

Кто у тебя на хозяйстве

…Ну хорошо, концерт продолжается. Неудачные выступления проглотили и забыли. Будут новые. Взмахнули простынями, освежили тела и мысли наши грешные.

Давеча мы легонько касались Матвиенки, но теперь давай вчистую разберем ее действия, когда она была еще питерским губернатором. Может, и поздно теперь об этом говорить, но — наболело. Ведь Питер нам с тобой не безразличен?

Привлечем даже стихотворение Тютчева «Последний катаклизм». Понятно, почему? Да ты не скучай, 4 строчки всего.

Когда придет последний час природы…

Этот час приходил к петербуржской начальнице почему-то каждую зиму — очевидно, проверял ее на крепость.

Состав частей разрушится земных…

…Нет, ты понял, что делает Тютчев? Он и саму строку разрушает, чтобы все мы, даже ты, врубились по полной. И ведь хорошо, что я тебе, слишком занятому, объяснил это. А то бы ты мог подумать, что Тютчев со строкою не справился (как ты — со страною), а намудрил только ради сохранения ритма. Но это называется инверсия — изменение привычного порядка слов.

В переложении на Матвиенку это означает хаос в ее земных службах по уборке снега. Ну просто полная инверсия! Будь мэр мужчиной, можно было бы и емче выразиться. А так нет — только в женском роде, раз она баба. Баба — она и есть баба, что снежная, что противоснежная; и уважить ее надо именно инверсией, и ничем грубее. Прежние наработки ведь растеряла (хорошо помню прежние наработки — сосулек сверху никогда не боялся), а новые, в обновленных экономических условиях, не придумала. Таджикский в эллочкином объеме — 30 слов — не выучила. Хотя бы простой фразы для ледоруба-гастарбайтера: «Не пристегнешься — не заплачу!». Вот они, не привязанные к соцпакетам, и посыпались вслед сосулькам.

И то дело, когда ей было придумывать, если была занята водружением сына на миллиардерский Олимп. Не все так просто, нужны специальные звонки, встречи, улыбки, «какие люди!», беседы, преференции, тонкие выщипывания из законов, пересечение рыночной площади по нужной диагонали… Потом, часок в день парикмахерскому креслу отдать нужно? Нужно. Ухоженный личный облик — это же прообраз города для непонятливых, понятно?

А достойный прикид себе обеспечить? Что она, хуже губернаторовых жен, если сама — губернатор? Тут к Тютчеву не ходи, достаточно ильфпетровской строки: «…меха и перья, шелк и жемчуг…». С визажистом, то есть со стилистом энд дизайнером 3 часа в неделю уединиться надо? Надо. Когда это ей плотно заниматься природными явлениями, начиная с их простого понимания — снеговую кашу, если не прозевать, лопатами в 10 раз легче скинуть, чем потом ломами сколупывать? Ну, когда? … И не пришлось бы латать пробоины в кровле. Или ставить на последнем этаже тазики, если не латать. …Ну, когда? А-а-а…

Но идем дальше по стихотворению:

Все зримое опять поглотят воды …

Ну, тут понятно: Питер вначале залило, потом вся эта хлябь замерзла. Старейшие управдомы, не зная эллочкиного языка, объясняли таджикам, как могли: «Встаем, как только, так сразу, и скидываем допрежь морозов». А они подумали — опосля… Перепутали сложные русские слова… Это для нас они разные. А для них — один шайтан. Они же по-своему думают. А «как только» связали исключительно с сосулькой. Им же сразу сказали: ваше дело — сбивать сосульки. Вот они и стояли внизу, поглядывая: как только сосульки натекут — так сразу и полезем. А губернаторша не сообразила заказать дизайнеру памятки в виде плакатиков, которые можно было б развешивать там и сям: «Всякая сосулька происходит из воды».

Но ты обратил внимание на «опять»? «Все зримое опять…» Природа ведь не одну зиму Валентину Ивановну на крепость телосложения испытывала. И не две зимы. И даже не три. А вот завершающая:

И божий лик вновь отразится в них.

Сильно сказано. Теперь с Тютчевым прощаемся, надеваем башмаки, выходим из храма поэзии. Пошла Матвиенко. Она же его и вытеснила с небосвода питерского! Вся, как есть, с твердолакированной прической — полная противоположность жиденькой божьей бороде. Окруженный городскими голосульками, лик ее оказался столь велик, что был замечен в Москве. Решено было аэростатами перегнать его на заслуженную синекуру в Совфед. На должность третьего лика РФ вообще и первого женского — в частности. У сына ж теперь денег — как грязи. Пора было и самой в княгини.

А вот что написал тогда читатель в «АиФ»: «Валентина Матвиенко… уже чуть ли не поздравления принимает… Но ведь ей сперва надо избраться депутатом. …Затем депутаты должны выдвинуть ее своим представителем в Совфед. И, наконец, члены верхней палаты будут голосовать… Выходит, весь этот «демпроцесс» — бутафорский, раз его результат известен заранее?».

Напоследок тягомотная проза мелким противным шрифтом. Живущая в Питере дочь говорила мне, что в аккурат в зиму перед выдвижением Матвиенки снегу навалило у них небывалое количество. Показывала фото сугроба в углу двора под… вернее, на один метр над подоконником окна. А живет она, как нетрудно догадаться, на первом этаже. Высота от асфальта двора до подоконника — три метра, а сугроб на всю зиму, значит, был четыре. Ее улица — самый центр: Стремянная, параллельная Невскому проспекту, в 200 метрах от него. Показывали с зятем снимки и этой Стремянной улочки… Мама родная! По обеим сторонам — ряды снеговых могил автомобилей; проезд между ними — едва на одну легковушку. Пешеходы натоптали себе высокие колдобинные тропки, но ходили по ним, как видно на снимках, редкие смельчаки: прямо над ними знаменитые, уже, считай, порнографические сосули с крыш… Эта схваченная морозом диспозиция продержалась ползимы.

Вообще-то для одоления максимально снежной зимы требуются всего три вещи: первая — достаточно горючего для уборки. Вторая- более продолжительная работа моторесурса: скажем, не 10 часов в сутки, как прежде, а 12 часов, если высота снежного покрова превысила среднестатистическую на 20 %, или 14 часов — если на 40 %. И третье, что нужно, — мозги под твердолакированной прической.

Перед выдвижением в Совфед «Вальки-стакана» (это, говорят, ее комсомольское прозвище) нужно было расклеить под всеми ее портретами по 2 фотографии. Первую — того снежного бедлама, хотя бы на дочкиной Стремянной, с 2,5-метровым двухколейным проездом для автомобилей и с бредущими между ними с той же скоростью пешеходами. И вторую — этого же отрезка улицы уже без снега, с проезжей частью от бордюра до бордюра…14 метров! Лучшей предвыборной агитации для Матвиенки и не придумать.

Я жил в Нью-Йорке, где зимою тоже бывают снежные заряды, но технология и организация уборки давным-давно отработаны. Такая хрень, какая была в Питере, у них там просто невозможна. Отсюда вывод: делегации из городской управы Петербурга при Матвиенке, ездя по заграницам, свой командировочный хлеб совершенно зря жрали… Согласен, Путин?

Дела фронтовые

Чтобы исправить то, что натворили твои матвиенки, нужны меры неоридинарные, — вот ты и бросил все силы на Народные фронты, на всякие АСИ и им еси. Но где твоя стабильность, если фронт? Ты чего мудришь вокруг собственного провала? Против кого отгораживаешься, стабильщик, где будешь рыть окопы?..

Неизвестно еще, как будет на твоем фронте, но по мирной жизни позиции теряешь. Скажем, твой массовый сервис не удерживает и того, что было. Крохотный пример: в сочинских маршрутках появились отпечатанные объявления: «Посадка и высадка только на остановках». Пусть пока еще не во всех, но ведь, в принципе, так не договаривались? Долгие годы все маршрутные такси, представь себе, на выход в любом месте останавливали. Теперь же и понятие «такси» начали вычищать. Обыватель неосторожно сократил слово (все говорят — «маршрутка»), а водилы под это дело сокращают и понятие. Тот же автобус, но дороже, а влезать согбенным.

Отвлекусь — расскажу, как в твое время обедают водители маршруток; во всяком случае, на конечной остановке номеров 56 и 118 в Сочи. Обедают, сидя на ящиках, за импровизированным столом, в часы пик возникает даже некая стряпуха. А ведь зарабатывают неплохо, и по пути у них с десяток кафешек. А все равно дорого — такое время твое, Путин: рабочему люду снедать готовенькое, сидя на культурном стуле, накладно. Видно, и в других городах то же самое, почему и имеется лишь 10–15 % заполненность посадочных мест посетителями.

А рестораторы бьют себя кулаком в честный рабочий фартук, говоря: «Да мы так устроены — мы не можем с каждой порции не ущипнуть своего!». …Ну, что ты поделаешь, — опять твои стимулологи бессильны! Я в студентах всегда посещал столовую; обеды отнимали пятую часть бюджета. Сейчас, если пойду в столовку, то всей пенсии едва хватит на 30 самых скромных обедов в месяц и больше ни на что. Такова твоя едовая цивилизация на просторах Родины нашей, великой и могучей.

Ты и о стипендиях ботаешь по казенной фене: раз 510 протрещал о повышении на 9 %, но, пока трещал, цены на продукты вровень с повышением поднялись. Ты и о МРОТ, если упоминаешь, то частишь. А вот включи, сам послушай — МРОТ, МРОТ, МРОТ; за 15 секунд трижды — «МРОТ». Понимающий политик при таком МРОТе, между тем, старается произносить его лишь в случае крайней необходимости. Я бы не стал на твоем месте злоупотреблять, слово практически неприличное. А то ты скоро частушкой будешь: «Народу подтянули МРОТ, теперь он точно не помрет!».

Вообще-то, злоупотреблять, оказывается, неприлично: помимо моей воли поисковик вдруг показал внутри слова имя существительное краткое (он у меня, наверное, фулюган) — то, чем занимается власть, злоупотребляя…

А с пенсиями как трещал… Ах, как ты трещал с пенсиями! Только и слышу от тебя: повышение да повышение. А у меня все по-прежнему… И нервишки дрогнули: никак, в СОБЕСе компьютер заглючил? С моей нерусской фамилией немудрено… Ведь Путин говорит… Говорит и говорит! С такого-то да вот с такого-то, на столько-то да вот на столько. Как ни включу, говорит.

И не на 99, а на все 100 % я уверился: ошибочка. Нда, надо съездить, указать им. А что, бывает потом дочисляют. Приятное слово — перерасчет. Как бы задержанный жирок. Почти халява.

Будучи в Москве, поехал в Раменское, мне пока еще оттуда начисляли. Приехал, они посмотрели: да нет, у вас без изменений. «А как же повышение?» — и разинул варежку на недочисленные суммы. «Да, есть повышение…» — и предметно поясняют, что наряду с повышением действует, оказывается, какой-то мстючий механизм, который всю величину повышения автоматически съедает.

Короче, твоя трескотня обошлась мне в 300 рублей и в потерянный день. Представляешь, как плевался? А вот сам посчитай: двумя электричками, плюс метро. Все равно много, скажешь? А в туалет зайти сколько-то раз за 15–20 рублей? Плату ведь еще при Ельцине придумали, так? А сам почему не отменяешь? Ведь в России испокон веку уважали потребности, не заставляя по пустякам лазить в кошелек. Но вы с Ельциным решили, что по-другому нельзя, обязательно надо лазить, чтобы микробы — а их на деньгах всегда много — летели во все стороны.

«— Видишь, Танюша… А ты говорила, что за вход в Провал платить не нужно. Не может быть. Правда, товарищ?

— Совершеннейшая правда, — подтвердил Остап, — этого быть не может, чтобы не брать за вход.»

Но ты-то сам не платишь! И тебе этого достаточно, чтобы не задумываться по пустякам. А еще недавно песенку распевали, что-то такое: «Путин — он хороший… он не обидит». Как же не обидит, сержусь я на певунью, — если все свое правление обижает: и старых, и больных, и нищих. Самых обиженных и обижает. При одинаковой плате со всех эти три категории в проигрыше: первым двум нужно чаще, а третьи вообще не заходят. Ранней весной, когда размораживается платформа «Выхино», на ее глухом торце невозможно продохнуть — зимой все туды помаленьку ходят. И весной, и летом, когда стемнеет. А вот съезди, потрепещи ноздрями ароматом путинской эпохи.

Продолжим, однако, разборку на марше. Ну а какой марш без дороги? О дорогах я уже писал, но не грех и повторить.

Закусываю и слышу, как ты горячо критикуешь провальное состояние в строительстве дорог. Но планы при этом радужные: нужно будет это сделать, нужно будет то… вот теперь-то, наконец, возьмемся… Да что тебе раньше-то мешало?! И что случилось теперь, что появилась семимильная уверенность? Ах, Прокруст тебя подери! Наконец-то! Все, что ли, движемся

вперед? От паховой водянки, наконец, избавился? Но, судя по молодцеватой походке, ее у тебя и не было. Или же водянка у тебя не там? В речах ее не стало меньше, поверь, мне со стороны виднее. Так что с дорогами? Боюсь, бабушка опять натрое застыла: грунтовка, шоссейка и автобан — что выберет на последнем перепутье, и где ее косточки успокоятся?

Давай сюда еще Доренку втиснем, из «АиФ». А то другого места ему уже не будет.

«…Путин и Медведев действуют в бесконечно сложной системе компромиссов между держателями той или иной сферы деятельности в стране. Путин хорошо понимает, например, что дороги — дрянь, да и министр так себе. А что делать? Это не зависит от личности министра. Такова система компромиссов. Поэтому здесь не безволие, а понимание, что эта машина не работает линейно.»

Во завернул, мудрила! (Как сказал бы Шукшин — без буквы «эр».) Дело не в том, что, если вдуматься, то доренковскую мысль можно-таки ухватить, а в том, что и начинать вдумываться нет охоты. Ибо сложнотища высказывания — не от насущного, а от лукавого. Тебя защищает, рвется обратно в журналюжью власть, харизматик. Живем, оказывается, в бесконечно сложной криволинейности. И то верно, что эпоха — Дрянь. А под ногами и промежду них — Дзэнь. Но за указание на твои кривые руки и кривой ум я все же обиделся бы.

Доренко невольно проговорился: вся страна уже видит и знает, а ты еще только понимаешь. Понимание, если даже оно хорошее, не переходит в знание — это хороший тупик. Вот когда понимание еще только начинается, то есть надежда. А когда оно уже хорошее… поздно пить «Боржоми». Короче, без ста грамм не разберешься. А в доренковсвом нагромождении — без ста пятидесяти.

«Я убежден, что Путин продолжает консолидировать страну. Поэтому как гражданин категорически требую, чтобы он покрепче взял вожжи.» О! О це вже ясно, не треба голову ломати. Сразу видно, на ком харизматик (слово не мое, а из СМИ) решил строить свой журнполитиканский ренессанс. Главное теперь — не дожить бы ему до звания маразматика еще до ухода на пенсию. Ведь одного не поймет: такие вожжи, с неуклонным дорожанием жизни, — суть шлея под хвост запряженному народу. Олигархня скорее рванет в офшоры, чем поделится. И трупов может оказаться больше, чем в Йемене, Сирии, Тунисе и Египте, вместе взятых.

При чтении Доренки мысли мои легонько побежали по грамматике, подыскивая ему прилагательное или суффикс. Это параллельный процесс, не мешающий основному думанью. Остановились на «вз». Такой фамилии, кажется, еще не было — Вздоренко.

…Кстати, знаешь ли ты, Путин, единственное русское слово с шестью согласными? А Доренко знает? Сейчас узнает. Тоже в Питере открыто друзьями-студентами. …Да может, ты его слышал — оно уже вроде бы в жизнь пошло. Не ты ли его привез в Москву? Слово родилось на Литейном, 48, а это меньше километра от Баскова, где ты жил.

Как-то один из нас вздохнул: «Что-то взгрустнулось», а другой (кажется, это был Коля Детков), подумав, отозвался: «А мне — взбзднулось». У нас на курсе учились одни ребята, и такие словечки слетали с языка без оглядки. Так что мы сразу стали считать согласные.

А от хитроблудия харизматика может вздоренкнуться так, что после него хоть М. Леонтьевым закусывай. Будет в том же ключе под тебя мудрить, точно на Взбздоренко напросится. Ты, скажем, выстроишь какую-нибудь крупную конструкцию из слов, а Доренко найдет сему сильное объяснение. А такие, как я, скажут: «Во, от полноты чувств к Путину харизматику опять взбздюкнулось!».

Видишь, Серега, тезка, на какое хитроблудие и длиннословие со столкновением, как в автомобильной пробке, шести согласных самому приходится идти, лишь бы только прямо и кратко не назвать тебя «опасным дураком». Видишь, не назвал ведь. А в кавычках не считается — никакой суд не примет. К тому же, у меня есть «бы» — а это уже двойная защита.

Будучи старым дорожником, я представил, как упомянутая тобою «машина», не умея линейно работать, ползает, кладя асфальт, криволинейно. А другая точно так же рисует осевую линию. Представил — и маленько взбз… дрогнул от ужаса. Ты же сам со своей криволинейностью столкновение шести согласных и спровоцировал! Ну?! Пусти тебя по такой линии…

Закрывая тему «Путин — и дороги», надо еще упомянуть разнос Собяниным московских горе-асфальтировщиков. «Горбы и ямы…» — определил мэр покрытие на Пятницком шоссе. А шоссе — это не дворовые проезды.

«Если не умеют работать, надо гнать их!» — рубанул мэр, не глядя на тебя. (Не у классиков ли он перенял свои горбы?) И зря, конечно, не взглянул. Я же говорил: пока в Гоголи не уйдешь, а наоборот, пока ты на хозяйстве, с дорогами не полушеет. Долго наблюдаю тебя и, как старый мастеровой, вижу: в дураках слегка разбираешься, но в дорогах — ни бум-бум.

Будучи студентами, мы коллекционировали преподавательские ляпы. А ты выдал красивую фразу: «Дороги в России недофинансировались в течение столетий…». Но что ты знаешь о прежнем финансировании дорог? Где бумаги по XVII веку, по XVI? Пыли только подпустил в глаза — как порошка от клопов. Ради укрепления нужного мотива чего только не брякнешь устно… Лучше бы уж чаще в текст заглядывал, там такое не напишут.

«Путин — и дороги»… Не обратил внимания на тире? Это знак полного антагонизма…

Но вернемся к твоим фронтовым заботам. Удмуртия, Воткинск, завод ракетостроения. И тут какую-то рутину зачитываешь. Но в этот раз нырки в текст секунды на три всего, и столько же глядишь прямо. Ага, подсказали, и ты зачастил, дикторская камасутра пошла: народ, мол, если в одной позе ему зачитывать, перестает осязать. А сбоку сидит министр обороны — вот свежий голос: это же его законная рутина, он бы мог, и не глядя в текст, а ты бы передохнул. Но — нет, тебя только, зачитчика, и показывают. Доминирующий голос страны…

По новостям тебя показывают минуту-другую всего. Это в «Вестях-24» можно обильнее черпнуть, там подолгу толкуешь на заседаниях, но мне достаточно и новостей. Даже при этом успеваю пару-тройку раз съехать с существа говоримого в сторону — обычно в легкомыслие. Вынужден заявить тебе с гоголевской высокопарностью: редкая твоя мысль долетает до середины моей головы! Ведь речи не обеспечены твоим же собственным осмыслением. Они у тебя большей частью, как бы это сказать.… плавающие. Мало того, еще и не все тезисы средствами обеспечены. Скажем, про 100 % жилье военным вон когда наобещал! А на «Эхе» говорят: «Москва… военные… палатки… четыре года не можем получить… девять лет не могу… ничего, кроме палаток… живу у друзей, 90 % времени провожу на службе…». Протесты не дали развернуть, разогнали.

Ай-яй, несолидно! Посчитай, сколько коммерческого жилья понастроили себе члены доминирующей партии ВиЖ… Несолидно, Вовец Владимирович, несолидно…

Говоришь о доплатах на вредных производствах: в 2004-м, дескать, они составляли столько-то десятков миллиардов, а нынче — вон аж сколько! Ну и что? Зачем ты мне запустил в глаза миллиардную пыль, у меня и без того зрение неважное. В переводе на одного работника сказал? Нет. Индексацию учел? Куда там, не упомянул даже. Но те миллиарды — ведь не эти же. Ты ведь в рублях называл, так? Ну так! Рубли-то за эти годы подговновелись маленько, сам знаешь.

Это, Путин, типичный примерчик тертого демагогического прихорашивания. Миллиарды ты министрам своим запускай, где надо, а уж если дело до репортеров дошло — до массы народа, то есть, среди которого и я тут сижу, — говори сразу чего-нибудь конкретное.

Прав был старина Фрейд: все завязано на две движущие силы. Поэтому так трудно оттащить от говорливой должности. А оттащенный — хандрит, ибо щитовидка вянет, а от нее все остальное… Вот вы годами и муссируете проблемы, прежде чем толком что-нибудь решить.

После 90-х само время кричало тебе: исправь! Не указами, не сразу, но дай направление — идеологией, акцентами, предпочтениями, умными фильмами, предоставлением эфира профессионалам педагогической науки, искусства, историкам, философам… А ты что сделал? Усугубил! И думаешь, за ближайшим поворотом история не накладет тебе по черепу? Хе-хе… Надо обладать большим отсутствием воображения, чтобы не разглядеть своего будущего. Поставят тебя в один руководящий ряд с кровавым хамом Сталиным, с застойным тухляком Брежневым, с козлоупертым борьбуном Ельциным, — за то, что так же, как они, привносишь в официоз, в чиновную среду, в общественную жизнь людей свои ординарные, недалекие и где-то даже примитивные черты и представления о душевной достаточности.

Великосветская тусовка

…Чего только не сделаешь во имя сплочения общества вокруг нацлидера! Из провалившейся разведчицы Чапман ты делаешь великосветскую курву, ее включили в ТВ-эрнстэблишмент. Излагала кристально чистые банальности в твоем духе, а страна уши свесила, дабы лапша надолго не зависала. «Все слова произносились ею отчетливо и выскакивали бойко, как горошины.» Узнаешь Эллочку? Вынь затычку из резиновой куклы, то же самое и высвистит.

Нашел, понимаешь, общественную деятельницу… В Штатах они ушами чапали, а тут героями стали, задвинули их в ЕдРо, в банки, приобщили к нефтяной кормушке. Тянешь за уши престиж спецслужб столь усердно, что, считай, оторвал их; теперь демонстрируешь народу то, что в пальцах. И, как гуру, награждаешь их за пережитый испуг, ведь могли надолго застрять в неволе! Это как, скажем, наградить ветеринара, которого запустили в клетку, но недоусыпленный лев дернулся; врач струхнул, выскочил, и за попытку ему тут же шикарный унитаз, поющий при спуске воды: «С чего начинаются доблести».

Это, Путин, называется разврат; только не адюльтерный, а начальственный, когда бабу продвигают наверх, чтобы ее товарными качествами прикрыть дыры в шпионской сети. Она и так теперь в секс-индустрии не пропадет, уж Джеймса Бонда себе за чулок засунет точно, а ты ей — еще бонус с бонбоньеркой.

Превратил Думу в сборный балаган свадебных генералов и подполковниц; иные из них не могут мысль свою как следует провернуть, почему в СМИ уже и высмеяли их. Но, не обращая на то внимания, ты вывел Россию в мировые рекордсмены по удельному весу чемпионов в заксобрании. Прямо-таки «съезд победителей».

Золотых олимпийцев в Думе один на сотню депутатов, а по стране их от силы один на пять миллионов. Квоты по ним превышены, стало быть, в 50 тысяч раз! А рабочих — ни одного. Вы там от всевластия совсем мозгами шандарахнулись. Раньше хоть был Василий Шандыбин, царство ему пролетарское, — пусть и для веселого оживления, но был; журналисты наезжали на него, как на целый класс. А теперь?

Вообще-то большие спортсмены требуют уважения. Это труд — согласимся; совершенное владение телом — согласимся. Скажу больше: это посылаемая в мышцы быстрая талантливая мысль. В лексике, обратим внимание, что мысли, что мышцы быстры, как подкожные мыши; на это, видать, изначально русичи и обратили внимание. На армянском — то же самое: мышь и мышца звучат как «мук» и «мкан». И такая же история с гвоздем и с гвоздикой («мех» и «мехак»). Впрочем, заметки эти не столько для обладателя мышц, сколько для владельца пытливых мыслей. Это я, Путин, перед тобою мыслию блеснул, но пробуксовал на бисере: тебе это ну совсем уже не в туды.

Так вот, спортсменов мы уважаем. Но и они себя должны уважать! Когда им на халяву предлагают государственное звание, должны же давать отчет: а чем они в науке правоведения выше других юристов, политологов, обществоведов или других спортсменов? Где свидетельство того, что их талант универсален, что все они — Леонарды да Винчи? А главное, как находили время, помимо всепоглощающих тренировок, ходить еще на курсы государственников и леонардистов?

Ты понял, Путин, — это тяжелая риторическая пощечина твоей инициативе пропагандировать спорт за счет снижения общего интеллекта Думы, и без того никакими айкьюями не отягощенного. Российская законотворческая картина хиреет, превращаясь на радость 30-словным Эллочкам-людоедкам в «собачью шкуру, изображающую выхухоль». Это был, если помнишь, модный изыск Фимки Собак, знающей аж целых 180 слов, для Эллочки. От собачьей души подруге услужила.

Твои думские клепачи, постигшие науку побеждать, прежде подчинившись, уже и за образование взялись. Даже интересно стало: а в каких еще полагающих себя цивилизованными странах фундаментальные предметы о жизни переведены в разряд факультативных? Кто там такое придумал — ау, еэровские … (пропущенное сквозь зубы ругательство), выкладывайте! Или прихлопывайте «Новую газету» и другие подобные ей СМИ, чтобы таких, как я, (схожее ругательство) не дразнили. Почему, хотя бы для приличия, к гражданам не подскочили с парой опросных клавишей — «Да» и «Нет», каждая величиной с кулак? Ведь все мы, даже хрентозавры вроде меня, на физике, химии плюс немного биологии только и держимся.

«Подкрутить вредителей просвещения», — почему бы тебе не найти эту заметку 1927-го года пера фельетониста Принца Датского, писавшего, кроме того, под псевдонимом Маховик? Было бы какое-никакое руководство к действию, раз уж с братом главфутбола ничего другого не сообразите. Кампанию по срочному оздоровлению образования можно назвать «Фурсмажор».

Еще пример из однообразной череды. Видно, и сам я попал к ним в зависимость. Если за неделю разок не выужу, критикоидная ломка начинается. Вот ты толкуешь о проблемах высшего образования. Новости, как всегда, узнаешь из подаваемых тебе листков. Наверное, специально, чтобы эмоции чтеца были свежее, ярче. Вместе с тобой телезритель узнал, что в стране повсюду раздувают учебные кадры. До 20 проректоров на одну ректорскую голову! Зарплата ректората в 1015 раз больше, чем у преподов! Ай-яй-яй. Ндааааааа… Сволочи! И кто виноват? И что делать? Штудировать Чернышевского? А может, все-таки сразу уйдешь в отставку? Запрешься в кабинете и оставишь нас с затаившимся дыханием в ожидании выстрела. А то опять получается, что это энэлошники прилетели и нагадили. И улетели. А расхлебывать опять тебе.

А вот ты уже в кинофонде, — и опять, держась взглядом за текст, как слепой за поводыря, намолол свежепутинского. И опять недоумение берет. Если это — деловая рутина, столько-то коврижек и на такие-то дела ты, скажем, отстегиваешь киношникам, зачем нам это вообще показывать? Читай тем, кому это нужно, а телерепортерам скажи: «Кыш отседова!». А вот если есть крупные соображения по кинематографии — тогда просим, Путин, просим, но — своими словами, а то ведь как узнать, что это именно твои, лидерские, соображения? Читальщиков мы уже в прошлом веке натерпелись, видишь, какого сорта государство в

итоге получили?..

Но твоя лаборатория, которая изначально вывела электоральную палочку и передала ее в колбе на ТВ, заодно вывела из опытов и драгоценный постулат: «Электорат, как и женщина, любит ушами». У летчика в активе — налет часов, для женщины, в актив мужчины, — наговор часов, а у лидера, сказали тебе, — беспрерывное мельканье в эфире, чтобы тембр его голоса с голосом его тембра не выветривались из ушей электората.

Позже авторское сообщество пожаловалось тебе, что прокатчики грабят их, точнее, подворовывают, аж в 1500 кинотеатрах страны, из всех 1600. Для тебя, оказывается, это новость, хотя про это ты сам должен был им прочесть. Мелкий недотык вышел.

…А вот еще оказия: берешь под защиту аниматоров. Вот тут ты в полном курсе дела. Открыл всей стране, что к ним присосалось, оказывается, некое паразитическое агентство по мультфильмам. И сосет, сосет… А платим все мы да мы, то есть зрители. Не без удовольствия определил его как «Рога и копыта». Но это сколько ж лет ты приглядывался к кровососущим? Дожидался, что ли, крайнего усугубления, дабы блеснуть сравнением с незабвенной конторой товарища О. Бендера? Да у тебя в Белом доме, небось, собственная контора есть по заготовке тебе оказий для приложения заслуг и доблестей. И ты в ней — посаженным по гроб Фунтом Ибрагимовичем…

Оппозишен — в триппозишен

Ну а как принародно по оппозиции прошелся — тут ваще… Один из слушателей «Эха…» даже предположил, что у тебя с Немцовым закулисье: уж так яростно ты на них своих полканов напустил. Такую откровенную пургу понес, что слушатель и заподозрил: никак, попытка обмануть систему Станиславского? И Немцову пришлось увещевать его голой логикой.

Не погнушался вызвать к жизни призрак наиболее жидовитого еврея. Опять трафил темным вкусам забыдленного электората. Схавают, мол; а что недохавают, адмресурс бородою Чурова подотрет. «Из планового отдела вышел служащий благородной наружности. Молодая округлая борода висела на его бледном ласковом лице.» Кто скажет, что Чуров не запланирован на нужный результат, и что у него не покладистая внешность?

А главное, торжествуя, осознаешь, что развернутого, в том же формате ответа от «ураганивших» телевидение не даст.

Известно, что для каждого мужика найдется безотказная женщина — вернячок. Три канала ЦТ — это и есть твой вернячок: лично тебе всегда дадут (слово), хоть ты с испанским воротничком к ним заявись… Для Эрнста это — важное государственное жабо на шее узурпатора информполей.

Не зря же репортеры без границ тебя самого в жупелы записали, журналистскую абитуру теперь во всем мире тобой пугают в одном списке с Чучхе-сыном и батькой Лукашом. По сути, сказали: вот они, хмыри авторитарные, на витрине — их разыскивает мировое общественное мнение.

К чему вернулись, Путин, ай-яй-яй, к чему вернулись… Помнишь ведь, что в советское время прикрепляли за стендовым стеклом при домкомах: «Они мешают нам жить!». Ай-яй-яй, до чего довластвовался, Вова, ай-яй-яй…

А ты чего хотел? Зажал, понимаешь, под мышкой голову целой нации… Ждешь теперь аплодисментов пощады по ковру? Вот тебя мировые репортеры в шпану и записали.

Нажав красную кнопку, ты включил в дело и собственный краснобаечный афоризм: «Самое главное качество в человеке — порядочность, без этого нельзя руководить». И тут же развил его: «Человека, который не может держать слова, нельзя подпускать к руководству страны». Но если толкаешь теорию о верховенстве порядочности, а в ней главный практик, конечно, ты, отчего же вся страна непорядочна настолько, что ее лихорадит до лихоманки? Опять сама страна виновата?..

Страна виновата, наверное, и в том, что жить не может без дотаций. По Ожегову, дотация — «государственное пособие … некоторым категориям лиц…». А ведь и твое будущее — на дотации. Повисло вопросительной ношей, и обществу придется чем-то поступаться, чтобы ты пристойнее для всех ушел восвояси. Дотация Мубарака, за 30 лет так и не научившегося вести оперативный диалог с массами, обошлась в несколько сот убитых, в миллиарды убытков, ибо он три недели «прислушивался к голосу народа». Это потому, что у большинства таких, как он (и ты уже среди них, не обольщайся), уши мохом зарастают и язык коснеет.

Весь ты со всем своим благополучием и долженствующим завершением политической судьбы висишь на дотации у 100 миллионов взрослых, которые, за небольшим исключением, вынуждены терпеть неважнецкое качество материальной, но еще более интеллектуально-душевной жизни, хлебая цветную баланду из телевизора.

Но ты не только на дотации общества в целом, но и на дотации публицистического сообщества уже завис. И вот тебе развернутое пояснение. На «Эхе Москвы» есть передача «Полный ***ец!», ведет ее публицист Е. Альбац. Так и звучит, если официально: «Полный А…бац!».

Вообще-то, если немного философии… Мы ведь в бане еще, кажется, сидим? …Уважающий себя мужик не допустит, чтобы баба забиралась на матерное поле. В детстве я был мальчик нежный и вздрагивал от женского сквернословия. Вот с тех пор и тянется. В «Эхе…» есть удачные вставки, но вот этот «бац» — лукавая игра в писюльки, усугубленная многолетней повторяемостью. Как у них только глаз не устанет каждый раз подмигивать! Ну, один раз, ну, второй, третий… Сама теория комичного говорит, что всякий специфический прием, если его долго повторять, не лезет уже ни в ***у, ни в еврейскую армию. На «Эхе…» есть еще одно подобное, давно надоевшее: «Где?.. Где?..», где бестолковая баба так и напрашивается, почему и второй раз приходится уступить им. Вот «тама» и есть иной ваш юморок, уважаемые товарищи бенедиктинцы; тама, куда уже тыщу раз указали. Хорошо еще, что иной, а не весь, и это очень хорошо. Я, например, ничего с литературы не заработавший, имею право на неудачные шутки; а вот вы… У вас тама целый штат.

Если же по смыслу, то «Полный Альбац!» (обязательно с восклицанием, а то никто не поверит, что полный) предполагает катастрофическую оценку чему бы то ни было. В плане права это в советское время называлось «полным безобразием», а нынче — «беспределом». Женщина, как известно, более склонна к истерии и перемене логики; если она, знакомясь с новым кавалером, говорит, к примеру, «Я от двух мужей ушла» — это всего лишь ее версия. Так вот, Евгения Альбац, при всей категоричности названия… Ну, не «полный» же «вперед» — несозвучно. Значит все ж таки он самый… Впрочем, о ней ничего не знаю и лица не представляю, сетевизора нет, а прицепился просто как к представительнице.

И потом, справедливости ради скажу, что Евгения Альбац — вдумчивый, совестливый журналист; передачу ее скорее буду слушать, чем не слушать, лишь слегка морщась от настойчивости, что это именно «полный …ц!». Конструируя возлеполитическую подноготную, она слишком задается, и это нам как раз и предстоит разобрать: а почему? Но с этой

философией я и от темы ушел, и слова классика вспомнил: «Закусив дешевой мокрой колбасой … он понес вдаль отвлеченные слова о каких-то женщинах»… Что для бани, впрочем, простительно, а, Путин?

Так вот, Евгения Альбац, при всем при том, что мы только что разобрали, не бросила тебя — все ж таки подхватила. Поразмыслив, она тебя, представь себе, пожалела даже. Сказала, что ты сам тоже несчастненький, не ведаешь, что творишь; что и тебе несладко живется, что напряжен безмерно, потому что не знаешь, в какой стране, в чьей постели завтра проснешься… От этих причитаний я, честно говоря, сплюнул досадливо: «Ага, — подумал, — нашла кого жалеть… Дай ему еще титьку свою интеллигентскую… Да у него власти больше, чем у Николая, у Гришки Распутина, у Милюкова-Милютина-Керенского со Столыпиным, плюс еще республика Люксембург, вместе взятых! Если не умеет ею в пользу всего народа распорядиться, если задавлен 75-сильным «Кировцем», который сам же на себя и натащил, если немеет от олигархичьих мошон, то сам себе должен указать вон из власти, чтобы пришли те, кто не будет дурью маяться и неметь».

Но она, видишь, вон как. Чтобы спровадить тебя мягче и культурнее. На такой крепкой дотации сидишь, Путин, что на твоем фоне и слабый деятель Медведев выглядит чуть ли не спасителем Отечества…

Ты на поддерживающей дотации и у Евгения Ясина: на «Эхе…» он признал, что плохо к тебе и к твоему времени относится. Но и он кидает тебе монетку, рассказывая о подъеме страны в первый твой срок. Только вот уважаемый экономист (он же Жванецкий от экономики — по меньшей мере, одесским шебуршением в речи) упускает из виду простое обстоятельство: после похудения (1990—2000-е) всякое тело, в том числе индустриальное, помня набранный прежде вес (1980—1990-е), какой бы он ни был, само стремится к его восстановлению без чьих-либо особых стараний. А после истощения — тем более. Если, скажем, цены на нефть падают, то потом неминуемо поднимутся. Дотация в том, что Ясин берет щадящий для тебя отсчет.

Вообще же Ясин, не откажу себе в удовольствии повторить, — это Жванецкий от публицистики, у него схожий выговор. О чем это может говорить? О смешном состоянии экономики путинского периода. Уйдя из министров (в давние времена Жванецкий тоже был портовым инженером), Ясин переквалифицировался во въедливого аналитика всего того, что он ранее пытался упорядочить на государственной должности.

Но отдельно отметим, что до Явлинского ему в анализе далеко. Тот свою программу почему-то не 499, как все чаще в ценниках указывают, а ровно 500 дней уже около 15 таких сроков анализирует. И поскольку резюме все еще нет, а сам Григорий Алексеевич, теряя харизму, ушел в тень, то, стало быть, без помех и гонораров вдумчиво проверяет, в чем же была условность его программы — в содержании, в цифре или в недочете путино-сечино-володинского фактора? Но, как знать, может, и в самом названии его партии, неоднократно уже там и сям надкушенном? А вот «Грушу» еще никто не надкусывал. Рекомендую, Гриша! Не будет уже беспокойства, что кто-то, нарушая целостность, отвалится. Нежная любовь, опять же, — всегда! Само слово ее тянет: Грууша, куда же ты, Груша, запропал, у интеллигенции губки уже растрескались…

Сварливый скрип в голосе Ясина в связи с первыми признаками твоего, Путин, провала и появился. И свой тембр он машинально вуалирует под Одессу. Со мной он, конечно, не согласится, но процессы глубже лежат, они не менее тектоничны, чем те сдвиги, которые Ясин отражает в своих почти юмористических лекциях. Думал ли ты, что придет время, и на твою самодельщину в экономике, указывая пальцем, скажут: «Провал»? Не зря же Ясин выбрал эпитет «тектонический».

«Остап сразу же выяснил, что Провал для человека, лишенного предрассудков, может явиться доходной статьей.»

А кто способен лучше других в подробностях прокомментировать Провал? Конечно, бывший министр.

«И Остап поступил так, как подсказывали ему разум, здоровый инстинкт и создавшаяся ситуация.»

Какой оклад был у министра, интересно бы узнать? А на «Эхе» ему сколько платят? Заслышав его, я уже не отключаюсь, но ловлю себя на том, что в содержание речи не въезжаю, а постигаю лишь одесскую интонацию. Для совкового уха это всегда бодряще, как праздник. Все равно, что 1-го мая выйти на улицу под звуки марша «Прощание славянки». Да ведь Ясин и сам это понимает: его газетных публикаций я не встречал, только голос. Сколько бы эховская бухгалтерия ему ни платила, все равно она ему, на мой взгляд, недоплачивает.

Подытоживая, можно сказать, что в каждом из нас сидит частица Остапа. Можно обновить старую поговорку, которой пользовался и Остап: «Пан или пропал». Он сказал: «Выбираю пана — хоть он и явно поляк». А мы, благодаря Ясину, скажем: «Остап или остолоп».

Починяю общественный раздрай!

Даже у стулоломателя Георгия Сатарова ты на дотации. А вот смотри — в «Новой…» он пишет: «…Без свободных выборов нам из дерьма не выбраться… Беспрецедентная неэффективность пресловутой вертикали… Нелегитимность верховной власти… Представители смердящей вертикали… Любители крышевать контрабанду или торговать углеводородами из бывшего КГБ. … Иначе — хана».

Ну, все понимает человек! Теперь, по идее, надо сказать последнее: «Пора гнать Путина из власти поганой метлой!». В ушах аналитика должен взыграть бравурный марш-рефрен под барабанные палочки: «Давно пора! Давно пора! Давно пора! Порра!! Порррa!!!». …Но нет! Тут он останавливается. Четко, ясно костерил и вдруг, как загипнотизированный (никак, твоей харизмой, Путя?), буквально забормотал:

«Как мне ни противно говорить, даже победа Путина или «Единой России» на честных выборах, даже именно ими осознание того факта, что они у власти не навсегда, кардинально меняет ситуацию и их поведение в новой ситуации. Такие дела».

…Ну, Сатаров вообще умелец трижды извернуться, и все три раза — со смыслом: не зря же сам во власти пребывал. И вот, скрутившись и исповедавшись до капли, в итоге все же кидает тебе кончик дотации: «Пойми ты, в конце концов, Путин! Да пойми ты! — Берет за плечи и трясет. — Все теперь только от тебя зависит, Путин! Противно, но это так».

Чудак, ей-богу, Сатаров… Совмещает несовместимое: честные выборы — и Путина с «ЕР».

«— Я уже на все согласен. Пусть не Пуришкевич. Пусть хоть Милюков. Все-таки человек с высшим образованием…»

Смешно. Ведь если Путин с «ЕР» согласятся на честные выборы, после таких выборов не станет ни Путина, ни «ЕР»… («Чучело медвежье с блюдом — во второй район милиции.») Вот как мощно подхватил тебя Сатаров!

…А я тут, в скобках, задумался: чего мне в Георгии Сатарове не хватает? Даже шире: чего в нем не достает в принципе? Ведь разошелся в последние годы, раздиссидентствовавшись, почище даже сего деепричастия. Но все же чего-то в нем не хватает. Ни за что, Путин, не догадаешься, чего. И сам Сатаров не догадается. Да никто не догадается. И вообще, это чистая глупость — то, какой недостаток я в Георгии Сатарове усматриваю. Но ведь и ничего другого не усмотрю! Тогда как чувствую: что-то в нем неубедительно… Второй буквы «т» в фамилии аналитика мне не хватает! Есть татарское имя, которое исконно пишется как Саттар: все же твердая, на двух ногах, позиция. А наш Сатаров где-то по жизни эту органичную для него буковку утерял…

Сатаров приходит к стоматологу и жалуется на новую челюсть: не могу привыкнуть, вставьте старую — вот она, я ее не выбрасывал. Противно, конечно, но иначе не могу. Врач ему: да как же, милейший, вставлять, если опорные зубы под нее удалены в связи с изношенностью? Доктор, вы, главное, вставляйте честно, говорит Сатаров, и тогда в новой ситуации ее поведение кардинально поменяется. А то с новой челюстью у меня как-то речь не складывается. …Именно с таким условием Сатаров допускает Едропутина до дальнейшего пребывания во власти. Он уверен: если как следует встряхнуть, Едропутин почестнеет.

Бог с ней, с буковкой. Хуже то, что Сатаров где-то по жизни — скорее всего, в политоложеской эквилибристике — утерял интеллектуальное естество, проще говоря, обычную логику. Такие дела…

В наше время развелось много логик: отраслевая, социальная, женская… Пора вводить моду на раритетную логику. Если угодно, на логику античную. Или — голую. Науку возвращения к классической логике назовем гологикой. А ученый, соответственно голог. Это всем ученым ученый, его ни так, ни сяк не поддеть. Голог — он и есть голог, он кругом голог, хоть взад, хоть вперед его читай. Голог — наираспоследнейшая инстанция в наше тревожное и необустроенное время. Поломка, которую нужно приносить ему на починку, называется известно как — общественный раздрай. Чем больше раздрая принесут гологу, тем значимее будет его место в обществе. И над своей конторкой он в конце концов вывесит: «Дорого!».

Г-н Сатаров, добро пожаловать в чудную страну Гологию! Спасибо, что помогли мне ее открыть. Поэтому вы первый…

Ну-с, на что теперь рассчитываешь, Путин? Кинуть им всем какой-нибудь большой мосол, как последний балласт из гондолы? Сатаров его, во всяком случае, ждет. Хоть и противно ему, но надеется. А другие и вовсе закричат: «Мы проснулись в другой стране! Мы не узнаем Путина, ура!». И ты вновь взлетишь на высоту подброшенных чепчиков. А твои «другие» еще только вылезут из сна десятичной глубины в девятичный…

Альбац, Ясин, Сатаров, Ремчуков… еще приведу пример… Увы, Пушкина не чтят. «Соразмерность», — вот одно из важнейших понятий Александра Сергеевича. Публично выраженное отношение к тебе, Путин, нужно соразмерять с твоими деяниями. Это чтобы появился шанс, что ты хотя бы ухом поведешь, бровью дернешь. Поэтому я уже сижу в восьмом отсеке, жду, когда из девятого люка их всклокоченные головы покажутся…

А они на меня же обидятся и отторгнут. Вот нахал, забурчат, только пришел — и сразу сколько Путина себе захапал. Мы тут его выслеживаем годами, культурно сопровождаем под микитки в его долгом выходе из власти, а этот сразу захотел… бур-бур-бур…

Все понятно, Путин, они тебя полюбовно хотят спровадить. А на меня — бур-бур-бур. И действительно, что я, смерд недостойный, могу поделать, если людей, терпеливо ожидающих любви, — масса? Разве что вульгарно переиначить слова бога

Эроса: «Дам… Дома… Думай…». Такая изящная Эросиня на обочине — представил? А поодаль — мент с квитанцией…

А мозги в гараже как ты энергично выложил! Прямо вмазал их Ходорковскому! Тоже, полагаешь, схавают. Но мало ли в твоем государстве других бесхозных мозгов находят? А ты, гарант, за них разве не в ответе? Твой расчет — на то, что не каждый их у себя в гараже обнаруживает. Но если Ходорковский нанимал, и ты уверен до скрежета зубовного («И с ним ездит какой-то уголовный преступник, нанял себе бандита»), но доказать не можешь, то и тебя за такую милицию надо привлекать. И за то, что убийства журналистов, задевавших бесчинства твоей власти, тоже в большинстве не раскрыты. Что же у тебя следственных сил лишь на одного олигарха хватило? В прежнем УК в статье «Халатность» как раз для тебя как бывшего президента было предусмотрено, как помню, до 3 лет лишения свободы. Даже если не повлекло причинения смерти. Но в новой редакции (08.12.2003) и с новой шапочкой (08.04.2008) твои грызловеды это дело вымарали, установив максимум — «арест до трех месяцев». Главное, чтобы не было причинно-следственных смертей.

…Три месяца? Гм! А не слабовато ли для лица, потенциально способного на халатность с самым массовым исходом? Вот сам подумай. Ведь одной только ее на тебя можно многоо насчитать, с рукавами от Петербурга до Москвы. Ведь халатность — все то, что ты должен делать, а не делаешь. Но сама природа государства тебя к этому обязывает. Спроси у людей перечень того, что безо всяких называний предусмотрено в природе государства. Это все то, что сами люди ни семьей, ни группой, ни коллективом не осилят. Если на себя возьмет группа, то она уже суть криминальная кодла, ничего больше. То, что мы и имеем при тебе, при твоей халатности, которой ты мнооооого допустил, попустил, приспустив рукава до полу…

…Вообще-то приличные политики так себя не ведут; у приличных политиков есть приличные следственные органы и независимый суд: они-то и находят и доказывают миллиардные ураганы и мозги. «Вор должен сидеть в тюрьме», — говорил ты, вернее, заимствовал. А язык? Погрязший во лжи язык должен сидеть в клоаке, он оттуда родом. Тысячи крупнейших за всю 1000-летнюю историю Руси воров-аукционщиков, воров-откатчиков, воров-пилильщиков должны сидеть на параше. А они при тебе сидят в креслах. А народ кричит: «Ау, где наше общее достояние!?». А твой язык онемел и ностальгирует по малой родине.

В разведчиках ты прекрасно изучил все возможности обмана, тонкой дезориентации, кидальных приемов дзюдоистики и пр. Это было частью твоей профессии, но перешло в сущность натуры и прекрасно там ужилось. Теперь вот нечаянно булькнуло. Зря ты столько народу собрал у телевизоров — не держишь ты аудиторию, собственным языком роешь себе политическую могилу.

Тебя что спасает: в государстве, где нет института выявления общественно значимых лгунов с преданием их списков гласности по сортам — лгун 3-й степени, лгун 2-й степени, лгун первостатейный — с вывешиванием их портретов и метанием в них размороженными куриными гузками, нет и никакой ответственности за слова. Слова не пахнут, говоришь. Но если того, что ты сказал, не докажешь, они у тебя завоняют. Пардон, зафуняют и забунькают.

Отвлекусь немного от темы. Помню давний рассказ одного ленинградца о горе Арарат. Мы лежали в больнице, спешить было некуда. И уж больно выразительно он все показывал. Короче, приезжает впервые в Ереван, а была уже ночь. Рано утром выходит на южный балкон высокого дома своих знакомых, у которых ночевал. Весь в предвкушении — точно знает, что именно отсюда можно увидеть грандиозный Арарат, расположенный километрах в 30 от города, и вообще — в Турции. И погода была ясная. И вот, вглядывается — и не видит Арарата… А человек он грамотный, кандидат наук. Но Арарата в том месте, где Арарат точно должен быть, не видит. И он показывает мне, как отыскивал зорким взглядом гору Арарат. Тут как раз вся изюминка: он высматривал Арарат на горизонте, приложив ладонь к бровям в виде козырька. До сих пор помню, а прошло уже лет 40, как выразительно он изображал зоркое обшариванье взглядом линии горизонта. И от недоумения уже было пошел будить хозяев, но…

В этом месте рассказа он убрал с глаз ладонь и, подняв очи, ахнул: «Так вот же он!!». И руки воздел вперед и вверх. И такой у него был взгляд, так ярко он помнил свое изумление, будто видел уже самого Ноя. Оказывается, на горизонте все же была белесая дымка, и вот над нею, как бы не соприкасаясь с земною твердью, и парила величественная гора, вознесшаяся над Араратской долиной на 5 километров. (В этом и состоит ее феномен: она — отдельная, не в цепи гор.) Он слишком низко высматривал, вглядываясь по горизонтали, да еще нахлобучив на глаза ладонь, тогда как смотреть надо было по диагонали.

Возвращаясь к делам нашим скорбным. Журналист Антон Орех из «Эха Москвы» эмоционально разорялся в адрес генералов, у которых солдаты простужаются побатальонно, а некоторые умирают от менингита в течение суток. Называл их «баранами», упершимися в армию численностью в миллион и не меньше.

И вот я представил, как журналист Антон Орех, приложив ладонь ко лбу, зорко, почем зря, костерит бедных генералов на горизонте, не сообразив поднять очи — тогда бы и увидел величественный двуглавый Арарат, тоже в некотором роде тандем.

Антон Орех — острый публицист; по мастерству выражения проблем он — тот же генерал от журналистики. Во всяком случае, орешек твердый, о чем неизменно предупреждает дама, представляющая его перед очередным, подчеркнуто членораздельным — для непонятливых — выступлением. Так что его обращение к генералам от тандема есть типичный вопль по горизонтали.

Все же надо воздать должное Антону Ореху: в очередной передаче он открыто высказался про твою, Путин, авторитарную табуированность как судебного истца. Вот тут он воздел глаза горе (Арарат). Хорошо, смело, на дотацию в этот раз не брал. Но тогда зачем ругал генералов что толку? Если они бараны, надо, наоборот, пожалеть, погладить их покрытые каракулем лобики: «Бяши-бяшеньки, ничего-то вам самостоятельно не дают решать… Даже Путина не можете доставить в суд… Бедные, беедные бяши!». А будь их папахи не каракулевые, а из козленка, то Орех и назвал бы их, соответственно, не глупцами, а упрямцами. Или

попросту козлами.

А вот еще примерчик. Президент фонда «Образование» С. Комков говорит: тех, кто думает лишь сегодняшним днем, называют временщиками. Сообщает всем набившую оскомину информацию о нищенской зарплате учителей, а намечающаяся коммерциализация школ, полагает, будет «смертельным уколом» для образования, и т. п. Но временщика употребляет исключительно в обобщенном смысле. Тоже классический вопль по горизонтали; тут даже и в никуда…

Но не прошло и года, как ты сам узнал! На съезде учителей, когда ты пытался уверить их, что средняя зарплата в школах 15 тысяч, они дружно засмеялись. Но, широко улыбаясь, ты перевел это дело в легкую шутку: «Средняя по больнице…». Причем завлекание расслабиться было специфического сорта — как бы явочным порядком. Это когда не подулыбнуться в ответ считается невежливым. Да только не осознавал ты, Путин, что в зале перед тобой сидел цвет социума, а именно — учителей России, 99 % которого, по опросам, государство ненавидит. А ты звякни в Левада-центр, может, этот результат мне почудился? Буду дико извиняться. Звякни, звякни. Глядишь, перед тем как в следующий раз выставляться обаяшкой, пощупаешь прежде средний пульс зала, а особенно социума, который этот зал представляет.

Тот же учительский съезд навеял мне линию сопоставления лидеров: Брежнев — Назарбаев — Путин, с их стилями выступлений. Ну, с Брежневым понятно — классика: речь, вставание зала, долгие неутихающие аплодисменты, глоток воды оратора. А вот Назарбаев, который старше тебя на 12 лет и настолько же дольше твоего тянет лидером, — так что его, казалось бы, как и Брежнева, сам Бог уже подталкивает к деградации, — тот нет: оказывается, как подметил недавно летавший туда журналист, морщась, отводит аплодисменты движением руки, едва только начинают разгораться. Ему этого не нужно, он прекрасно знает, кто затевает рукоплескания — лебезятники и лизоблюдники.

А вот его современник — ты, Путин, — сидит на съезде, агитирует учителей вступать в только что народившийся, еще ничего не завоевавший Народный фронт и от начала до конца выслушивает аплодисменты неостановимые, неутихающие… Причем организовывают их твои шестерки. Уловив пик выступления, они в возглавляемом тобой «грезидиуме» (как пошутил Ильф) вскакивают с предоргазменным восторгом и начинают горячо, хлопотливо хлопать, поднимая в зале волну. Учителям неудобно, что их вовсю зовут аплодировать, а сами они сидят. Часть из них встает, теплея аплодисментами («В воздухе висели счастливые поцелуи…» — ИльфПетров); за ними и остальные — сидеть-то уже неудобно, когда те встали. Вот и наураганили волну («…там еще пахло подмышками»). А ты не только не останавливаешь аплодисменты, но и своих застрельщиков не тормозишь. Сидишь, ловишь на халяву председательский кайф.

«Приветственные крики потрясли город. … Вдруг на горизонте была усмотрена черная точка. Она быстро приближалась и росла, превратившись в большой изумрудный парашют. Как большая редька, висел на парашютном кольце человек с чемоданчиком.»

По-моему, это ты завис над Васюками с чемоданчиком обещаний стабилизации путем ее завоевания на фронте — не с ядерным же!

«Это он! — закричал одноглазый. — Ура! Ура! Ура! Я узнаю великого…»У Назарбаева, как пишут, — достижения, а у тебя что? У тебя — виденный-перевиденный советским зрителем руководящий стиль. …А покажи снова по телику эту сценку и опроси людей: когда не любящий государство социум склоняют фальшиво рукоплескать государственному мужу, как это называется? В предложенные ответы от «всеобщего воодушевления» до «старой доброй показухи», будь добр, включи и мой вариант — «адмракурс».

Еще одну волну оваций нагнал твой Зубков в Ростове: «Давайте поаплодируем…» — сказал он в старом добром формате. А ты с прибауткой и как бы даже с самоиронией (готов, мол, на иронию, но только от себя): «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку».

«Остап подмигнул Балаганову. Балаганов подмигнул Паниковскому. Паниковский подмигнул Козлевичу.»

Опять-таки ловишь кайф, пусть в этот раз без вставания, но с агитацией вливаться в первый Путинский фронт против поднявших головы отъявленных оппозиционеров; тебе пора уже называть их оппортунистами.

Функциональное функканье значимых деятелей

А помнишь, как на пороге нового десятилетия ты успокоил свой трудящийся народ: «Это положение пересмотру не подлежит»? А речь о 40-часовой рабочей неделе, которую олигарх Прохоров намерился было увеличить до 60. И если бы слишком настаивал, получил бы в народе прозвище Полтора Михаила. Но с какого пережору предлагал — вот вопрос: «Ну че, Миша, — будучи тет-а-тет, сказал ты ему по диагонали, — брякни как-нибудь, что хотел бы насесть на рабсилу в полуторном размере. С тебя не убудет…». «…А мне пиару, когда запрещу, прибудет», — подумал ты про себя, хотя это уже и так понятно.

Смешной ты все же, Путин. Зачем вообще надо было всерьез об этом толковать? Мало ли кто что брякнет! Я вот возьму да брякну: «Всем олигархам мошонки ополовинить! А несогласные пусть половину мошны в казну передают». Кстати, и их заповедь гласит: не кладите все яйца в одну мошну. И что, будешь на полном серьезе обсуждать? А обсудивши, постановишь: «Число яиц пересмотру не подлежит»? Ведь сам напрашиваешься. Зачем придавать значение частной болтовне Прохорова?

Ведь уже и стиль такой сложился: кто-нибудь один запускает вонь (пардон, фунь запускает) — Прохоров, потом Дворкович с ликвидацией стипендий; потом минобр нафунял с вольным роспуском предметов; еще в мае 2010-го тот же Прохоров, крупный спец по запуску, хотел продлить пенсионный возраст и укоротить процедуру увольнения работника… И до них было, и еще ждем-с, — трямс-брямс, резонансом сотрясам-с… Тут еще Сергей Мироныч подпустил подозрительного зорину в лагерь нашего славного чиновничества: а давайте, говорит, им никакой презумпции невиновности — все они, то есть, изначально перепробованы. Но на свой «презумпц» сразу же получил зеркальный «умпц!» по носу: популист!

Или вот еще: Жириновский запустил индивидуальную фунь по изменению стяга РФ. Смотрел-смотрел много лет, ждал, видно, пока молодые пообвыкнут, копил-копил — и выпустил. И все бы ничего, никто бы не унюхал, если бы СМИ — а Жирик их слабость и утеха — не придали эпизоду выпуска вкусовщины, разнеся по новостям, государственного звучания и аромата.

Ну, Вольфыч тоже спец по выпуску, не слабее Прохорова. Двадцать лет оценивал-оценивал материальную пропасть между слоями граждан, оценивал-оценивал и вдруг каак бунькнет: разрыв между бедными и богатыми — это хорошоо! Способствует прогрессу!

А уже через неделю ВВЖ опять скандально выразился: уподобил состояние российского общества гермафродитизму — мол, ни то, ни се, ни демократии, ни диктатуры, и прочее такое всякоразное «бунь-бунь-бунь…фуньк!». Он ведь мировой рекордсмен по наговоренным речам, сам же сим обстоятельством и хвастался в «АиФ». Напахтал во рту вавилоны слов… Вот только их КПД не вычислял — тут тоже, скорее всего, рекордсмен, но по нижней планке. Впрочем, лет через 10 скажет, что его «гермафродита» не так поняли. Да и вообще, мол, такого не говорил! Уже отрицает и сапоги в Индийском океане, и свое обещание каждой бабе по мужику, и утверждает, что слово «баба» публично не произносил, и публично не валтузил таковую, и за волосы не таскал в думском зале…

О-о, у тебя, Путин, достойный, а главное, абсолютно безвредный соперник. Но в политической теории он все же посильнее тебя будет, ты еще только средненький кандидат демагогических наук, а он уже оригинальный доктор…

Пользуясь своей приближенностью к микрофону, выпускают, кто во что горазд. А потом приходят добрый дядя Путин и рассеивает рыбное и прочее бунькание и фуняние. В целом демократические учения: маршброски с фальстартом и судейским окриком. А программы преобразований, между тем, расписаны и до 2020-го, и до 2030-го; но в них, как видно, ничего толком не закреплено, так что остается искушение еще и еще раз тронуть быдло за вымя: чи вякнет или нет?..

Прохоров, сытый конь, бьет копытом по мостовой. И ведь не опасается высечь давно забытую газету «Искра» и град булыжников для пролетариата. Видно, не знает, что в литературе есть специальная унтерофицерова вдова, которая сама себя высекла. А не опасается потому, что такого Путин не допустит, — он (то есть ты) скажет вовремя: «Это положение пересмотру не подлежит». А я зарегистрирую. И все трое при деле: брякнул — запретил — зарегистрировал.

Вопрос в лоб: почему мнение одного гражданина тиражируешь на всю страну, а мнение другого — ополовинить мошну — нет? При том, что мнение Прохорова дико по своей сути: сразу — хряп! — и в 1,5 раза, единственное такое в истории мировых мирных времен. А мнение ополовинить мошонку или, на выбор, мошну — это мнение масс. Нет-нет, не экспроприацией, а путем бескровного соглашения: рекомендацией государства от имени народа, от которой они не смогут отказаться.

…Впрочем, силенок ораторского убеждения чи хватит ли? Это ж тебе не с листка зачитывать, тут надо самому речь конструировать, имея в груди соответствующую убежденность. И, кстати, почему бы тебе не выявить мнение граждан? Процентов 80 согласия получил бы, если не все 90. А если считаешь мое предложение диким, давай тогда и граждан спросим: предложение жеребящегося при полной мошне и мошонке олигарха нормально ли? Адам Смит, небось, в гробу перегромыхнулся: «Как, в условиях безработицы удлинять принудительную рабочую неделю? Да они своей русской белены объелись!».

Деловито рассматривая предложение Прохорова, ты следуешь теории юмора О'Генри, по которой для смеха иногда достаточно спутать последовательность действий. Вот парикмахер берет в одну руку пластырь, а в другую бритву, быстренько делает клиенту порез щеки и тут же его залепляет. А вы, стало быть, договорились, и он перед началом спросил: «Ну, как, Владимир Владимирович, начинаем?». А ты, изготовившись, подтверждаешь: «Произноси». «Шестидесятичасовая рабочая неделя!» — возвещает на всю страну Прохоров. А ты, как парикмахер, — оп! — тут же и залепил отказом. И бактерициды с пластыря сразу побежали лечить, побежали, побежаали… И ничего вроде не убавилось, не прибавилось, а пролетариату все ж таки приятно. И

счетчик, показывающий в твою пользу очки, затарахтел, затарахтеел, затарахтееел…

Пару слов о Прохорове, раз уж он крупно выставился. Тоже смешит, ей-богу. И в «Прожпертоне» смешил, в популярной передаче, которую стараюсь не пропускать и в которую олигарх попал благодаря мошне. …Да уж, пусть сказки рассказывает; балагуров его уровня — миллионы, «Прожпертон» всех не пропустит. Прожпертоновцам, в частности, обычно блистающему Урганту в тот вечер маленько юмор изменил: с уважительной ужимкой Ваня стал пошучивать на тему потенциальных возможностей мошны. Это вместо того, чтобы сарказмом прожпертовать сохатого господина к гербарию гостей, — коли уж явился по разнарядке как наиболее остроумный из олигархов. Тогда-то я, кстати, и обратил внимание на то, что у передачи название длинновато; зачем им полуторный «Прожекторперисхилтон», когда и одного «Прожпертона» хватит?

И битьем копыта о палубу арендованной «Авроры» Прохоров смешил. Прозрачное реваншоидное действо — как знак, даваемый давно почившей на чужбине буржуазии: это племя ваше правнукастое, мы вернулись!

Эх, упустил ты, Прохоров! Да я и сам только что сообразил. Надо же было заказать во Франции гигантскую, величиной с пушку, бутыль шампанского и прямо с палубы шандарахнуть пробкой: «Долгий и сильный пушечной полноты удар вызвал колебания ледяной поверхности». Чтобы вздрогнула очередь посетителей Эрмитажа, а серпы и молоты на советской архитектуре символическими трещинами пошли бы, ты бы их накануне заказал художникам-верхолазам с кисточками. Вот это был бы шорох с порохом! Все сразу сообразили бы: сам Прохоров! Помнишь возвращение Бендера от сигуранцы проклятой: «Лед тронулся! — в ужасе закричал великий комбинатор. — Лед тронулся, господа присяжные заседатели!»? «Лед тронулся! — в восторге закричал великий миллиардер. — Вспять истории, господатаарищи коммуняки!»

А когда объявил про 60 часов — ну, тут ваще… Выставился новым Крассом, провоцирующим выступление личного Спартака, дабы повесить его на Куршавлевой дороге, чем и упрочить свое реноме угнетателя масс, — с тем и въехать в историю на белой яхте, долго еще коптящей дымом из-за временны́х и пространственных горизонтов.

…Ах, Миша, Миша, деньгами не все купишь! Аплодисментов таких старых хрентозавров как я заказать не сможешь. И средних, и многих молодых… «И это путь миллионера! — думал он с огорчением. — Где уважение? Где почет? Где слава? Где власть?» Дешевле будет отдрессировать слона, чтобы, завидев тебя, он ушами хлопал. А чтобы впредь насмешек не получать, не высовывайся хотя бы в юмористических передачах. Или тебе уже и в «Хворбсе» тесновато стало, е-мое?

А у меня к тебе, Михаил, прямая претензия. Прошлые зимы я смотрел биатлон, болел за своих. Зрелище, сам понимаешь, азартное, не сравнится ни с какой стрельбой, ни с лыжами. А в последнюю зиму ты лишил меня этого удовольствия. Зачем смотреть, если нет даже бронзы, а одни только огорчения? Причина, не надо и гадать, — в системном провале. Зря ты взял на себя дело, в котором не смыслишь. Хоть ты и чего-то там хорохорился — мол, это вреееменный спад, это закладка потенциаала, и в следующую зиму мы рванеем, но было бы честнее просто сказать болельщикам: «Увы, я это дело просрал… Простите великодушно». И поскольку собственного великодушия у тебя на это не хватило, то не получаешь и моего. Ты крепко подумай теперь, прежде чем заявляться в следующих проектах, которые наметил.

Как-то напарник-штукатур на мой вопрос (а я искал на стене нужную точку) «Где тут твоя отметка?» ответил на полном серьезе так, что до сих пор помню: «Правее правого правила». В связи с чем — мысль: почему бы тебе, Михаил, не назвать свое политическое устремление партией «Правее некуда»?

Ты сам, Михаил, не перепутаешь, с какой стороны будешь толкать свои идеи? А то вот еще тебе в помощь, уже от меня.

И снова Ильф-Петров? «На крайнем правом фланге стоял брандмейстер. Он был настолько правым, что даже не знал, к какой партии принадлежит».

Но что если ты, Миша, просто человек ординарный, без талантливых прожилок? Вот в чем ты действительно гениален — так это, конечно, в делании миллиардов. Так, может, и не стоит изменять своему единственному призванию?

А я тебя, Миш, не могу простить не из-за биатлона, а по определению. Сожалею, конечно, но великодушно — никак. Поэтому и наковырял тебе тут таракашек из булки. Вот сам подумай: твоих средств в миллионы раз больше моих — без преувеличения, я умею считать; у тебя особняки там и сям, а у меня нет и своей каморки на старость. А живем на одной Земле, и даже в одной стране. И как я тебя могу простить, да еще великодушно? Где я столько души наберу? Ведь пропасть — страшная! Как та бабешка в известном анекдоте, когда говорят: «Я столько не выпью…».

Тут я нашел в своих давних записях:

«Ленинград, Дворцовая площадь, верзила-гид. Пояснял экскурсантам, что Александрийский столп хорошо вписывается в полукружие Главного штаба, и не подозревая, что сам он тоже неплохо вписывается в полукружие группы».

Оказывается, была у тебя достойная судьба — нести в массы культурное знание. А ты что! По другую сторону Эрмитажа безобразил по-буржуински. Горланил натужно, по-наполеоньи держась за руль… Нашел место для гулянки! «Аврора» ведь, как-никак, символ. А ты над ним надругался. Все равно, что в уголке флага своей милой Родины накакал. С прицелом, понятно, в серп и молот…

А если серьезно, — давай серьезно, — то, из недавних опросов, покойного Ельцина сейчас ненавидит 59 % населения. Знаешь, за что? Вариант ответа был так сформулирован: «…за олигархов, разворовавших страну». Вот, а ты лезешь в массы. Предлагаю

для начала самому заказать опросы. В шапочке укажи источники своего первоначального капитала, потом — логику его накопления, а в конце спроси, типа: «Теперь видите, что все было чисто?» или «Так у вас, люди, нет больше ко мне претензий?». И, конечно, такое: «Ну, вы теперь-то согласны, что мой экономический гений и моя трудоспособность в десятки тысяч раз превосходят ваш средний уровень?». А потом только пробуй лезть в пастыри.

…Ты, Миша, человек большой, вернее, длинный (извини, высокий). Соответственно, и текст о тебе у меня тянется. Всякий раз возвращаюсь к твоей немаловажной фигуре не без охоты, внутренне разминая свою писучую лапку: «Ну-с, чем свеженьким мазнем гориллу-Прохориллу? Вон его голова в телевизоре колышется над толпою лохов, прощелкавших важнейшие моменты расхвата благ… Ишь, купил себе за океаном целую баскет-команду с потрохами и с улыбками… А мне тут и на концерт не на что сходить…». Мысли, как видишь, скучные, совсем не писательские; ты и сам их можешь легко вычислить.

Кстати, ты был студентом — или так проскочил? Тебя, Миш, не давит то, что со свистом летаешь «Фальконом» на Мальдивы, а по земле ходишь все-таки на своих двоих? В старости ведь, как английская королева-мать, можешь и перелом шейки бедра заполучить. С высоты-то падать… «Козлевича потащили под руки. … Ему казалось, что теперь над ним будут смеяться все пешеходы.» Не давит то, что красоту и мощь голоса никакими деньгами не купить? Это же не голоса покупать на выборах. Зачем же ты их столько под себя гребешь и гребешь?..

Ты, Миша, как-никак мишень крупная, добротная, как шины «Мишлен». К тому же сам выставился. А что еще нужно голоте, как не поскакать вокруг тебя, всяко-разно копьишком тыча (ну, ты че, ты че?) — и в состояние твое, и в супергренадерский рост, и в раздувшиеся вместе с мошной претензии («Остапу захотелось закричать, что он главный, что его нужно уважать и почитать, что у него в мешке миллион…»), с потешным приплясываньем встречая твои промахи? А ты, че ль, другого ждал? Но свисавшая изо рта горбуна колбаса — это суть не прожеванные тобой триллиарды. Не нравится «горбун» — давай скажем тебе «горбункул». Горбункулоид — слишком длинно, договоримся на горбункуле. А позу я подробно описал в главе «О толстосерах». Вы, все без исключения российские олигархи, — вы такая высшая каста: олигархня. Тебя одного не демонизирую, а просто беру как представителя.

Вы ходили по мирному полю брани среди полегшего в правовой немощи народа с молоточками, — ходили и, склонившись, выбивали золотые коронки. Год ходили, три года, пять лет в такой позе выбивали, вот ваша спина и зафиксировалась дугою в нравственном горбункулизме. А свисающая из угла рта колбаса по земле волочится.

Кормленное тобою окружение тебя убедило: раз много денег, значит, и ума палата. Оно тебя обмануло. Тебе бы сидеть да тихо похрумкивать миллиардами в свое удовольствие, как мыши в крупе. А ты взял да вылез. И с биатлоном, и с автомобилем, и с «Правее некуда»… И я тебя не заметить уже не мог.

Если обидел, то давай теперь развлеку. Сергей Довлатов, писатель такой, живший в Нью-Йорке и, между прочим, хорошо у нас читаемый, ростом был почти с тебя, и тоже брюнет. Живя в Ленинграде, «Аврору» он посещал на культурных основаниях, как горожанин, показывал ее наезжающим гостям. Коммуняк он тоже не любил, но демонстративно на них не какал. А на Дворцовой площади, не исключено, собирал дружеские полукружия.

Так вот, Довлатов издал в 1988-м фотоальбом с портретами творческих личностей «Не только Бродский», с кратким текстом для каждого. Вот один из них:

«Андрей Битов.

В молодости Битов держался агрессивно. Особенно в нетрезвом состоянии. И как-то раз он ударил поэта Вознесенского.

Это был уже не первый случай такого рода. И Битова привлекли к товарищескому суду. Плохи были его дела.

И тогда Битов произнес речь. Он сказал:

— Выслушайте меня и примите объективное решение. Только вначале выслушайте, как было дело. Я расскажу, как это случилось, и тогда вы поймете меня. А следовательно — простите. Ибо я не виноват. И сейчас это всем будет ясно. Главное, выслушайте, как было дело.

— Ну и как было дело? — поинтересовались судьи.

— Дело было так. Захожу я в «Континенталь». Стоит Андрей Вознесенский. А теперь ответьте, мог ли я не дать ему по физиономии?!..».

Мог ли я, Миша, тебя не заметить? Ведь вы, завладевшие «Континенталями» дефективные горбункулы, не можете руководить массами по определению. Вначале прожуйте свисающую колбасу, а потом уж выражайте претензии…

Хорошо сказал о твоих публичных дерганьях Николай Злобин. Специалист по крупным странам, с тобой он разобрался походя, определив твое явление политике как недоговорную имитацию. Да ты послушай его: умный, знающий человек, — это не вьющаяся вокруг тебя шавкотня. Тебя использовали, говорит он, как длинную мешалку, которой тандем (П.+М.) чуть-чуть подбаламутил застой политической жизни, когда все мнения о выборах 2011 и 2012 года были единообразны и пессимистичны как болото. А им-то за болото, как-никак, стыдно…

Тебя, не сговариваясь, вокруг носа обвели, а ты и не понял. А в целом ты, Миш, выглядел как поклеванный в кровь петух, на которого знающие люди намекнули игрокам не ставить…

Самая последняя от меня поганка. Через тебя, Мишань, хоть это и трудно, хочу сказать всем олигархам: имея на счету такие неприличные суммы, постарайтесь все же реже появляться в порядочном обществе.

Что за привычка размахивать деньгами! Мой приятель-студент, когда мы скидывались по 3 рубчика, а у него не было и полтинника, независимо и брезгливо замечал: «Не маши деньгой — микробы летят…».

Возвращаюсь к тебе, Путин, поистраченным. Расслабляемся. В конце программы — о спорте: «Ничего плохого не вижу и в привлечении в спорт иностранных специалистов». Ну вот, я как в пиво глядел: будешь и дальше созывать под триколор Бастурмайеров с Мастурбайерами.

Бендер: «Надо немедленно выяснить, в чем заключается смысл жизни. …Пойду к индусу, — решил он, — узнаю, наконец, в чем дело. Это, правда, пижонство, но другого выхода нет».

Путин: «Надо немедленно выяснить, в чем заключается смысл футбола. Вызовем Бастурмайера, — решил он, — узнаем, наконец, в чем дело. Это, правда, затратное пижонство, но другого выхода нет».

Никак, патриот записной, решил, что все можно купить? Посмотрел бы прежде, откуда были тренеры, когда СССР занимал приличные места в футболе. Опять действуешь понятиями продвинутой, даже так — выдающейся шпаны, ничуть не интересуясь мнением широких болельщицких масс. Меня, скажем, никто никогда не спрашивал: азарт наблюдателя, боление за своих Ивановых-Петровых-Седоевых от замены наших тренеров на Бастурмайера становится острее или тупее? Ты меня спрашивал? А зря. Я бы тебе сказал, как в данном случае выглядят в моем понимании тренеры. Наши — сплошь тупицы. Ихние — мощнейшие «натаскуны» (за чубы). А ты — ты, Путин (беру тебя на прицел стрелкового оружия левым, лучшим, глазом), ты превращаешь спорт в такую же отрасль своей пиар-индустрии, как и все другие. Тебе главное — подтянуть РФ по занимаемым местам кверху, добавив себе в копилку очков. А каким способом — начхать… на мнение болельщиков. А я удовлетворюсь тем местом, которое возьмут с тренерами Сидоровым-Поповым-Хуснулиным: это и будет наше настоящее, без всяких подтяжек место. Да ты хоть раз понастоящему интересовался, нравится ли болельщикам мельканье на отечественном поле не менее трети представителей южных полушарий мозга? Мастерство-то у них, может, и есть, но ума и артистизма, чтобы схватить летящий на них банан и тут же съесть его, не хватает…

Кстати, во времена СССР хотя бы про спорт говорили без бумажки. А ты опять внимательно хмурил бровь на заготовленные листки. Тут-то чего лишнего сболтнуть боишься? Сверь предъявленную выше фразу с архивом всего начитанного тобой — убедись, что бережно все храню на общественных началах.

После спорта — перекур. Ты заговорил о необходимости агрессивной противотабачной рекламы, упомянул рак легких, прочее и закончил своим обычным «надо!». И что — только сегодня это понял? А раньше не понимал? Кто мешал законодательно позаботиться о здоровье населения? Природные условия? Недофинансирование? Или ждал, когда табаководы доверху набьют себе карманы?

Опять политиканствуешь — размазываешь добрецо свое тонким слоем, чтобы на двумерном экране ширее и ширше было? Так, а против тридэ что придумаешь?..

Тут не могу пройти мимо твоего верного Эрнста, который на ТВ тебе служит. Я называю его коммерческим хмырем. Потом устыдился, было, — да. На «Эхе» в это время выступила гендиректор Московского фестиваля рекламы Елена Нарышкина: «Мы занимаем одно из последних мест в Европе по социально значимой рекламе. …Мы озабочены качеством социальной рекламы. … Первый канал никогда не берет на безвозмездной основе ролики». Именно Первый канал выделила, никакой другой. От кого зависит выделение копеек на это богоугодное дело из стабфонда, а, Путин?

Иногда ошибаюсь, чего не бывает, но с Эрнстом — нет. Не такой уж он сложный, чтобы в нем ошибаться. Если на его своеугодливой физиономии написано, что он — коммерческий хмырь, почему я должен лишать себя удовольствия произнести это? А, Путин?

Один из полутора его незамысловатых методов — дальнейший разбомбаж творческих авторитетов в сопредельных отраслях. Эксплуатирует простейшую категорию общественного поведения под названием «вздрюченная восторгом толпа мартышек-кумироманок». Ну, так в конце концов можно сам знаешь до чего дойти…

Подумай, Эрнстуля, стоящего тебе черта предлагаю в стуле. Или, наоборот, в Библию загляни, там, кажется, написано: «Не раздрачивай в себе кумира». И не фабрикуй слащавых, под собственную физиономию, вкусов, да еще под номерами.

Бесконтрольная оппозиция

Разберемся с отдельными фигурами. Вот, скажем, Немцов. То ли ты сам распорядился, то ли твои белодомовские чуреки решили тебе под елку подарок положить — неважно, но его как-то перед Новым годом посадили на 15 суток. Ничего умнее вы там не смогли придумать. Даже если Немцов действительно после митинга не туда, куда ему указывали, прорывался, даже и матюгнул власть, все равно тебе надо было вмешаться и предотвратить посадку. Тебе же выгодно иметь в оппозиции разгуливающего хулигана — не понимаешь? А ты, считай, окунул Немцова в отсидочную купель. Громко вякнув, он бодро побежал по партийной жизни. Эх ты, балда!

«…Великий комбинатор допустил неприличную суетливость, о чем всегда вспоминал впоследствии со стыдом. Он настаивал, сердился… и вообще, как говорят китайцы, потерял лицо.»

Поздно хлопать себя ушами по щекам: это не тебе подарили, а ты сам подарил оппозиции очки. И совсем отойди, у меня к Немцову вопросы…

То, что вы, Борис Ефимович, ходили у Ельцина в любимчиках, лично для меня минус. Ну, хорошо, прошло время; тут еще сказали, что вы тогда, на должности, были борец с коррупцией. Пусть, это в плюс. Но где ваше громкое заявление от 1999-го о том, что Ельцин выжил из ума, потому что назначает президентом темную кагэбистскую мышь? И что вообще — самовольно назначает и, не согласуясь с предварительным мнением народа (а начинал Путин с 3 — с трех! — процентов), собирается тащить его изо всех сил на свое место. Сейчас вы смелый, и, в принципе, вам в этом не откажешь; но почему тогда были робки?

И Кириенко, и Степашин (никого не забыл?) и то выглядели предпочтительнее Путина. А этот выскочил к изнывающему по законности и порядку народонаселению как крепкий многообещающий орешек. И оно сразу рукоплескнуло его «опрокидонту» терроризма.

Ты что, не видел, Борис, что это не естественнорожденный политик? Он вышел не собственной головой, его выдавливали ногами вперед из темного кагэбистского чрева адмресурсной доской, положив на нее мошны олигархов и навалившись всей кремлевской ватагой. …А вы там, в правительстве, зачумленно ушами хлопали, вместо того, чтобы сделать совместное заявление с выставлением оценки и с нострадамусовым прогнозом для просвещения народа-многострадамуса. Теперь «Итогами» размахиваете.

Интересно, что даже сам он в должной мере не оценивал своего потенциала. Вот уже сейчас, отвечая на вопросы верных своих ТВ-канальцев, сказал: в 1999-м, когда мне предложили, я, дескать, сомневался. То есть мутил его внутренний отказ. Вон как… А они, мол, практически силком втащили меня. А я, мол, ей-богу, сопротивлялся. Ах, вон оно что! Ты понял, Борис? Он сопротивлялся! А потом сказал: ну, раз втащили — теперь уж не обессудьте, теперь не стащите… Правда, одну смысловую буковку таки выронил: его не втаскивали, а вытаскивали. А втаскивали уже потом, когда вытащили.

…Так, ныряем в прошлое. Если бы у меня спросили в октябре 1993-го, годен ли Ельцин верховодить, решительно рубанул бы: нет! Я это и сказал в своей газетке «Кустарь» тогда же, в ноябре; а перепечатка статьи «Зачем мне такая власть?» в «Советской России» была в феврале 1994-го.

Редактор «Дружбы народов» Александр Эбаноидзе соврать не даст, — он говорил мне по телефону уже в 2009-м: «Серега, как ты Ельцина раскусил? Я тогда к твоим предупреждениям скептически отнесся. Мы-то все были за него!». Ну, во-первых, не все, а так называемые «демократы», из которых можно более или менее понять Окуджаву, непосредственно пострадавшего от сталинщины («отец народов» устроил ему безотцовщину) и готового, по поэтической наивности, рукоплескать всякому, кто «добьет гадину» КПСС. …Ну и что, и меня при коммуняках отвезли как миленького в политпсихушку, мозги вправляли 33 дня, и что теперь, кричать «уря!» всякому антикоммунисту, даже не взглянувши на него?

Да увидевши такого, как Путин, теперь я и Андропову, устроителю психушек, рукоплескну! Андропов все же интеллигентный человек, стихи скромно в стол пописывал, тут-то хоть не высовывался, как наш двоечник с песнями и с пумканьем по клавишам. Да лучше разок отсидеть 33 дня, чем столько лет наблюдать в ящике казенную физиономию политбюровского курсиста!

Вот тебе смешное, Боря, улыбнись. Узнав, что Евгений Евтушенко с гребня перестроечной волны крикнул, как некий антипопугай Высоцкого из ветвей, что он против колхозов (попугай Высоцкого крикнул бы: «Колхоз большой, и в нем сытней!»), Иосиф Бродский, лежавший в это время на лечении, по свидетельству Сергея Довлатова «бледный, чуть живой», еле слышно ответил: «Если он против, я — за».

Вот и я сказал бы в 1999-м: «Что — Путина? Вот этого? Нет уж, тогда Андропова!».

Но не будем слишком расслабляться; мы тебя, Борис Ефимович, всерьез разбираем. Так вот, Эбаноидзе — неплохой прозаик, писал на русском о грузинской жизни; в людях, надо полагать, разбирается. Что же сам не поставил диагноз Ельцину, чего там раскусывать? Смотри на его лицо, внемли составу речи, наблюдай телодвижения (если, конечно, голова твоя не по уши в корыте) — и читай.

Вспомни, как напыщенно и в то же время лукаво он провозглашал: «Первым заместителем Черномырдина будет… будет… Гайдар!!». И столько было самодовольства, сияния и гордости за свою исключительную прерогативу назначать, что так и хотелось сказать: «Ути, господи! Да тебе высшая власть слаще Наины».

А с какой жестью в голосе в октябре 93-го говорил о «заточенных штырях» Верховного Совета, с какой трагической, поистине театральной расстановкой произнес: «Сегодня. Нас. Стало. Меньше!» — исключительно об 11 убитых его сторонниках против 150 «вражеских», которых выжигал танковыми залпами, как ненавистных тараканов. При этом за две недели противостояния даже не попытался обратиться к народу, не организовал оперативных опросов. Вот тебе лидер! «Своих», защищаемых танками, жалеет поименно, «чужих», вооруженных заточенными штырями, давит полторы сотни.

А уже году в 98-м или в 99-м показали его вышедшим к кремлевской стене (место себе уже присматривал?), и в этот раз он жестко прошелся и по отставному американскому президенту (не помню, Картер, Форд, а может, и Буш), и по Зюганову, с которым этот президент, приехав в Москву, встретился. Это был выплеск злости — что не его вначале посетил президент, а оппозиционера: не лицо, а открытая книга души.

Вспомнил, Борис Ефимович? Даже непонятно было, может, в дело вмешался ишиас, который мучил его в то время? Это не было лицо государственного мужа, это не было лицо умудренного властью лидера, это не было лицо человека, который уважает выбор другого человека — в данном случае, американского президента. Это было лицо крупно ущемленного борьбуна, уже необратимо уверенного в непререкаемости своего политического веса. Выпади его время хотя бы лет на 15 ранее, из власти он добровольно не ушел бы…

Телевизор — штука беспощадная; иные политики коммуникационной эпохи этого почему-то не понимают. Рябой, сухорукий, с величественной трубкой сын сапожника мог втемную лепить в Кремле свой 30-летний мифологический образ. А сейчас не получится: зрячий да увидит. Нас, бескомромиссно разглядевших Ельцина, повторю, 59 %… Вот и не знаю, каким ты у него, Борис Ефимович, был любимчиком…

Экстраполяция — штука логическая, на хромой козе ее не объедешь: если Ельцин по слепоте своей или пренебрежению в 92-93-м годах сразу не сделал того малого (для людей, для общества, для порядка), что не требовало ни финансов, ни расположения светил, ни спокойствия исландского вулкана и лежало буквально под ногами — наклонись, бери и делай практическую каждодневную политику с прямым контактом в народ, коли уж ты танками утвердил свою власть. Так вот, если сразу не сделал малого, то нетрудно вычислить, что он не сделает среднего и большого и в ближайшем будущем, и в отдаленном. В процессе реконструкции он как строитель был силен лишь на первом этапе — сносе старого и расчистке площадки. Но позволять — не строить.

…Где зафиксирован список достижений вашей, бок о бок с Ельциным, работы, Борис Ефимович? Или я чего-то не знаю, недопонимаю? Может, ты у него в кабинете стукнул кулаком по столу так, что графины задребезжали? А где отражен твой предметный анализ? На его 80-летие благодушественного шума из приближенных голов изошло немало, иных я просто перестал уважать за их куцую память, а вот на то, что Номер Первого за его топорный материальный передел, результатом которого более сотни взмывших ввысь экономических и финансовых гениев, даже теперь ненавидит 59 % населения («АиФ») — на это никто из благородных и внимания не обратил…

Да, велика разоблачительная сила телевидения — если бы у меня спросили про Путина в тот момент, когда тот еще только 23 раза мелькнул на ТВ, годится ли сей товарищ в нацлидеры, я бы сказал: ни в коем разе! В тамбовские волки он годится. Способность к темной подлости и к самовластию профессионально пропечатаны на его лице, а серость и тихушничество уже в том, что публично не сел дебатировать с реальными соперниками в президенты. Не уверенный в своих силах, грубо говоря (и пока он нас не слышит), зассал. Да и население поначалу давало этому темному товарищу лишь 3 процента. А потом вся страна с изумлением наблюдала вылезание из грязей в адмресурсные князи — с помазаньем преемственными политическими грязями; потом — обучение азам президентского мастерства: протокольные выгулы под оркестр, ухаживание за шелковыми бантами на венках, окучивание политического Олимпа своими кадрами и пр. Так всех мало-мальски соображающих граждан хлестнули по физиономии свежей тюлькой из Питера. Сказали: «Так победим!» — и только так.

Ему, собственно, так ободряюще и шепнули: пока российский народ разберется, кто ты таков, способен ли вытянуть тяжело больное государство, мы поплотнее собственность запихнем в карманы.

А перманентное сохранение тотального рейдерского бардака — это ли не подлость во имя сохранения комфорта для действий своим дружкам? Ведь прими он адекватную законодательную кару, дружки, чего доброго, могли бы нечаянно и под жернова угодить.

Для гарантии сохранения себе насиженного места, при том соблюдая видимость неукоснительного уважения Конституции, через 8 лет усадил в кресло заведомого тюфяка, некреативного и нетщеславного — мелочное самолюбие не в счет. За 4 года страна еще более просела — законность, порядок, но наиболее гнусное — просел человеческий потенциал. Путинские массы уже сами собой расширяют свои ряды, как роботизированные системы в фильме «Матрица». Француз, считается, сделал женщину, вино и сыр. А Путин сотворил электорат, зомбоящик и пьедестал из преданных богачей. Так свершилась великая подлость во имя себя, единственного.

И если ты, Борис Ефимович, после Ельцина не раскусил вовремя и Путина… То, что подлости во имя себя, незаменимого, он непременно совершит — это впечатано в его глазах! …Если не раскусил, чтобы уже тогда ему оппонировать, чтобы, пока на равных были, всыпать ему полемически по полной… Если в тебе и сейчас зоркости не прибыло, то кого ты, став, допустим, президентом, в свою очередь, отберешь в свое окружение? Напиши, будь добр, объяснительную своему потенциальному электорату, и лучше, если она будет не поверхностной, а по-достоевски достоверной. Копни себя: надеялся ли стать у Путина таким же любимчиком, как у Ельцина? Ведь если один другого назначал, то мог тебя и порекомендовать. Откуда мне в низах

такие вещи знать? Готов условно принять, но все зависит от изложения тогдашних мотивировок и их дальнейшей трансформации без ущерба принципиальности и чести. Черпни, короче, черпни, все равно торопиться некуда.

А ситуация со стулом, который тебе не предоставили на суде? Ай-яй-яй… Живого творчества я лично не увидел. Если у тебя действительно устали ноги, и цель была не воинственное сутяжничество, то надо было просто сесть на пол. Ничего унизительного в том не вижу. Тогда стул принесли бы сами, без всяких ходатайств. Или, если бы ты заупрямился вставать без стула, позвали бы добрых молодцев поддерживать тебя под локти. И если бы при этом ты поджал ноги, и все заседание происходило бы в таком подвешенном виде, поверь, тем самым ты высмеял бы тупой путинско-лебедевский суд лучше всяких анекдотов. Забыл, что ли, русскую поговорку: «В ногах правды нет»? Пусть путиноидам будет стыдно, а зрителям смешно: «Инженер Брунс покраснел, схватил просителя под мышки и, натужась, поднял его, чтобы поставить на ноги, но отец Федор схитрил и поджал ноги». Вот и тебе надо было схитрить, тогда все сразу догадались бы, что это сучит ножками новорожденный оппозиционер. Эх, Боря, упустил спектакль! Да если бы еще эту народную мудрость после твоего выстраданного специального обращения в КС записали бы впредь скрижалью в процедуру всех судебных разбирательств и высекли бы на граните отечественной Фемиды — оо, это, скажу тебе, стало бы переворотом в судебной процедуристике. Так бы и записали: «Поправка Немцова: ввести словосочетание «Предсесть перед судом» вместо прежнего «Предстать…»». Эх, ты, Боря… Теперь поздно.

У Фазиля Искандера есть персонаж — энергичный колхозный деятель, коммунист. Вот он моется на веранде под умывальником, да так размашисто, что железная сосулька, когда он, уже заканчивая, последний раз подбросил ее ладонями, вдруг проскочила вверх и не вернулась, и вода стала выливаться… Так, ваши действия, Борис Ефимович? Ведь умывание лица, в принципе, завершено, можно уже обтираться, так? И вода в умывальнике могла бы остаться до следующего раза… Но она утекает… Вставлять сосульку обратно — потеря темпа… Ну, и? На размышление полсекунды. Даю подсказку: он хотел всего лишь умыть лицо. Ну? …Хорошо, еще раз, представь: наблюдавший за умыванием мальчик с полотенцем видит, что ситуация застигла коммуниста врасплох. Но ведь он — колхозный вожак, на него всякое может свалиться, а нужно принимать быстрое, единственно верное решение. И поскольку с лицом он уже покончил, а вода зря утекает, он, не долго думая, подставляет под струю… шею! и принимается энергично мыть и ее тоже. А для мытья шеи как раз и требуется непрерывная струя. Не растерялся мужик — согласимся? А ты растерялся, когда из-под тебя стул увели. Или, говоришь, не предоставили? Ты просто в другой раз пятую точку не забывай.

Я никогда не был в восторге от почившего Черномырдина. Краснодиректорские повадки, косноязычие, свидетельствующее о невысоком уровне интеллекта… В отличие от журналистской публики, я не умилялся его «афоризмам», достойным иной аудитории. В лучшее ли время достался стране этот грамотей от Бога? К деструктивным результатам 90-х, уверен, приложена и его незамысловатая «крепкая» рука, без содрогания рванувшая экономический рычаг от социалистической уравниловки к капиталистической пропасти. Но вот смотри: в ситуации с захваченным Буденновском он, не посчитавшись с тем, что выставится «несолидным», практически сел на пол, договорился об освобождении заложников, спас людей. А ты, Борис Ефимович, если бы в данной ситуации проявил «несгибаемую гордость», дело могло бы кончиться по-другому.

Я к тому, что эта нелепая история со стулом явилась для оценки тебя чем-то вроде лакмуса. Могла бы явиться. Но посмотрим, что будет дальше. Еще один такой случай сутяжнического «качания прав» в обход здравого смысла — и рискуешь растерять доверие. Да хотя бы таких, как я. А ты знаешь процент таких? Я, например, не знаю; денег заказывать опросы у меня нет.

А теперь у меня есть вопросики к Лимонову. И его рассмотрим, свой брат-писака — бывший, правда, ибо путинский режим свел его до площадного строя речи. В прозе он, на мой взгляд, слабоват: его «Эдичка» не пошел, хотя там о жизни в Нью-Йорке, в котором я и сам жил больше года. И, как обычно в таких случаях, остался в памяти лишь пустяк: как Эдичка, пописав в туалете, утирает кончик пениса салфеткой. Такое чистоплюйство даже мне, человеку с повышенной брезгливостью, показалось экзотичным. А вот то, что написано им как критиком и публицистом, читал с интересом. Ты, Путин, напомню, отдыхаешь.

Что касается его нынешней активности, то, с одной стороны, она похвальна — это он, кажется, инициировал митинги в конце каждого месяца; а с другой, Эдичка стал по-совковски визглив. Ну вот хотя бы его клинч в «Эхе…» с футбольным маэстро Уткиным относительно футбольного ЧМ-2018 в России. В своей оппозиционной истерии он не хочет считаться с объективным фактором: ЧМ в Восточной Европе еще не проводились, а другой реальный претендент — Англия — уже проводила; и даже есть болельщики, которым та давняя драматургия памятна. А в родных границах — не было. Поэтому и своей хочется — а, писатель? А то поневоле сравнишь твой крайне-плотский максимализм в гигиене с крайним неприятием всех подчистую действий Путина.

И не хочется язвить, и знаю, что шуточка легкомысленная, но все же подмывает сказать: да ты, Эдичка, уже маленько выжатый. Не уйти ли тебе на пару лет в родную почву, в чаянья народа — там бы узнал, что желание поболеть за своих, прямо у себя на стадионах, с долгим предвкушением этого боления есть нормальная патриотическая страсть. Тем более, что в Отечестве хронический дефицит ее достойного приложения. У итальянцев, скажем, болельщики тиффози, но ведь и у нас — чумные. С этим надо считаться. Не дай им теперь чемпионата, вообще станут припадочными, дойдут до кощунства: «Долой Лимонова!». Не подумал?

Ну, а то, что, дескать, будут разворовывать средства… А то они без олимпиад и чэемов не разворовывают! А то у них «кризис жанра» случится! О собственном бы лучше подумал, Эдичка. И лучше был бы не истеричен и визглив, а… пьян, как Веничка Ерофеев. Тогда, глядишь, высказал бы что-нибудь пооригинальнее.

Но вот Путина не могу понять. …Тебя то есть — ты здесь? Нашел себе соперника, понимаешь. Оказал честь — посадил. Разве что решил воздать трудяге оппозиционному выстраданный им рейтинг? С одной стороны, справедливо. Но с другой…

Нервишки, Путин, нервиишки…

Впрочем, и тебе полагается справедливость. Ты сказал про оппозицию (про некую): «Если я вижу, что люди пришли не просто базарить, а по делу, то спасибо надо сказать». Так, а кому и за что уже сказал? Озвучь, а то я ничего такого не слыхал. Заодно огласи комиссию экспертов, определяющих, где базар, где дело. Или сам, на свой острый глазок? «Глазок» употребляю неспроста, у Василия Розанова есть известная запись:

«Посмотришь на русского человека острым глазком… Посмотрит он на тебя острым глазком… И все понятно. И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем».

Но в публичной политике такой метод мыслепередачи не годится, поскольку воспринимающие глазки не всегда русские, им для ушей слова нужны, и с этим даже Розанов согласен. Но если все же согласиться с теорией интимного русского общения по Розанову, то Немцов, Милов, Рыжков, Лимонов, пусть и Касьянов…чем они тебе не русские? Садись против них в прямом эфире, молча смотри глазком, пусть и они на тебя посмотрят. А Каспаров сбоку, на приставном стульчике, пусть себе непонимаемо ухмыляется. Вот тогда не надо будет никаких слов, весь базар на их лице и прочтешь, а телезрители — на твоем. Видел же, как боксеры перед поединком по-самцовски топчутся и дышат друг на друга? А Каспаров, крикун горячий, в осадок выпадет: «Что? Что они сказали друг другу?! Переведите!».

Лимонов, как считается, — герой от народа, а Немцов — герой буржуазии. Мне бы Лимонова поддержать, как-никак, я уже 32 года работяга, но на полноздри предпочту Немцова. Немцов сам, без подталкиваний признал одну вещь, которая не может не убедить в его искренности: когда он был на должности губернатора, мозги его постепенно притуплялись, теряли аналитическую жилку и восприимчивость к критике.

Хотя лучше бы им, всем крикунам, объединиться для начала, чтобы сообща путинской кодле противостоять. А Лимонов, чудак (едва ли не на другую букву), не желает этого понимать: нападая на одного лишь Путина, готов заодно обидеть и десятки миллионов искренних болельщиков, которым Путин по фигу, и правозащитную патриархиню Людмилу Алексееву. Ретиво отгоняет от своих сборищ чужаков: «Идите, говорит, у каждого свой фронт».

Тебе бы, Путин, боготворить такого оппозиционера, а ты его сажаешь. А «внесхваточники» вроде меня, скрестив руки, думают: кто из вас глупее? Или, пожалуйста, — хитроумнее.

Все же еще раз через твою голову крикну: «Лимонов! Надо наступать сообща, наступательно, всеми средствами! Неутомимо называйте все Путиным наломанное натуральными именами. А отдельные твои фронтики обречены на неудачу. Путинская машина сомнет вас, каждого по отдельности, самым иезуитским административным образом!».

Надо же, Эдичка, ты и меня сподобил на крик. И не только меня.

«Помиритесь! Прошу вас от имени широких васюкинских масс! Помиритесь!»

Вот видишь, Эдичка, одноглазый председатель «Клуба четырех коней» — и тот мудрее тебя. А ведь он замирял самых что ни на есть непримиримых соперников — второго чемпиона мира, философа-шахматиста Эммануила Ласкера и третьего чемпиона Хозе-Рауля Капабланку.

Вот и ты пожми патриархине руку и скажи… Ну, не мне тебя учить.

…Увидел опубликованное в «Новой» мнение почившей Елены Боннэр. Суди сам, Эдичка, насколько я наивен в своем вышеприведенном предостережении.

«…Никакие партийные разногласия, программы сегодня не имеют значения. Потом придет время разбираться по частностям. Сегодня должно быть полное объединение. Даже с Лимоновым. Даже с Зюгановым. Я в этом глубоко уверена.».

А против кого она призывает объединяться? Угадай, Путин, с одного раза. Членов твоей кодлы она всех без разбору, знаешь, как называет? Я сам вздрогнул от восхищения. Против нее я с тобой еще, оказывается, ласков… Урками, вот как! Это не от урчанья в желудке, уверяю тебя (кровушку-то, урки-упырьки, пьете трудовую, чистую), это — оснащенная серыми схемами шпана.

А ты, Эдичка, обращаю внимание, на 20 лет младше Боннэр, вон тебе еще сколько надо прожить, чтобы придти к той же несложной мысли.

Больше всего вопросов к Касьянову, с него не меньше трех томов исповедальной достоевщины. Почему годами невозмутимо уживался с Путиным, стянувшим одеяло со всей страны на своих дружков, на олигархию, на 75-сильный «Кировец» из Петербурга? Если Касьянов проницателен, как нынче, он обязан был тогда еще поставить диагноз: «Не лучшее приобретение для страны и экономики», — и положить все силы на то, чтобы вначале скинуть его, а потом уже что-то толковое строить. Видно, был занят собственным благополучием.

Во всяком случае, не встречал никаких опровержений истории его приобретения благодаря высокой должности лакомого куска недвижимости в Москве. Значит, хотел-таки за бесценок оттяпать казенную дачу Косыгина, полагая себя наследником по должности. Я ведь обыватель, у О'Генри 100 лет назад мой статус отображен так (герой пришел с работы, поужинал, отвалился в кресле и взял газету): «С угрюмой жадностью запойного потребителя новостей он глотал жирные строки заголовков,

предвкушая, как будет запивать их текстом помельче». Хотя и без угрюмой жадности, но я «выпил» текст о касьяновской прихватизации; а тут, гляжу, он уже оп! оп! — оппозиционер! Попользовался возле власти — нежирно получилось; и перепрыгнул в иную ипостась. Несолидно, Мищ, несолиидно…

Но, может, беря его в компанию, оппозиция чего-то недоговаривает? Мало ли, может, он ей из старых ресурсов деньжат подкидывает? А в дураках угрюмец с газетой. Так что, Миша, прошу обелиться — прежде, чем вновь, не дай Бог, обделаться…

Некоторое резюме

Ну ты, Путин, и государство соорудил: в любом месте может полыхнуть и замерзнуть. А любой хам, включая и тебя, может беззастенчиво нафунять и бунькнуть. Я думал, что один такой мню в тряпочку, а заглянул в независимые СМИ — там хомо аналитикусы уже освистывают тебя, называя нулевые «путинским провалом». Но аудитория ТВ, в котором такое не говорится, в 50 раз больше, и в этом одни лишь твои помощь и отрада, как для Есенина — его мать-старушка в старомодном ветхом шушуне.

Как результат — катастрофическое перепроизводство невостребованной праведности. Ибо Путин говорит: «В государстве стабильность», — вместо того, чтобы идти разнимальщиком в передачу «Поединок», в малаховские разборки, в «Честный понедельник», в «Справедливость» (ей уже, кажется, на выход указали), в «Суть событий», в «Голоса без фанеры», в «Живое пиво», где одни группы мнений вопят на другие группы мнений преимущественно по горизонтали, перепихиваясь между собой, как тараканы в банке.

«Фронт спора был очень широк. …По всем пунктам, каковы бы они ни были, возникали разногласия. … В общем шуме можно было различить только отдельные выкрики.

Раз так, — говорил господин Гейнрих, — то почему вы тринадцать лет только болтаете?»

Можно сказать, что это все — регулярные осмотры консилиумом собравшихся воспаленной действительности. Но выписываемый рецепт всякий раз недостаточно силен. Новые и новые консилиумы превращаются в национальную забаву. Симптом их беспролазности — это то, что все до единого участники внутренне покорны: новым владыкой в государстве будет кто-то из тандема (или третий, но из-под тандема), значит, забава не иссякнет.

Многовекторные правды без предварительного установления единых ценностей и критериев, иногда и терминов. В «Судите сами», положим, решения суда телезрителей ничтожны до непосещаемости заседаний. Меня, к примеру, ни одно решение их суда не коснулось. Поэтому вовсе эту передачу не смотрю — сужу сам. А твои теневые идеологи, небось, ухмыляются, держа пари на завтрашнюю тему, незаметно подбрасывая ее публике и дергая за ниточку, дабы пуще разъярить.

Зато отмечаю новые понятия качества на этикетках: пиво — «живое», пельмени — «домашние», масло — «коровье»… Цивилизация по-путински, стало быть, тотально ворует и врет («однажды вечером унесли даже закипающий во дворе самовар»), перерождаясь в тотальную девальвацию. Врет в политике, врет в пельменях, и чтобы убедить потребителя, надо теперь делать хитрое до неслыханной простоты усилие — обратно назвать масло коровьим, ибо пельменная промышленность так и не доросла до домашней. Ее командиры бьют себя в грудь: да поймите вы! Это сильнее нас! Когда для чужих, мы не можем не воровать. Внуки войны, мы не можем класть много мяса в тесто, оно у нас туда не укладывается. Никогда! Вы слышите — никогда пельмени где-то там вне дома не научатся делать вкуснее, чем пельмени своими пальчиками и под контролем своих глаз. И хитро подмигивают: секрет велиииикий…

Поэтому «Пельмени домашние» — это крутой бренд, и все вы, господа гурманы, равно как и товарищи фастфудники, должны понимать, что, невзирая на элементарность продукта, российским пельменям прорыв на технологические просторы в воровскую эпоху Путина заказан, аминь.

Путинская цивилизация питания — высшая ступень советской. Ряды производителей сбились с рядами разоблачителей. Позволено — все: и фальшивить, и разоблачать! Производители говорят: а все равно обманем — запихнем свое (Лиза Калачова, 1927 год: «Я очень люблю мясо. А там котлеты из лапши».) Разоблачители в СМИ говорят: а мы возьмем, да не возьмем; вот так — не купим! А глава государства равнодушно взирает на свою цивилизацию.

Ты хоть иногда удели 10 минут «Радио России», и тогда вопросы ко мне отпадут. Надо же хоть изредка узнавать, что делается в стране помимо газопроводов. Все до коликов знакомое: «…Это даже не штрафы — это издевательство над здравым смыслом». Понимаешь, конечно, что это штрафы не с едоков, а наоборот, с едоробов — с тех, кто «робит» еду. Выстраданное резюме всей передачи: «Ешьте больше простых продуктов и будьте здоровы!». Итак, в условиях путинской нефтегазовой действительности, при отсутствии эффективного контроля за качеством переработанного в фабричный продукт пищевого сырья его переработка здоровью противопоказана. Всякий контроль скупается вскладчину, критерии питания твоими диетологами распроданы, легко и вольно зарабатывают на постановке подписей от сангигнатуркаптерторгинспекций, поскольку желудок — понятие растяжимое. Иногда говорю своему: «Ну, ты, жевалок — а ну, дожевывай!».

«…Продукция церковных лавок обычно очень качественная, ведь ее изготавливали верующие, а значит, не желающие участвовать в обмане люди», — говорит протоиерей Иоанн Петров. Вот и клирик потянул на себя одеяло качества. Есть примеры и из прошлого: «Отец Федор весь вечер писал объявления о даче вкусных домашних обедов, приготовляемых исключительно на свежем коровьем масле».

А путинскую деятельность можно назвать тефтельной и в съемочной студии повесить новомодную этикетку: «Политика для людей». Но при этом ради остужения языков в первое время ничего не произносить.

«В большом бельевом котле варилась каша… Остап покрутил носом и сказал:

— Это что, на машинном масле?

— Ей-богу, на чистом сливочном! — сказал Альхен, краснея до слез.»

В «АиФ» статья «Оливы на дрожжах» с подзаголовком: «После покупного салата праздник продолжится… в туалете». Я бы лично, Владимир Владимирович, усилил: «По завершении путинского режима, когда выяснится, что все политхавало готовилось на машинном масле, страну крупно пронесет…».

В «Справедливости», разок заглянувши, услышал рассказы о бардаке твоего времени, при особо узнаваемых деталях прерываемые аплодисментами. Люди чутко разбираются в окружающей их поганке. В отсутствие хорошего аплодируют плохому. Вот у твоих блюстителей нервишки и не выдержали, — закончилась «Справедливость».

Или, скажем, «Честный понедельник» в разбомбленном тобою НТВ. Видишь, чего достиг градус недоверия, — иные хотят неимоверным лексическим усилием рвануть вперед: я, мол, писатель такой-то, и есть прибежище истины в ее последней инстанции. Но и честнягу ты уберешь с эфира, как только станет зарываться в твою жизнь или возле; а то и сам выдохнется, выйдет из моды, потом снова вынырнет, посмелее переименовавшись пусть даже и в «Эй, вы, там, наверху!», но пока ты не уберешься, ничего по существу не изменится; в твоей беспролазной буче все думающие больны хроническим публициститом, а обыватель непричастно плечами пожимает: все цистят, цистят, а чего цистят, а толку, что цистят? — и переключается на рекламу средств от цистита. А кто с вострым ухом — тот в Мацесту рванет, подальше от цистящих с бодуна понедельников.

Твоя авторитарная власть свела на нет всю прямо обращенную к Кремлю проблемную аналитику на ТВ. От официозной политологии осталось лишь позволительное ремесло вождения указкой по задней панели приемника с объяснением того, почему заказанная народом музыка не играет: знайте, мол, откуда что берется: транзисторы тут, дескать, всякие, конденсаторы, диоды барахлят — потому и на фасадной панели вместо гармоничной музыки квартет имени дедушки Крылова наяривает.

Как и в советские времена, рядовой мирянин надежно оттерт от политики. Полистай газеты, послушай, как на ТВ собачатся до хрипоты. Медиазаправилы порядка не устанавливают, шахматных часов в споры не культивируют — не будет шоу, то есть той же собачьей хрипоты. Но ведь это все вопли по горизонтали, а вертикаль твоя непоколебима и мертва.

Помню, в СССР приезжал китайский деятель с незабываемым именем Го Мо Жо, и мы, пацаны, носились, изображая газетных разносчиков и вопя: «К нам приехал Гоможо! К нам приехал Гоможо! И гоможопина тетя!». А уже в ельцинские годы приезжал председатель МВФ Кондессю, а я жалел, что давно не пацан, а то мог бы тоже носиться и, махая руками, радостно провозглашать: «К нам приехал Кондессю! К нам приехал Кондессю! И кондессючии деньги!». Так вот, подобные вопли и нынче — единственное участие гражданина в политике.

Закручиваешь гайки, притесняешь независимые СМИ, но не там ты блох ищешь: лови сразу тараканов в авторитарной голове и пауков в своей кадровой банке. И пугайся не объективных перьев, а скелета предшественника в своем шкафу. И отвисшей челюсти Брежнева в его последний год жизни. А к ботинкам мумии в Мавзолее и близко не подходи — пинка получишь.

Но давай все же подытожим тему подмены в публицистике, а особенно в кулинарии. Я чего, собственно, о пельменях и колбасах ерничал? А просто не понимаю, почему нельзя делать фабричный массовый продукт таким же приличным, как дома. Нет причин не вводить в обиход населения настоящую, а не тефтельную, кулинарную культуру. Кроме одной: имя ей — нулевая путинская эпоха.

Годы во всех смыслах нулевыми оказались. Но если бы еще так, а то — минусовые. Всю страну ты, Путин, откатил тотальным попустительством откатов на холеных яйцах чиновников. Планами выстрелил аж до 2030-го, но государственный механизм при этом взад за нулевые откатился — в ублюдочный капитализм, где интересы страны зиждутся на мошне с мошонкой со множеством нулей.

Лет пять только расчухивался, укрепляя личную власть, а не экономику, не решая проблемы моногородов и пр., наложив на решение животрепещущих проблем толстый мораторий с прибором. Потому что других на дух не переносил, руководствуясь лишь принципом «свой-чужой».

Блестящие самовары твоих международных достижений: Сочи-2014…

«— Французский язык знаете, надеюсь?

— Очень плохо. В пределах гимназического курса.

— Придется орудовать в этих пределах…

— Мосье, — начал Ипполит Матвеевич, запинаясь, — мосье, гм, гм… же не, что ли, же не манж па…

— Ну и произношение у вас, Киса!»

…Так вот, Сочи-2014, еще какие-то блестящие самовары уже выскользнули у тебя из рук, ухнули в омут недостатков. Будут и другие упавшие самовары…

На канале «Вести-24» корреспондент, молодая дама, рассказывая из Петербурга о наноматериалах, продляющих жизнь промышленному оборудованию, говорит: «Мы покажем, как это работает, а главное, как на этом можно заработать». И это — телезрителям, которым, за редким исключением, может быть интересно разве что первое, но никак не второе. Не исключено, что

такое бойкое задание ей дал сам Чубайс. Ему-то, конечно, второе подавай. Так вот, приведенная цитата — это, Путин, стилистический памятник твоему времени.

А если случается беда, то вот каковы итоги. Соотношение жертв в затонувшем на Волге судне «Булгария» было таким: из персонала погибло в 4 раза меньше, чем из пассажиров. Свои шкуры спасали, забыв долг. Мать утонувшего ребенка свидетельствует: «Знаете, почему среди погибших в основном женщины и дети? Потому что мужики-амбалы отпихивали от спасательных плотов женщин» («Новая газета»). И пусть это всего лишь частное наблюдение, быть может, единичного эпизода — а все равно мало не кажется…

В 4 раза — от этого никуда не деться, это коэффициент одичания душ в твою эпоху. Возьми да востребуй эти данные — да посчитай сам, да хоть раз шлепни себя ладонью по черепу. Причинно-следственные корешки растут оттуда.

Человековедческий анализ

Итак, дальнозорок, силен в подавлении, неутомим в закручивании, но дистрофичен в созидании. Размашистости у тебя учусь: уж если ты Владимиру Рыжкову, невинность которого написана на его лице, приписываешь «миллиардные ураганы», то чего сам хочешь — интеллигентские пинцетики? Ну уж: с каждым я разговариваю адекватно.

Со всей инфраструктурой человеческих страстей влез в высшую власть — с мордобоем, с оболганием оппозиции, с внебрачным шлынданьем при бездарном исполнении (должности)… С мощной личной силой то есть — но не в силах скромно осведомить свой народ. Какой незамысловатый! Увидел — и пригреб…на галере… И расковался. А обратно не приковался. И это в роли смотрящего на одре тяжело больной страны… Нашел время… Занял должность… Долгов не вернул… Явил миру большого восточнославянского держиморду, равно безответственного в государственной и личной жизни.

«Голубушка моя… Весьма перед тобою виноват. Бросил тебя, бедную, одну в такое время. Должен тебе все рассказать. Ты меня поймешь и, можно сказать, согласишься.»

Но такие рассказы, известно, чем кончаются: «Графиня изменившимся лицом бежит пруду».

На должности директора ФСБ о твоих подвигах было бы известно в тыщу раз меньше. Чего тебе там не сиделось? Наиболее вкусненького захотел? Чтобы чавканье на всю страну негласно разносилось? Видно, это и есть заветная струна твоего тщеславия. Дзэнь?!

Любишь, когда все догадываются, но никто не докажет. Когда «он сказал, а я подумал». Это твоя сущность, она помогает тебе держать в секрете свою беспробудную посредственность.

И кто это мифы подпускает, что ты незаменим, что ты крепкий президент филигранной ручной лепки, что альтернативы тебе нет, поскольку Медведев оказался слабаком? Кто там по твоему неозвученному заданию пофунивает и побунькивает благоуханием в твой адрес? Вот, к примеру, котенок — он мифотворец: тронет лапкой неподвижный предмет, тот выкажет движение, он — за ним, и пошла, поехала игра. А тебя политологи как изначально в полный серьез тронули перьями (а куда деваться, семьи-то кормить надо), так до сих пор вживую и гоняются, забыв, что когда-то ты был того, всего лишь трехпроцентным администратором. Теперь-то им, ясное дело, обидно отступаться от своих анализов.

«Газеты поползли и свалились на пол. Из-под них вышел спокойный котик.» Увы, СМИ со своей куцей стыдливостью сквозь землю не проваливаются, а ученые котики так и продолжают беспокойно гоняться за тенью Путина.

По мне, согласившись на президента, ты расконспирировал свои ординарные качества самым ярким образом. Выявил шпаноголовую сущность, безответственную и импульсивно двуличную. Неприемлемые для тебя черты — наивность и прямота. Шпана (или ее высшая ипостась — шпион, человек скрытого поприща) известно, чем характерна: стремительностью действия, заметанием следов и при этом благочестивым выражением лица на публике. Взорвалась, скажем, подлодка — всплывает твой первейший инстинкт: врать — «Она утонула». Потом только начинаешь думать: может, не стоило? Но, случись что-то другое, опять первым делом — врать или скрывать до последнего. Тебе это доставляет, наверное, физиологическое удовлетворение. Вошел, скажем, в мутный общественный водоем пописать, — но лицо над водой при этом невинное. Такие способности у тебя в цене. Почему и нравится этот анекдот, рассказывал ты его с видимым удовольствием, достойным лучшего испытания.

Для твоей сущности подходит слово, которое придумал Андрей Вознесенский; у него стихотворение так называется «Скрымтымным».

«От мысли своей сделаться богачом он не отказался, но понял, что дело это требует скрытности, темноты и постепенности.» Узнаешь миллионера Корейко?

И вот ты, такой мастерски скрытничающий, говорил, к примеру, что разрушенная в Японии АЭС нам не угрожает. И хоть понимал, что не угрожает, но если это сказал ты, чешу затылок: верить или нет? И виноват в этом не я, а… угадай, кто? «Скрымтымный» — это печать твоя на лбу, отбеливатель на нее еще не изобретен.

Теперь все чаще пишут о твоих не афишируемых делах на материальном фронте. Пока не опровергаешь, остаешься в глазах миллионов нечто такое прослышавших про тебя граждан неловленным разработчиком безукоризненных схем, против которого подпольный миллионер Корейко — вахлак, залапавший пальцами место преступления. Но поскольку приклеивают к твоему имени конкретные имущественные объекты, тебе следовало бы каждый раз объясняться и отводить подозрения. Но ты отмалчиваешься. Тебе понравилось не реагировать.

Ты по разным поводам так долго отмалчиваешься — про делишки в Питере, дворец на Черном море, какой-то кооператив «Возле озера» на Алтае (намеренно спрямляю список), а также множественные экономические и правовые… как их… преференции друзьям и пр., — что на лбу у тебя уже проступила самая бронебойная поговорка твоего времени: «Не пойман — не вор».

Однако она отражает лишь юридическую суть предмета, не моральную. Чтобы отмыться, надо же стереть со лба эту печать — самому, публично, под аплодисменты ДДД имени ДД и под звон бубенчиков на колпаках шутов.

Едва футбольный истэблишмент начал подозревать Блаттера во взятках, ты со всех ног бросился разуверять: не виноватт! Быть

такого не может! И это было задолго до окончания следственного разбирательства. Опрометчиво забыв поговорку: на воре шапка горит.

…Вообще-то, плохо ищет тот, кто своровал исчезнувшую вещь. Хорошо выгораживает тот, у кого набиты карманы. Плохо спасает тот, кто сказал: «Она утонула».

Вот на поприще особиста бледность твоей интеллектуальной пигментации была в масть. Где-нибудь в отлаженной как часики Швейцарии ты бы мог быть царьком в ливрее. Если у нее государственность на 95 % уже построена, а на оставшиеся 5 неутомимо референдумы собирает, то многого ты там испортить не смог бы.

Обычная средняя личность с призванием аккуратиста-заместителя, ты начальником миллионов думающих людей себя возомнил. Но для большинства из них твое присутствие наверху — оскорбление, а для страны в целом — разорение.

По жизни ты такой же оборотень, как твой крестный. Тот — внук зажиточного деда, сын репрессированного. «Удивительно, как Ельцину с его кулацким менталитетом и обидой за предков удалось сделать карьеру в компартии», — говорил в «АиФ» В. Анпилов.

«У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу… С меня хватит. Подожду капитализма. Тогда и повеселюсь».

Так говорил не Заратустра, так сказал 28-летний Остап Бендер в 1930 году. И то же самое сказал 60-летний Борис Ельцин через 60 лет, отдав почти 40 из них верному служению именно советской власти, именно социалистической экономике, да к тому же, без видимого стона, — КПСС, протерев на ее собраниях не один десяток штанов. На 61-м году жизни, до гнева сердечного устав от КПСС, устав от социализма, Борис Ельцин взял за основу построения блага для людей совсем иную формацию, полагая, что именно к ней у него всю жизнь лежала душа, и именно к ней тянулись знания и опыт. «Начался обряд перекраски»; только, в отличие от воробьяниновских усов и головы, Ельцин отдал на перекраску черту свою трепещущую душу.

У тебя, как и у него, желание во что бы то ни стало властвовать над людьми оказалось выше чести и принципов…

Давеча я обнародовал свой стишок: «Презревшему любой закон На зависть быдлу — пантеон». Это и к тебе относится. Перечислять твои нарушения писаного и неписаного — значит, заново побежать по тексту, многажды тыча пальцем: вот, а вот, ну вот… Ты нарушил самый главный закон: будучи главой государства, много раз обманул свой народ. Ты начал с обмана, нарушив закон, столь очевидный, что он и не прописан нигде — закон очной, глаза в глаза, политической состязательности. Махал некими пунктами программы в стороне от драки, тем самым лишив своих соперников возможности задать тебе недетские вопросы, а народ — увидеть твою способность без подсказок ответить на них, чтобы оценить твой потенциал. Тем самым ты сокрыл масштаб своей личности, а это и есть обман. Влез во власть втихаря. Кто помнит, каким образом ты собирался окорачивать коррупцию, восстанавливать социальную справедливость, улучшать работу милиции и прочее? Эти висящие проблемы были столь очевидны, что в программе своих предстоящих действий каждый кандидат обязан был говорить не о том, что требует реформирования, а сразу — как, какими стимулами и средствами. Теперь кто-нибудь помнит, что ты тогда обещал по очевидному, — по тому, что буквально вопило из независимых опросов населения?

Если бы ты предупредил народ, что коррупция может набрать небывалые обороты, а борьба с нею, наоборот, может выродиться до замены отсидки денежным взысканием… Если бы предупредил, что, кроме налогов, придется отдельно каждому прикупать себе еще и различных услуг власти, чтобы не остаться на житейской обочине… Если бы предупредил, что уровень жизни неизбежно понизится со снижением цен на нефть… Что мошны богачей развратно треснут на всеобщий обзор… В этом случае охотников выбирать тебя — и к гадалке не ходи — поубавилось бы. Заверив, что после лихого 10-летия наведешь порядок, ты обманул страну. Не справившись, а, наоборот, масштабно попустив, и не подумал провалиться со стыда под землю. Что тут еще скажешь? …Что навел порядок в Чечне, заткнув проблему немеренным количеством нефтедолларов? Что ее командир любит тебя горяче-спортивной мужской любовью? Что в Грозном твоему имени отдали целую улицу? Хи. Хи. Хи.

Из твоих масштабных подлостей вот хотя бы одна. Во все времена существовала иерархия идеологических и культурных ценностей. Их доносили до масс те, кому дано видеть дальше и глубже — признанные авторитеты. Недопущение на твое ТВ цвета нации оборачивается неспособностью к продвинутому просвещению. Нет ориентирования в достойных ценностях. Из меню для масс они вычеркнуты. Тем самым ты достиг того, что правдивое освещение действительности и присвоение ей массами настоящего рейтинга невозможно. А попущено ради того только, чтобы не столь явно принизить твой собственный ранжир. Это и есть подлость государственного масштаба.

На то есть, говоришь, канал «Культура»? Однако умелыми действиями твоих технологов он превращен в резервацию. Ведь обывателя уже приучили: все ценности должны быть прежде прорекламированы. И это надо, пусть и увы, необсуждаемо учитывать! А кто должен позаботиться о провозглашении ценностных адресов? Твоя идеологическая служба (если она не подлая), твои министры культуры и просвещения (если они достойные из достойных). Но кто должен дать им регулярный прямой эфир с обратной связью? Все опять на тебе сходится. А если ваша задача как раз противоположна, это как раз и есть подлая задача. Ваша коллективная подлость в том, чтобы человеку с его изначально великим потенциалом умственного, культурного развития, пусть у каждого и свой потолок, предложить уровень чуть выше плинтуса. Чтобы вы сами ощущали себя повыше.

У тебя пока еще есть электорат, но лично у меня — человековедческий диагноз: политиканское усугубление в тяжелой форме,

берлусконизм 4-й стадии. А это хуже гражданских статей и некоторых уголовных. Не удивлюсь, если и кое-что серьезное за тобою водится, но по мне и этой разборки достаточно. Вот если бы ты оставался директором ФСБ или замом президента по изготовлению документов, у меня не было бы ни охоты, ни материала выносить тебе столь очевидный вердикт. Тяжело виновен. Лечению не поддается. Только удаление из власти.

Но ты все же погоди, Путин, — пока больной теплый, с ним еще можно работать.

У питерского юмориста Кости Мелихана есть монолог, который он читает казенным голосом фармацевта. «Если у вас заболела голова, возьмите полтаблетки анальгина… …Правда, могут возникнуть небольшие осложнения. Тогда возьмите… Но и тут… Тогда попробуйте…» — в общем, весь монолог на этом и построен. Проблемы от применения лекарств и способы избавления от их побочных действий идут по нарастающей. Это как бы ведомственный монолог для медиков. С беспробудным унынием перечисляются последствия «корректировок»: озноб, аллергия, абдомиальные боли, волчанка, рожа и пр. Публика начинает хохотать. А когда в конце звучит слово «смерть» («надо немедленно применить…» — и озвучиваются самые мощные средства скорой помощи, но в качестве предостережения звучит фраза: «…Правда, в большинстве случаев может наступить смерть…»), следует самый мощный взрыв хохота. Публика в ауте. И вроде бы все. Но эстрадник продолжает свой неумолимый монолог, и вот тут как раз звучит фраза: «Но пока больной теплый…».

Головная боль народа, Путин, по случаю твоего присутствия в президентах, началась с полтаблетки анальгина. Правда, даты наступления у всех разнятся, некоторые и посейчас уверены, что у них еще не наступала. У меня началась, и я уже говорил, сразу, как только тебя показали в качестве будущего кормчего. Причем я еще не знал, что ты понагонишь во власть когорту своих друзей и напоганишь коррупцией в своей управленческой вертикали. Я лишь надеялся, что успею тихонько дожить свою жизнь, никак с тобою не соприкасаясь. Не получилось — ты достал. И потом, два года уже как у меня восстановилось потерянное на 10 лет литературное здоровье. И даже, вообрази, в кончиках пальцев память восстановилась, чтобы сцеплять на клавиатуре слова…

В начале разборки я назвал тебя смердом. И пусть все мы смерды, но иным приходится напоминать. Сейчас не о плоти, а о смердении мыслей. У большинства пересидевших, тем более, ограниченных и недалеких властителей в мозгах заводится паранойя непогрешимости. Настоящий политик, с натуральным значением этого слова, не вульгарным («Раз борется за власть — ага, политик!», «Раз не хочет выпускать ее из зубов — ага, сильный политик!»), настоящий, живой политик с широкоугольным видением мира, пришедший во власть в результате честного соперничества победителем, а не вытащенным за воротник 3-процентным цуциком, — он помнит об этой опасности, узнает мнения о себе анонимно, набирается мужества уйти с высшей политической арены вовремя и помогать Отечеству знаниями, советами (вот тут и будет проверка на вшивость) и, если угодно, показаниями, уже не имея регалий.

Горбачев с Ельциным, к примеру, в этом смысле антиподами оказались. Первый остался преданным поприщу, поумнел — ах, как он круто поумнел, потеряв власть! Уже через пару лет с приятным изумлением я слушал его в Доме литераторов. А вот второй заделался вип-зрителем теннисных междоусобиц; как ответственный за тебя, ни разу тебя публично не одернул (приватное бунькание себе под нос не в счет), не решился высказаться в прямом эфире; хотя, кажется, и сам был не рад, увидев, какого волчару втащил во власть, и поняв, что уже не оттащить.

Такая же пенсионерская мертвечина и от тебя изойдет, как только тебя «уйдут», если не уйдешь сам. Тебе и сейчас сказать нечего, ты уже смердишь уверенностью, что не совершал ошибок. Не родив новой демократии, ходишь на дни рождения преданных тебе и тобою же порожденных коммерческих хмырей вроде Эрнста. Но интеллектуальный эпилог тебе патологоанатомы задолго до физической смерти напишут.

…А объективную оценку тебе (и Ельцину) уже сейчас хочешь? Запросто. Методик много, но остановимся на одной. Берем ситуацию: самолет одного национального олигарха, потеряв управление, врезается в яхту другого. Скажем, Гейтс в Цукермана, а Прохоревич в Абрамсона и т. д. Представляем гражданам 20 развитых капстран, плюс Россия. Опрос: «Вы узнали, что… Ваше первое чувство? а) сочувствие б) безразличие, в) удовлетворение (Богу все ведомо)».

Блицопросы в 20 странах заказывают наши посольства. Результаты усредняем и сравниваем с нашими. Получаем цифру. Ясно, что по пункту в) превзойдем среднемировые в некоторое число раз. Напомню результат опроса, опубликованного в «АиФ»: «Как вы относитесь к Б. Н. Ельцину?» — «Ненавижу за дефолты, олигархов, разворовавших страну — 59 %».

Найдутся гуманисты, которые лающим жириновским голосом прокричат: «Это недопустимо! Опасный подогрев страстей!». Но, пардон, если ты — Вольфович, то есть сын волка, это еще не значит, что народ можно считать шарахающимся стадом. Народ надо уважать в любых его мнениях.

Так вот, получившуюся цифру крупно выбьем на именном ордене и в день вручения Нобелевских премий повесим его на грудь Путину В. В. А если откажется, пририсуем на все его портреты. Второй экземпляр ордена прикрепим к основанию надгробия Ельцину Б. Н. Эта цифра, Путин, и есть твоя ученая степень социального, экономического и правового одичания власти. Это результат вашей с почившим паханом кадровой политики, от которой граждане были надежно оттерты. Это оценка вашему «мудрому» руководству великодержавных … чудил (угадай, на какую букву?).

Выкручивание мозгов

Если уж мы говорим о патологии власти, то надо заметить, что наши медиа помогают ей самой себе развязать руки. Зам. главного «Эха Москвы» С. Бунтман с соведущей Ольгой… не запомнил (только не Бычкова, у той как бы навсегда простуженный голос)… надумали опросить слушателей на предмет, что бы они предпочли: порядок или демократию? С таким же успехом могли спросить, кто красивее — кошка или собака? Причем, сами же догадываются, что хреновину с ерундовиной совокупляют. Цитируют из СМС слушателя, как отреагировал на подобный вопрос президент Обама: «Нас поставили перед ложным выбором». Процитировав, смущенно ерничают: «Да, мы вас, слушатели, ставим перед ложным выбором…».

А какого же хрена ставите! Не умеете профессионально формулировать вопрос — берите учебный отпуск, поезжайте за границу и там учитесь, как отличать толковые вопросы от провокационных. Но они, знай себе, похихикивают, вспоминают ветхозаветные признаки русской тройки — либо на троих сообразить, либо сталинская тройка. Это шутканул, конечно, более старший товарищ — Бунтман. Жалко ему сдавать в утиль советский кухонный реквизит. Тебе бы, Путин, взять его в компанию, — внимательно перенюхавшись, вы потом задружились бы. Даром, что у него в фамилии «бунт», — не обращай внимания, это деза. Ведь опрос «Так как вам, граждане, демократию или порядок?» — он же в твою будущую пользу! Бунтман, раз уж такие опросы затевает, видно, согласен поступиться демократией и стать порядочным Порядкманом. А Журавлева — если это была именно Ольга Журавлева — станет, соответственно, Синициной.

Более молодая Ольга (Журавлева-Синицина) импульсивно выдала свой низкий уровень понимания того, что делается в умах людей. Когда выявилось, что опеку государства над собой — то есть над каждым из них — предпочли бы 80 % слушателей «Эха…», у нее вырвалось: «Ни фига себе!». Старшие товарищи вбили ей в голову, что с этим государством (с Этим!) лучше не иметь дел. Вот и удивляется, не врубаясь, что имеют в виду люди под опекой. А они всего-то хотят жить в законном поле, а не пристраиваться статистами в соревнования, кто удачнее сунет раздавальщику благ мзду, чтобы иметь старт и благополучное развитие судьбы. Как бы квохчет: как так, как так, аж 80 %! Но ведь остаются тебе целых 20 — те, кто разными путями уже обрел старт, поэтому законных (поддерживаемых государством) конкурентов не желает.

Ольге — простенькая авторская сентенция, которая объяснит ей, почему она все же имеет не удивляющих ее 20 %:

«Из нравов общественного транспорта: «Вошедший входящему не товарищ».» Или — влезший влезающему.

Думаю, не я один с раздражением отключился от этого нелепого опроса. И не я один, скорее всего, припомнил «Эху» другие подобные опросы во имя утоления их своеухмыльчивого местечкового любопытства. На мотив футбольной песни про «Аргентину-Ямайку — пять-ноль» мне невольно забубнилось под нос. Но вместо «Какая боль, какая боль!» — «Какой засор, какой засер!».

Обучал же вас, господа журналисты, все же не Пень Засерский!

В старой блатной песне есть, кажется, такие слова: «Гром прогремел — золяция пошла! Одесский шухер собирает аманины…» — и т. п. На наш лад можно так: «Гром прогремел — мутация пошла!». Это ты, Путин, замутил такую действительность, что и «Эхо…» поддается…

Вспоминается рассказ фантаста Михаила Успенского, слышал в его чтении на семинаре юмористов в 1982-м. Молодые муж с женой сварили крутой студень из ножек и требухи и выставили его на ночь на балкон. Ночью — гроза, одна из молний шарахнула в блюдо, и оттуда…начала произрастать жизнь, буквально простейшие, но с энергичным развитием. Это, наверное, и есть: гром прогремел — мутация пошла. Вскоре побежали трехголовые ящерки… Мужа тут отправляют в командировку. Он жене: наблюдай, дело прибыльное, прилично заработаем. А когда через две недели возвращается, в квартире, и уже в комнате… с низким лбом… здоровенный неандерталец! Сидит за столом в его старом халате, перед ним обглоданный мосол, напротив — жена. Учуяв мужа, заворчал. Жена непричастно жмется: ничего, мол, Вася, не поделаешь, тебе придется пока к маме переехать, а я уж за ним понаблюдаю…

Вот такая у вас, Путин с Бунтманом, мутация. Демократию с порядком в одном вареве перемешали. Выставили на опросы. Шарахнул результат. И получившееся трехголовое хавало предлагаете: первый — электорату, а второй — слушателям, для созревания того же электората до нужной кондиции. Потом Путин, оглянувшись на Бунтмана, скажет: «Вы, кажется, хотели демократии? Ну а я что говорил! Вот теперь вам будет порядок».

А вот еще одна проделка третьей головы. Это было накануне выборов; опять двое ведущих, он и она, опять же затеяли опрос: кого хотите видеть в лидерах — Путина или Медведева? Один из слушателей попытался было расширить список. Куда там! Ведущая буквально вдалбливает: «Забудьте про третьего! Вы — за Путина или Медведева?».

Ух, как разозлила меня эта курица! Так и клевала политфантики, так и клевала. Она что, не понимала, что оскорбляет мнение тех, кому не нужен ни П., ни М.? Выскочила из исподнего и так и ерзает вся в продвинутости своей, так и ерзает. Мол, никто, кроме П. или М. не может быть, потому что не может быть никогда. Забудьте! Ведущий, тот хоть немного сдержаннее был. А эта так и ерничала, вся так и исхихикалась.

В «Эхе» каким-то образом вывели, что, если П. по качеству очистки от автократии — это евро-1, то М. — евро-2. И эховцам этого было достаточно. Пусть М., хрен с ним, покоптит пока, на нем еще можно ездить; все равно, мол, евро-3, а тем более, евро-4 нам еще рановато… Так решили эховцы, весь 2011-й ставившие на евро-2. Да они и сами мне не дадут соврать. При этом

ни разу по-настоящему не выявляли долю тех, кто и П., и М. относит в евронули, которых без противогаза уже невозможно слушать…

Между тем, все тот же М. Ганапольский все на том же «Эхе» твердил: «Ясно, что Путин — президент на девяносто девять и девять, девять, девять десятых процента». Чистое вдалбливание. При этом сам он не хотел Путина даже активнее, чем многие другие эховцы, и это следует из его многолетней позиции…

Все это похоже на психоз, на 99,999 % неизбежность терпимого апокалипсиса, после которого можно спокойно продолжить земное существование. Вы, господа Бунтман, Ганапольский, другие и целый выводок молодых выпрыгучих госпожей (вот постарше которые — те мудрее), ответьте, сами-то шевельнулись бы, чтобы подняться с дивана и выйти из дома ради любого дела, успешность которого равна 0,001 процента? Ганапольский просто обессмыслил все то интересное и неравнодушное, что он до этого о власти высказывал…

Так к чему это я все? Они тебя, Путин, под фанфары подведут. Ведь и вправду можешь возомнить, что на данном отрезке никого, кроме тебя, на Руси не может быть. И может быть только порядок, а не демократия.

А после объявленной рокировки тандема обманутое в своих мечтаниях «Эхо», так до конца и полагавшее, что М. на полторы демоголовы выше, чем П., затеяло опрос слушателей на тему: «Вы готовы выйти на улицы для отстаивания своих социальных прав?». Результат: 86,5 % готовы. Зачитали одну из СМСок: «Блогосфера взорвалась». Читай — от возмущения, что снова прет Путин.

Если СМИ, в частности, «Эхо», настолько были озабочены недопущением Путина к третьему рулению страной, почему же они (оно) не сделали от себя все возможное, чтобы их руки были умыты? Что мешало «Эху» объединиться с другими СМИ, так сказать, «бросить клич» на простейшее дело: сообща организовать опросы слушателей и читателей на вышеуказанную тему — «Вы готовы…?». Получили бы усредненный результат, отражающий мнение 1020 миллионов, это уж смотря какие СМИ добровольно пошли бы на это дело. А сравнительные результаты официально, то есть принародно, предъявили бы Путину. Ведь не надо было иметь и семи пядей во лбу, чтобы спрогнозировать резкий рост числа «готовых». Даже так — готовеньких на новенького.

Возможно, некоторые СМИ — скажем, «Новая», «Независимая», «МК», «АиФ», некогда авторитетные «МН» (если еще дышат — много лет не видел их в глаза) и иные радиостанции что-то близкое по смыслу в одиночку, пардон, и пшикали… Но ведь тут важно — всем вместе! У вас же есть, как-никак, СЖ — он что, не смог бы скоординировать ваши действия? Пусть и некоторые из спрошенных, грубо говоря, зассали бы, ведь и до, и после, с предъявлением путинскому затылку на чесание — «У-у-у, это чем же попахивает?..». Скажем, я не уверен за смелость начальника «АиФ» Зятькова. Вот служить отдувочным клапашком он согласен хоть до скончания века, а на поступок, скорее всего, — фук… Но ведь и без его «народной воительницы» могла бы набраться приличная аудитория.

Ну, и? Это был бы поступок. Народ вспомнил бы, что у него есть четвертая власть.

А теперь, когда упрямое сравнение до и после упущено, главред каждого из этих СМИ может сказать мне: «Чайник ты клокочущий…». Но ведь как я им подсказываю, а, Путин? Хоть ты оцени: «Чайник клокочущий! Прожектерствуя, ты и знать не знаешь о неведомых тебе марионеточных нитях». Что им ответим, Путин? Ну-ну, ты меня уже должен вычислять. …Правильно, я отвечу: не знаю и знать не хочу.

Не знаю и причины, почему отвергли очевидное. То ли наследное сталинское опасение «как бы не вышло боком», то ли глубоко упрятанное желание ничего не менять, остаться при верных темах, свысока поплевывая на власть.

А ведь ты не понял, Путин, я тебе в этом деле … ну, дружбан — не дружбан, но доброжелатель, пусть и вынужденный, с зубовным скрежетом. Они ж тебя непредъявлением настоящей, в лоб, кувалдовой информации — глядишь, и чесанул б таки свой тыльный ум — под панфары подведут. Веежливо так, культуурненько, под миккииточки…

Полагаешь, что в случае ухудшения ты выведешь из засады мощный план преобразований, позволений и свобод, так? Тебя в том заверило твое окружение. Только не понимают они, что дело глубже: здесь подспудное неверие уже всему, что бы этот суетливый лидер теперь ни провозгласил. Уж как просил Мубарак после 28 лет накинуть ему еще полгодика, чтобы уйти культурно. Уж как просил! Ан нет! Как отрезало. А ведь в Египте такие же люди живут, — слышь, Путин? — не марсияне осиянные…

Надеешься, что у ядерной Раши обособленный статус? Хо-хо, да если натовцы не дураки — а не очень-то они и дураки, — они войдут в контакт со здравомыслящей головой твоего трехглавого окружения, и она моментально обесточит твой чемоданчик под подушкой. Горбачеву в Форосе наши же военные на пару дней обесточивали — не знаешь разве? А далее — дело техники и возмущения масс, уже не справляющихся с позывами обрыдлости…

Да ты счас хоть застрелись немедленно в красивейшей позе, но упрямая история — а при полной информатике она теперь совсем заупрямилась — все равно определит тебя в категорию случайно вломившихся во власть. «Взогрел на нефти опарышей своих — и что?» — спросит первое же освободившееся от тебя поколение. И что — вот действительно? Ради того лишь, чтобы не отвечать на вопрос, решишься долго еще не освобождать от себя спрашивающие поколения? А ну, брось это дело! Не сможешь ведь доиграть — сорвешься. Это ж тебе не пум-пум-пум по клавишам, не хлесь-хлесь-хлесь ластами. Народ в

самосознании своем со скрипом хоть, но крепчает, а твое сознание в затхлой вони самовластия неизбежно хиреет.

Ты все-таки быстренько изобрети закон культурного высвобождения от должности. Может, еще успеешь сам под него подпасть. Тогда актуальность дежурства рюмки коньяка у твоего изголовья, глядишь, и отпадет. А то тревожность взора чаще стала на тебя накатывать. Мне же виднее, чем тебе. Телевизор у меня на «Триколоре» — хорошо показывает; и сам к нему вплотную сажусь.

Возьмем Сирию. Положив 3000 трупов, ее президент обречен. Добром он в любом случае уже не кончит. Это мой прогноз. Не дадут ему нормально руководить, рано или чуть позже накостыляют, поменяв на другого. А потому что не захотел вовремя уйти — уже после первой сотни. Или — как лучший для всех вариант: немедленно в прямом эфире сказать сильное, точное, примиряющее слово, созвав в студию представителей всех сил в обществе. …Ага, не смог, мозгов не хватило? Нет доводов, нечем крыть? Ну, тогда — пшел вон! Не то время теперь, чтобы на трех тысячах трупов усидеть. Недоразумение — уже то, что, вылезя из отцовой тени, власть унаследовал, ничем эту случайность папиного сперматозоида не опровергнув.

А тебе, Путин, даю совет: как только на одной площади более … ну, скажем… 10 тысяч (считай цифру моим капризом) единодушно начнут скандировать: «Долой!» сам знаешь, кого, — не рискуй, уходи. С первыми же трупами по причине именно неухода дело примет необратимый характер. Речевки, базары, попытки в чем-то убедить будут уже бесполезны…

Не боясь в пятый раз повториться, скажу: влезать в должность, от которой зависят судьбы невообразимого числа людей, не имея за душой креатива, будучи, попросту говоря, бездарным, не имея способностей непосредственного глубокого и искреннего общения с людьми, не умея открыто прояснить им множество прилегающих политических премудростей, — это великий грех, и близко не сопоставимый с влезанием на любую другую должность.

Ты обязан был наперед знать, что на роль лидера не годишься, подобно тому, как каждый наперед обязан знать, что ставить цветочный горшок в открытом окне недопустимо из-за возможного порыва ветра: порыв захлопнет створку окна, а створка столкнет горшок на голову прохожему. А тем более обязаны знать это юристы Барщевский, Путин и Медведев: убийство по неосторожности, 3 года лишения свободы.

Если ты, Путин-юрист, даже не ведал того, что подобное надо знать всем, кто подвержен гравитации, и кому ведомы порывы ветра, то твоя бездарность еще более очевидна. Перед тем как согласиться, ты обязан был обратиться к лучшим независимым умам, к общепризнанным авторитетам (пусть и не афишируя), чтобы знать свою истинную цену. Всякая истинная цена человека познается лишь со стороны. Кто эти люди? Имена? Подтверждения? Предъяви!

Ты обязан был знать, что, как горшок, свалишься на голову своему народу. Президент — это не то присутственное место, где шпане можно прикидываться шлангом. Деградация страны, о которой все чаще теперь говорят, с деградации государственного ума и начинается. Васиссуалия Лоханкина, бормотавшего «Я не знал», соседи за неуважение к тому, что выставился рассеянным шлангом-профессором, размышляющим над судьбами человечества, били розгами с контекстом «Надо было знать…». …А сами эти сакраментальные слова были молвлены другому персонажу — Лапидусу-младшему, в ответ на его:

«— Кто же мог знать, что будет революция?

— Надо было знать, — холодно сказал Корейко».

И тебе, Путин, когда начнется и закончится не в твою пользу, скажут с отмашкою розги: «Надо было знать!». Будешь потом ходить растерянный, оправдательно бормоча, как в «Гамлете»: «Прервалась связь причин… Но ведь прервалась…». Да нет, юрист-Путин, я уже стократ дырку простучал в твоем черепе: здесь прямая причинно-следственная связь, в твоей голове! Завязь подлого времени от тебя и пошла.

Со свечкой. Прощальное

Слушатель «Эха…» сказал, что тебя показывали со свечкой в церкви. Приметил то, что и я всегда отмечал: тусклое лицо в окружении людей такого же вида и такой же озабоченности. «Ипполит Матвеевич продолжал стоять, обратив глаза к земле. И напрасно так стоял он. Он не видел многого.» Дух твоей власти определен довольно точно — серая стагнация. Наверное, ты за плешь свою переживал — как бы достойнее унести ее из власти. А я тебе подскажу. Поклонись низко народу своему, покайся…

…По поводу слухов о твоих дворцах тебе, по причине моего неведения, — пиетет с презумпцией и реноме с кисточкой. Но все же, когда будешь каяться, склонись ниже, а ягодицы отпячь повыше, чтобы Он око в око заглянул тебе с неба внутрь, — все ли ты оттуда исповедал или заныкал-таки горнолыжный закуток в Альпах, записанный на троюродную тещу?

Кстати, я тебе должен заявить с преамбулой… Погоди, счас заявлю. Я тебе, Путин, должен громогласно заявить: для российского общества ты опасен! Представь, с каким гневным пафосом произнес бы это Анатолий Папанов в фильме «Берегись автомобиля».

Вот и в тексте Ильфа и Петрова: «Отбыл в лучший мир, иде же несть ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная… Вееечная паммять!.. И покуда старик отпевал самого себя, хвосты его фрака трещали на ветру, как вымпелы». Ветры бывают всякие — от встречных транспортных (это метрдотель старой закалки Иван Осипович, в крайнем расстройстве от варварства советских едоков, мчится прочь от них на моторной дрезине, треща фалдами) до ветров перемен. А для наступления последних надо прежде ликвидировать опасность.

Ну, не в прямом же смысле, успокойся…

Наоборот, попрошу у Боженьки продлить тебе жизнь лет до 110, чтобы сполна ощутил то, как история накладывает тебе по черепу — тем вернее, чем дальше российское государство будет отходить от ельцинско-путинского наследия и становиться именно государством, а не пугалом для собственного народа.

…Да за все за то же. За что… Гм… За все за то же. За мракобесное отношение к самой главной ценности — человеческой душе, которая, как ее ни гноби и не засоряй, неизменно естественной рождается и хочет видеть вокруг себя добропорядочную, справедливую и непримитивную жизнь. За все то, по чему мы уже прошлись: за неслыханные упущения и «тонкие» попущения, за сознательный зажим «чужаков», их идей и мнений, за недопущение на экран важнейшей информации об обществе открытых объективных оценок последнего 20-летия.

Завершается наш затянувшийся базар. Теперь слово за тобой, переключаю шахматные часы. Но перед тем еще последний вопрос. Вот ты с первого же захода въезжал в Кремль на белом коне. Но у Ильфа-Петрова и на этот случай есть довольно любопытная фраза (цитирую, как всегда, слово в слово): «Белая лошадь громко просила извинения».

…Так а сам когда? Желательно тоже громко.

Приглашение откушать

Моя книга закончена, но не могу удержаться, чтобы не включить в нее еще один эпизод. О твоих заигрываниях, Путин, с интеллигенцией и пишущей братией.

На свое 57-летие ты пригласил целую группу на тусовку. Год 2009-й, ты — премьер, на этот раз медведевский. Хотя странно: созываешь писателей, невзирая на то, что за годы, что ты был начальником страны, литературу перевели в разряд падчерицы, так что не всякий мастер пера теперь и с оборотом «невзирая на то» справится. Я вот не уверен, что справился; и, будь у тебя в помощниках, наверное, оговорился бы по Брежневу: «не взирая на НАТО». Редакторов-то у нас отобрали. Современных писателей знают только сами они, канал «Культура» все больше держится за золотой и серебряный века, а ТВ-юмор — за петросяновские бока. Как и я, с выпитым вчера яйцом на столе, — за пустые созвучия. Я ведь мастер игры на скорлупе. «Чпок-чпею», — будущего своего рецензента дразню, вешая ему на мочки клипсы, отступая и дурашливо виляя задом (в год Собаки, как-никак, родился). Скорлупа — это камертон на банальности, по ней я каждое утро ухо настраиваю без всяких нот. Да и по теме, видишь, куда сполз — на околополитическую поганку. Нацепил клипсу и, вертя задом, подпрыгиваю, как Хачик на армянской свадьбе: «Чахкл-духкл! Путин-мутин! Чахкл-духкл! Ханум Маруся, водку давай!».

А ведь еще в начале нулевых на ТВ существовала вставочка с издаваемыми книгами. Ее ведущий эффектно швырял в урну неудачные новинки. Но и эти 10 минут швырнули, как скверную книжку, прочь из массового сознания. И кому они были костью в горле? Читающую публику вместе с горсткой писателей послали в «Культуру» кучковаться. А тусоваться им не по карману — тусовка фуршета требует…

Ну, хорошо, вот ты, не знаю для чего, — очевидно, как пиарочное де-жавю, если не сказать хуже — по-иезуитски пригласил на свое рождение группу товарищей вымирающей, во всяком случае, несытой профессии. Из списка лишь трое задержались в памяти. Давай их, хотя бы кратко, охарактеризуем — чтобы оценить твой вкус. Хотя правильнее будет сказать — выбор твоих доверенных культурологов.

Валентин Распутин. Что ж, в похвалах он не нуждается, русская словесность может им гордиться. Если сравнить его с другим корифеем — Астафьевым, то в своей прозе он строже, даже скупее увлекающегося живописца слова Виктора Петровича. Вот, скажем, у него зима в сибирской деревушке: глухие сумерки, время военное, едва светится чье-то одинокое окошко в избе на отшибе. И каким, думаешь, одним объемлющим эпитетом охарактеризовано это слабое свидетельство бедной уединенной жизни? Ни за что не догадаешься! Ну, закрой глаза, представь. (Тебя бы туда на всю зиму, чтобы пробрало…)Астафьев, скорее всего, немного живописи подпустил бы. А Распутин — нет; он тоже не знает, кто там за окном, но пишет просто и точно: «старушечий свет в окошке».

Ну, хорошо, будет с нас ляля-тополя, переходим к другому писателю. А то на бисере, хватаясь друг за друга, поскользнемся оба…

Андрей Битов. Совсем другой прозаик — рафинированный городской… чуть не сказал амбивалентщик, но это слово уже почти ругательное. Нет, проще говоря, он — современный достоевец, умеющий в себе тонко и стильно покопаться. А роднит его с Распутиным — почему и говорю, что губа у твоего шептуна не дура — высокий уровень мастерства. В десятку лучших прозаиков последней трети XX века, спрашиваешь? И не сомневайся! К перечисленным трем можно добавить (без расклада по ранжиру, понятно) и Аксенова, и Искандера, и Юрия Коваля, и братьев Стругацких, и Юрия Трифонова… далее по вкусу. Я не такой знатный, чтобы кто-то обиделся, что я его забыл. Тем более что иных уж нет… а тех — долечат, как обыграл один шутник. И, между прочим, как в воду глядел: поликлиника Литфонда уже лет 15 бесплатно не фондюкает. Выхирение художественной мысли, истощение замыслов, вымирание рядов — вот чем больна теперь отечественная литература.

С Битовым, могу похвастаться, знаком лет 30, и рукописи, которые я ему привозил, он все читал. Выпить и погрузиться со мною не пренебрегал…

И хотя твой секретарь записал в гостевом журнале о Битове что-то вроде «Литературный Смотрящий на дне рождения присутствовал», я все же про него продолжу. Он — личность неординарная, говорит всегда интересно, без прописей, (в своей прозе иногда бывает скучнее и камернее, чем в речи) и может вызвать смех, даже не стремясь к нему, одним лишь необычным прикосновением к подтексту. Как деятель, представляющий лицо нашей современной литературы за рубежом, он на своем месте. Говорю это, несмотря на то, что мог бы предъявить ему свою… обиду — не обиду, но умозрительную претензию. Вкус к прозе у него безошибочный, и он всегда отмечал у меня лучшие произведения (прочитав их еще в начале 80-х). И в последний раз, в 2009-м, говорил по телефону: «Сережа, у тебя три гениальные вещи: «Бобка», «Водоем» и про алкаша. …Хотя про алкаша — с оговорками». Именно так объективно и сложились за 30 лет читательские предпочтения. Слово «гениальный» он сказал впервые, — понятно, как девальвированный термин. Я даже подумал, что он стареет, раз уже употребляет расхожее слово.

Но вот по-настоящему он помог опубликоваться — причем с переводом, за границей — другому прозаику. Лет 15 назад тот с гордостью говорил мне, что в Париже ему выплатили 65 тысяч франков. Я намеренно не называю этого прозаика, его имя мало кому сейчас что скажет; да и то, что было переведено и представлено французам как лучшее из современной струи, оказалось проходной модерновой туфтой. А почему Битов пошел на это? Причина, думаю, проста: пол у этого прозаика — женский…

А вот и третий из приглашенных тобой писателей — Александр Кабаков. Его имя зацепилось потому, что я с ним пересекался. Вот это, скажу тебе, Володя, — твой кадр. Сноб и конформист, хорошо чувствует время. В 70-е писал юморески, регулярно печатался на 16-й странице «Литгазеты», получая «Золотых телят». Это не я так сказанул, а мой давний персонаж во времена

книжного голода восторженно завопил у магазина: «Ура, «Золотых телят» дают!» А премия называлась, конечно, «Золотой теленок».

Так вот, Саша в своей сатире едко высмеивал всяких советских буржуинов — фарцовщиков, цеховиков, тучных завмагов… Причем с квалифицированным описанием их антуража: предметов роскоши, деталей зажиточного быта и прочего… Прямо внедренный в чуждую среду крот. Но все это, понятно, с советских искренних позиций, то есть — с тлеющим осмеянием. Хотя, если вчитаться, чувствовалось законспирированное почтение… Редакторы, короче, ушами хлопали и давали ему «Золотых телят» за социальное остроумие. Телят — это громко, но минимум одного он взял, а может, и двух.

Но вот демос опрокинулся, и пришел другой гегемон — капиталистический, уже с легальными буржуинами. И Александр Абрамович одним из первых его приветствовал. Он тогда служил замглавного в «Московских новостях», вовсю злободневничал, а я заглянул туда и Сашу не узнал. Он разве что чепчик не подкидывал в честь нахлынувших перспектив: нищему советскому инженеру банально изменил, а бывший фарцовщик стал у него двигателем коммерции… Теперь Саша готов поменять справедливость на свободу без всякой сдачи. Четко прощупав, где теперь кучкуется читатель — а кучкуется он от скуки в поездах дальнего следования, — Кабаков, как официант с салфеточкой, тут как тут: основал издательство «Саквояж». Средний уровень скучкующих ему известен, и к отправлению поездов он поставляет им гладенькие книжки. У него все о’кей.

Как уважаемого писателя его приглашало недавно, кроме прочих, и «Радио России» — на вечера разговоров о том о сем с продолжением. Говорил, конечно, пресно; но странно ожидать, что он что-то вякнет супротив режима, который лично ему на ногу не наступал. Это я себе могу позволить ухмылку: «Однажды наступило счастье — и сразу на мозоль…».

Так что как прозаика я его ближе пятой сотни к Олимпу не подпустил бы. Пусть и был у него шумнувший роман типа «Невозвращенец» (в прежние времена это был бы, конечно, «Отщепенец») — в общем, что-то звучное, и легло в удачную колею. Но тут уже я сам выступаю как «совок» махровый: «Я Пастернака не читал, но скажу…». А тебе-то, кстати, чем приглянулся А. Кабаков — а, Путин? Пробуксовка по Хрэйду, что ли, как сказал один щепелявый мужик? Ведь и сам Кабаков не поверит, что ты его читал.

Разглагольствую же так уверенно потому, что в 1982-ом был с ним в одном семинаре молодых сатириков и юмористов в писательской Мекке — Малеевке. Я туда попал случайно, а вот Кабаков — заслуженно. По окончании был сидячий фуршет, а где как не в крепком застолье раскрывается масштаб личности. «Исключения редки», как сказал Пушкин, в чем я убедился лично. Так что смело говорю: Кабаков — это твой кадр. Оба слюните палец и поднимаете над собой: ты ловишь рейтинг, а Кабаков — пользительные дуновения. В придворные мемуаристы тебе годится, а вот в историю литературы — на задворки.

Несостоявшийся сюрприз

Они сообща могли бы поднести тебе своеобразный подарок: легонько отрепетировав, разыграть сценку классического застолья. Скажем, из сатирической повести Андрея Платонова «Город Градов», 1930 г. Уж они-то знают, что Платонов — отдельная, непостижимая величина в литературе. В частности, высоко чтит его Андрей Битов, читал по нему лекции. Что ж, через 2 года я за них это сделаю. А ты представь, как оно могло быть перед тобою зачитано и даже разыграно в лицах. Далее — только текст из повести; не все подряд, а с некоторыми сокращениями.

«Чай пили молча и с удовольствием, разогревая им настроение. … Чувствовался страх и скрытая радость избавления от ответственности. …

— Не республика мне нужна, — объяснял Бормотов, — …а непрерывное государственное начало и сохранение преемственности…

Еще давно Боромотов сказал, что в мире не только все течет, но и все останавливается. … Незаметно чай кончился, самовар заглох. Марфа осунулась и села в уголок, устав угождать. Тогда за чай заступилась русская горькая.

— Вот, граждане, — сказал счетовод Смачнев, — я откровенно скажу, что одно у меня угощенье — водка!.. Ничто меня не берет — ни музыка, ни пение, ни вера. … Ничего духовного я не признаю, то — буржуазный обман…

Смачнев, несомненно, был пессимист и, в общем и в целом, перегнул палку. Но действительно, что только водка разморозила сознание присутствующих и дала теплую энергию их сердцам.

… Первым по положению встал Бормотов.

— Граждане! … Видали, что значит служба? И я должен всему благожелательно улыбаться, терзая свой здравый смысл, а также истребляя порядок, установленный существом дела! …

Бормотов хлебнул пивца для голоса, оглядел подведомственное собрание и спросил:

— А? Не слышу?

Собрание молчало, истребляя корм.

— Ваня! — обратился Бормотов к человеку, мешавшему пиво с водкой. — Ваня! Закрой, дружок, форточку! Время еще раннее, всякий народ мимо шляется…

Бормотов умиленно подождал и закончил веско:

— Вот, милые мои, где держится центр власти и милость разума! Мне бы царем быть на всемирной территории, а не заведовать охраной материнства и младенчества своих машинисток или опекать лень деловодов!

Тут Бормотов захлестнулся своими словами и сел, уставившись в пищу на столе. Собрание шумело одобрением и питалось колбасой, сдерживая ею стихию благородных чувств. Водка расходовалась медленно и планомерно, вкруговую и в общем порядке, оттого и настроение участников ползло вверх не скачками, а прочно, по гармонической кривой, как на диаграмме.

Наконец встал счетовод Пехов и спел, поверх разговоров, песню о диком кургане. … За Пеховым встал бухгалтер Десущий и пропел какой-то отрывок из какой-то оперы, какой — никто не понял. Десущий славился своей корректностью и культурностью в областях искусства и полным запустением своих бухгалтерских дел. …

— Любимые братья…! — начал раздобревший от горькой Рванников. — Что привело нас сюда, не щадя ночи? Что собрало нас, не сожалея симпатий? Он — Степан Ермилович Бормотов — слава и административный мозг нашего учреждения, …наставник порядка и государственности великой неземлеустроенной территории нашей…! И пусть он не кивает там мудрой головой, а пьет рябиновую златыми устами, если я скажу, что нет ему равных среди людского остальца…!

— Граждане…! — проревел в заключение Рванников. — Приглашаю вас выпить за…Степана Ермиловича Бормотова, истинного зиждителя территории нашей,…подлежащей быть устроенной такими людьми, как наш славный и премудрый юбиляр!

Все вскочили с места и пошли с рюмками к Бормотову. Плача и торжествуя, Бормотов всех перецеловал — этого момента он только и ждал весь вечер, сладко томя честолюбие…

— Граждане, — обнаглел Шмаков, — сейчас идет война с так называемыми бюрократами. А кто такой Степан Ермилович Бормотов? Бюрократ или нет? Бюрократ положительно! И да будет то ему в честь, а не в хулу или осуждение! Без бюрократии, уважаемые ратники государства, не удержаться бы… государству и часа!

— Мы не ратники, — прогудел кто-то, — мы рыцари!

— Рыцари умственного поля! — схватил лозунг Шмаков. — Я вам сейчас открою тайну нашего века!

— Ну-ну! — одобрило собрание. — Открой его, черта!

— А вот сейчас, — обрадовался Шмаков. — Кто мы такие? Мы заместители пролетариев! …К примеру, я есть заместитель… хозяина! Чувствуете мудрость? Все замещено! Все стало подложным! Все не настоящее, а суррогат! Были сливки, а стал маргарин…

Но тут встал Обрубаев. Его заело, он озлобился…

— Уважаемые товарищи…! — сказал Обрубаев, доев что-то. — Я не понимаю ни товарища Бормотова, ни товарища Шмакова! Каким образом это допустимо! Тут говорят, что бюрократ — как его? — зодчий и вроде кормилец. …Что это такое? Это перегиб палки, констатирую я. Это затмение основной директивы по линии партии, данной всерьез и надолго. И вообще в целом я высказываю свое особое мнение… а также осуждаю товарищей Шмакова и Бормотова. Я кончил. …

— А где у вас документики, товарищ Обрубаев? — спросил Бормотов. — Разве кто вел протокол настоящего собрания? Вы ведь, Соня, ничего не записывали? …

— Вот-с, товарищ Обрубаев, — мудро и спокойно улыбнулся Бормотов. — Нет документа, и нет, стало быть, самого факта! А вы говорите — борьба с бюрократизмом! А был бы протокольчик, вы бы нас укатали в какую-нибудь гепею или рекаю! Закон-с, товарищ Обрубаев, закон-с!

— А живые свидетели! — воскликнул зачумленный Обрубаев.

— Свидетели пьяные, товарищ Обрубаев. … А в-третьих, товарищ Обрубаев, выносит ли дисциплинированный партиец внутрипартийные разногласия на обсуждение широкой массы, — попытаю я вас? А?! Выпьем, товарищ Обрубаев, там видно будет… Соня, ты не спишь там? Угощай товарища Обрубаева… Десущий, крякни что-нибудь подушевней.

Десущий сладко запел, круто выводя густые ноты странной песни, в которой говорилось о страдальце, жаждущем только арфы золотой. Затем делопроизводитель Мышаев взял балалайку: я, говорит, хоть и кустарь в искусстве, но побрякаю!

Бормотов прикинулся благодушным человеком, сощурил противоречивые утомленные глаза и, истощенный повседневной дипломатической работой, вдарился бессмысленно плясать, насилуя свои мученические ноги и веселя равнодушное сердце.

Шмакову стало жаль его, жаль тружеников на ниве всемирной государственности, и он заплакал навзрыд, уткнувшись во что-то соленое.

А утром Градов горел; сгорели пять домов и одна пекарня. …Пекарь уверял, что он окурки всегда бросает в тесто, а не на пол, тесто же не горит, а шипит и гасит огонь. Жители поверили, и пекарь остался печь хлебы».

Вот это, понимаю, был бы тебе сатиричий спектакль, — там уж ты сам смотрел бы, что сходится, а что нет. Отснятая сценка стала бы достоянием ценителей возлеполитических игр и поздравлений. А так что — наверняка забыто все, что там у тебя говорилось… Рутинно-улыбчивая застольная чинность — вот, уверяю тебя, твое 57-летие. И Бормотова тебе со смешками никто уж не припомнит…

Кто за чем

Теперь легонько по мотивам: почему они пришли тебя поздравить.

Распутин просил за литературу — за внимание к ней. Да только зря это он. Лучше прочел бы тебе лекцию на уровне ликбеза. Придется мне прочесть, потерпи немного. Надо было не просить, а требовать, и такими словами, которыми пусть и ничего бы не добился, но хотя бы вогнал в срам. Он смог бы, наверное, но сделикатничал. Пусть у него и появился некий зубок на вторгающееся в русскую жизнь «иноязычие», но это у него от общей растерянности перед временем. Провинциальный интеллигент, ругаться все же не в его профессии. И это в твоей политике, Путин, еще одно из многочисленных подспорий.

Вот что ты сказал спустя некоторое время после приглашения писателей, показав литературе и ее распространению, по сути, черную метку: «Ясно, что это дотационная статья. И ничего нового тут не придумать». Запоминай фразу, — долго буду за нее тебя трепать. Тупик книгопечатания и, соответственно, книгочейства в России, говоришь, дело неизбежное. И окончательно умываешь руки.

Вот и недоумеваю: а чего это ты писателей приглашал? Чтобы морально поддержать их перед объявлением аутодафе? Это ведь была, наверное, твоя последняя встреча с ними. И на 60-летие тамадой у тебя будет не какой-то там Букст-пукст, а наверняка сам Эрнст…

Битов пришел по должности, он — президент Русского Пен-центра и приглашения избежать не смог. Не думаю, чтобы ему было с тобой интересно. К публицистике, прочей политологии у него прохладное, если не сказать надменное, отношение. В частности, он считает, что все состояния в мире сколочены на грабительстве; эта мысль позволяет ему жить со скрещенными руками. И отношение к начальствующему положению у него, очевидно, такое же олимпийское: все равно, дескать, во все времена те, у которых власть и положение, пользуются ими, забирая себе все лучшее.

Как профессионал он, в частности, знал, что моя повесть о собаке уровнем выше той лабуды, которую рекомендовал французам для перевода и издания. Сам подчеркивал, что фабулы, которую я взял в повести, он в литературе не встречал. Недавно при мне говорил прозаику Улицкой: «У Сережи есть повесть о собаке… Там такое место…пес находит в глуши погибшего приятеля — приблудную дворняжку … Навсегда запоминается… Толстой отдыхает», — имея в виду «Холстомера», повесть классика о лошади. И это через 25 лет после прочтения. Но как человек животворящий и, соответственно, животрепещущий Битов оказался выше профессионального пуританства, предпочтя милое создание. Он как-то и не подумал, что, будучи переведенной, повесть могла бы кормить меня лет десять, и тогда, в 80-90-е, на настроении, на подъеме, глядишь, я еще что-нибудь написал бы.

Иногда он может выдать крупную мысль, типа той, что сказал в перестройку: «Мы проснулись в другой стране», — но не более того. Сам-то он проснулся, но будить власти не в его охоте. Так что ничего откровенного о твоей политике, Путин, и твоем месте в развитии страны он изначально тебе сказать не мог. Точнее, и не тревожил бы себя, чтобы захотеть сказать, наверняка зная о бессмысленности сего.

И то, по правде сказать, в советские годы он пострадал немного. И за «Метрополь», и за нелепую историю с братом, журналистом Олегом Битовым, который, вроде бы под давлением, давал какие-то сведения злопыхательским спецслужбам. И за «Пушкинский Дом», опубликованный на Западе, экземпляр которого оказался, как он сам не без сдержанной гордости говорил, на последнем письменном столе самого Набокова в числе нескольких других. Помню, как в начале 80-х он раскрывал мне тонкости своих взаимоотношений с телефоном и с почтовым ящиком, с чуткой тревогой ожидая какой-нибудь подлянки от всемогущих органов, но в то же время чувствуя особый трепетный вкус и даже тягу (почти как Раскольников — к своему следователю Порфирию), выстраивая какие-то умственные упреждения на случай наступления внезапного вторжения в круг его напряженного времяпровождения…

«…Почувствовал на себе чье-то неусыпное внимание. Сперва ничего определенного не было. Исчезло только привычное и покойное чувство одиночества. Потом стали обнаруживаться признаки более пугающего свойства.» И хотя это уже чуткая тревога миллионера Корейко, но есть, наверное, что-то общее.

А что, будь ты, Путин, в то время переброшен в отдел инакомыслия, как миленький взял бы его в разработку, вызывал бы в кабинет, задавал бы тяжелые вопрос в лоб, типа: «Как вы переправили «Пушкинский Дом» на Запад? …Что вы знаете о Щаранском? …Как так оказалось, что дама, с которой вы живете — его двоюродная сестра? …А что из себя представляет этот Максимов? …Не знаете? Странно… Так, а Владимов? …Когда в последний раз виделись с Войновичем? …Имейте в виду, нам все известно!».

Точно так же и непочтенных к Советам служителей клира ты бы, Путин, за бороду втаскивал бы в кабинет на Литейном, 4, если приказали бы, а те вздумали бы сопротивляться. Это теперь ты с патриархом лобызаешься, а то и к длани припадаешь, изображая возвращение блудного сына в лоно церкви. Голову как бы меж колен духовника вкладываешь, но толстые пятки тебя выдают — готовы рвануть в любую директиву, лишь бы власть не потерять.

Уроки взяты у папы Ельцина, тот был оборотистым в своих принципах, проще говоря — оборотнем, круче твоего. Победи Зюганов, — и захороненные в Петербурге кости взад отрыл бы, чтобы вновь в Ипатьеву яму сбросить. А от перемены политических установок нутро ваше столь смущенно съежилось и онемело, что в новом российском государстве ни он, ни ты никаких общественных установок уже и вовсе не закладывали, кроме как «не пойман — не вор». Вы так и не дали народу возможности после переворота заново выявить и сконцентрировать свои главные ценности и приоритеты; и ваше внутреннее

ренегатство обернулось для людей идеологическим безмолвием, аминь.

И во, флюгер скрипнул и повернулся взад, и теперь ты троекратно лобызаешься с патриархом, приглашаешь к себе Битова как авторитета и земляка, и вы можете дружественно переброситься воспоминаниями о Петроградской стороне, где довелось жить обоим, а Битов может укрепиться в своем беспроигрышном мнении, что все богатства зиждятся на ограблении.

А для Кабакова застолье с тобой было честью — вершиной его признания, типа Нобелевки. Кстати, будь у него под рукой свежеизобретенный графен, он и отпечатки твоих микробов со своей ладони снял бы. Вот со мной он при случайных встречах в Доме литераторов на рукопожатие не шел и с дивана не вставал. Не из-за обиды какой-то или принципа, нет, кошка между нами не пробегала, и издали он мне все ж таки кивал легонько, щурясь и как бы припоминая. Он просто типичный сноб и считает, что пожимать руку менее значащим и мало чего достигшим, — следовательно, не стоящим подражания, — нет особого смысла. Так же, как и отвечать на их литературное послание.

Поменял бы я свое мнение о масштабе личности Кабакова, если бы узнал, что твое приглашение он отклонил? Разумеется. Лучшего свидетельства того, что человек не только зрячий, но и уважает свою зрячесть, трудно и придумать. Прошло ведь немало времени уже и после его «буржуазного ренессанса». Человеку свойственно меняться, если душа его жива.

Раньше записные иронисты пользовались незамысловатой фразой: «Вы упустили блестящую возможность помолчать!». Вот и Кабаков упустил блестящую возможность отказаться от твоего приглашения. Увы, другой такой возможности ему уже не выпадет.

Кабаков лишь подтвердил: чем известнее творческая личность — имею в виду истинных авторитетов, — тем выше в ней культура обязательного ответного внимания, пусть и краткого. Это же лакмус на обычную человеческую (не церковную) духовность: когда тратится время на что-то частное, безрезонансное и не имеющее интересных предложений.

Было время, когда я делал рассылки своих рукописей или уже книг, что-то около 50. Менее известные, как правило, не отвечали. Ответил (письмом) Владимир Мотыль, — а ведь он был обласкан славой от одного только «Белого солнца пустыни». Ответил Вадим Абдрашитов, — узнав его в Доме литераторов, я поднес ему повесть о собаке, и, хотя ни о чем его не просил, он сам позвонил и сказал, что только что дочитал, находится под сильным впечатлением. А раньше, еще в начале 80-х, ответили письмами на посланный им в Сибирь машинописный рассказ (с героем — выходцем из глубинки) Астафьев и Распутин.

Путин, это я перед тобой пиарюсь, чтобы ты меня прощупал маленько. А то, небось, недоумеваешь: что за хрен такой прицепился? Это когда еще твой поверенный по культуре скажет: «Странно, но самую русскую, до собачьего косноязычия, повесть о братьях наших меньших написал тип, в жилах которого русской крови ни капли!». А я ему, не растерявшись: «Творческий менталитет — штука темная-с…».

«…Лавуазьян, которого внезапно охватил припадок славянизма… надулся гордостью.»

В связи с чем еще похвастаюсь. …Ну, Путин, ну дай, дай похвастаться в преддверии старости классическому неудачнику.

Кстати, Битов, мимоходом представляя меня в 1991-м Василию Аксенову перед выступлением последнего в ЦДЛ, тихонько, чтобы я не услышал, добавил: «Возможно, это самый неудачливый из нынешних». Вот ведь как интересно: делал комплимент «от обратного», но сам же недооценил мой слух.

Так что дай, Путин, дай похвастаться неудачнику — отсюда и долженствующему завистнику; а там, дальше, и мятущемуся эклектику, и мизантропу недоделанному, бездны вкуса никому при жизни не обещавшему. Так что самая естественная эпитафия для таких как я — «Затюкан судьбою», но со своим номером. Кстати, можешь поймать меня и на разорванном сознании — если словишь. На этот случай у меня есть собственная провокация: «Я ловлю — а ты ловишься, чудак».

А пока не словил, похвастаюсь. Тем более что это земляк наш — актер Юрский. Подносил я ему брошюрку с повестью. А лет через 10, когда подсократил и издал в твердой обложке, вновь послал ему, поскольку брошюрка была с массой опечаток. И он позвонил в мое отсутствие, наговорил на автоответчик, год 2000-й. А я как-то и забыл, хотя Юрский — единственный, кто звонил заочно, записав на память свой голос. Я ведь всегда тащусь от него как от актера и чтеца — еще со времен «Илико и Иллариона» в ленинградском театре Комедии, когда он, застуканный в кувшине, в котором к тому же не оказалось вина, вылезает со словами «Ослиная я голова…», а хозяин, заставивший их произнести, хлопает его по плечу: «Ну, хватит, хватит». И он от себя уже, сам себе все повторяет и повторяет: «Ослиная я голова! … Ослиная я голова! …». Ну чьим еще голосом можно так убедительно выразить ослиность! …В общем, абы кому не рассылаю. И вот, еще через 10 лет, то есть совсем недавно, перебираю старые кассеты, а там — голос Остапа Бендера собственной персоной!

«Привет, Сергей Чилингарян! Говорит Сергей Юрский. Я получил вашу присылку. Спасибо вам и за письмо, и за книжку. Ну, «Бобка» ваш мне очень нравится, и «Бобка» ваш печален, потому что финал… как у Толстого… такой страшный, что я боюсь… сейчас не буду перечитывать… потому что я к печалям сейчас не склонен. А вот к тому, что вы хорошо пишете — склонен. Спасибо за присылку! И — привет! Два-сорок-один-пять-два-семь-один — мой телефон. Жму руку.» (Многоточия означают не пропуск слов, а небольшие запинки в речи.)

Евгений Сидоров, критик и ректор Литинститута, читал «Бобку» еще в машинописи в 1982-ом. Читал на свой интерес — просто как читатель. Издав брошюрку в 91-м, я поднес ему экземпляр. Увидев меня вскоре, говорит: «А вы знаете, я снова прочитал вашего «Бобку»». А через пару месяцев, гляжу, стал министром культуры.

А вот Андрей Битов (которому повесть тоже запомнилась на всю жизнь!)… впрочем, я уже говорил об этом… Он просто подтвердил мою заметку:

«Читал так называемую «женскую прозу». Морщился… Попахивает табаком, вином и спермой рекомендующих, одобряющих и решающих литмужиков… Есть исключения: В. Токарева, Т. Толстая… возможно, еще есть. Но правилом таки шибануло».

Конечно, это обобщенный шарж с явным преувеличением, но все же… А Битову я нахожу мотив: у него специфический вкус к модерновой «крутизне». Торопясь представить веянье, надеется, наверное, всех опередить. И рискует. Как бы то ни было, нельзя требовать от него слишком многого; достаточно и того, что он — создавший свой мир писатель. Так что, будь я пикейным жилетом (а дело к тому и катится), сказал бы: Битов — это голова. И Аксенов — это голова. И Распутин тоже голова.

А вот первое полное собрание голов из романа «Золотой теленок», август 2011-го, Сочи:

«Бернсторф — это голова! … Сноуден — это голова! … Сноудену пальца в рот не клади. … Чемберлен все-таки тоже голова. … Бриан! Вот это голова! … Бенеш — тоже голова. … Гувер — это голова. И Гинденбург — голова. Гувер и Гинденбург — это две головы. … Берлага — это не голова. … Макдональд — это голова. … Энвер-бей — это голова. Юан Ши-кай — это голова. Пуришкевич — все-таки тоже голова!.. Ганди — это голова! И Данди — это голова».

Ну, а Юрский — это универсальная голова.

Настоящая роль

А ты, Путин, — не голова. Ты, Путин, — затычка. И об этом вся Россия знает; все, кто не забыл. Вот у меня, скажем, память упрямая.

В Новороссийске на слете байкеров ты выступал в черной курточке фирмы «Свой парень». «Хлопали флаги, ветер бегал по лозунгам», была торжественная ночь под звездами, и ты говорил: «…Память — это цемент…». Как немало работавший с цементом, скажу: сильное сравнение! Вот у меня как раз такая — непрошибаемая: что прилепилось — то присохло.

Твоя стартовая функция и для тебя самого ж не тайна. Именно тебя отобрал Ельцин, тобою заткнул зияющую неуверенность в личной безопасности. Прикрылся гарантиями, чтобы снизу не сифонило. И ведь как долго подбирал: один молодой, другой, потом один старый…и снова молодой. «Бритиш Петролеум» так тщательно не подбирал заглушку на нефтяную прорву, как Ельцин на свой анус. Ты ему подошел по полной, и это — твоя истинная миссия. А дальше, понимаш, рули страной, как получится… Не веришь? Надень парик и очки в поллица и иди в баню, только не в Сандуны — теперь это гнездо преуспевших, — а в пролетарскую; иди и задай провокационный вопрос — и, будь спок, услышишь обобщенное мнение парной.

О том, что в высшую власть теперь ломанутся поддержанные олигархней возлеполитические топтуны, стало ясно уже в 1995–1996 годах. Одним из них история выбрала тебя — воинствующую серость. И не выбрала, а взбрыкнула — ельцинским своеволием. Просто серость можно, не замечая, перетерпеть; воинствующую — никогда, рано или поздно она тебя достанет. Поэтому ты читаешь мой текст. Не прочтешь теперь — прочтешь на пенсии, когда любопытство засвербит.

«…Жесткий критик власти, он беспощадно препарирует ельцинский, а потом путинский режим — и при этом неизменно отмечает, что второй из них был не противоположностью первому, а его логичным продолжением.»

Это тебе не литератор-штукатур — для тебя это гораздо хуже. Звать человека Дмитрий Фурман — политолог, историк, социолог, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Он ушел из жизни в июле 2011-го, на 69-ом году, а цитата взята из газетного некролога. Единственное, что я в ней исказил — глаголы: они в прошедшем времени — препарировал, отмечал…

А ведь подобно Фурману — слышишь, нацлидер? — рассуждает весь мыслящий цвет нации. Но 99 из 100 своего мнения о тебе публично не выражает. Причины разные: несолидно, бесполезно, лишние трудности в карьере и т. п. Разве что в некрологах иногда всплывет… Но все они вяло наблюдают за тобой, а любопытство к тебе, если и есть, то одно: сколько ты еще на самообмане продержишься?

Но может ли названный преемник из особых органов оказаться головой? Почему бы нет? Джордж Буш-старший, к примеру, хоть и был директором ЦРУ, в президентах вел себя пристойно, гаек не закручивал. Да еще мудрый был, оказывается: перед развалом СССР предостерегал власть в Украине от разрыва с Россией — как от худшего, а именно, нестабильного для всех продолжения истории.

Но все же, как ни крути, принцип называния уходящими — а у многих из них бывали тяжелые ошибки и даже нелады с законом — своего продолжателя противоречит демократии. Какая, к черту, демократия, если идет отъявленное продавливание! Потом и ты уже — с опытом — своего парня Медведева продавил. В настоящей демократии процедура выдвижения кандидатов должна быть отделена от чьей-либо конкретной воли абсолютно, о'кей? Тогда щелкни клавишей и заруби на носу. Да так, чтобы видно было десятку будущих президентов.

А то ведь каждый выдвигает на свой аршин с кепкой, и руководящая верхотура хиреет так, что уже просматривается комедия человеческого самомнения.

«Вот что, девушка: зарубите на своем носике, что Остап Бендер никогда ничего не крал.»

(Вот что, быдло, заруби у себя на носу: Ельцин с Путиным право выбора у тебя никогда не крали.)

«— А ситечко кто взял?

— Ах, ситечко! Из вашего неликвидного фонда? И это вы считаете кражей?»

(Ах, двадцать процентов вброса! Из тех, кто проигнорировал выборы? И это вы считаете кражей?)

«— Украл, украл! — твердила вдова.

— В таком случае наши взгляды на жизнь диаметрально противоположны.»

(Кража, кража! — твердит оппозиция. В таком случае вот Бог, а вот порог…явки. И отмена «против всех».)

«Вдова кинулась на дверь. Стекла задрожали. Остап понял, что пора уходить».

(Остап понял, а Путин — нет. А народ безмолвствует.)

Тебя, Путин, тащили на должность их величества Адмресурс, Адмрезерв и деньги олигархов. И собственное благоразумное

помалкивание вплоть до выборов.

Ты бы, в принципе, мог снять с себя печать чьей-то там заглушки, но… Масштаб личности не тот. Придется сказать тебе всю правду: историки вскоре определят твое истинное место — в предбаннике олигархов, где ты не то что не замочил алчность крупных хищников и коррупционеров — ты ее омыл, дав расплодиться всевозможному жулью, помог сорганизоваться в узаконенные структуры. Ратифицировал прожекты Остапов Бендеров начала 90-х.

«Остап со вчерашнего дня ничего не ел. Поэтому красноречие его было необыкновенно. …

— Все учтено могучим ураганом, — сказал О. Бендер, — деньги дадут сборы (всего того, что плохо лежит среди населения. — *С.Ч.*). … Васюкинцы денег платить не будут. Они будут их получать! Это же все чрезвычайно просто.»

Вот если бы все случилось с точностью до наоборот, вопрос о заглушке был бы снят сам собой. Такова горькая правда, Путин. Не проглотишь сам — проглотят твои идейные наследники, если таковые отыщутся.

…И потом, важно еще, кто рекомендует. И кого. То, что Ельцину требовались, кроме обычных, еще какие-то особые гарантии, само по себе красноречиво. Покаяние твоего папы голословным вышло, у него не хватило воли хотя бы оторвать присоски своего семейства от абрамовичевой или чьей там еще мошны, — все ж таки загреб жару, хоть и не своими руками и не для себя лично. Сам же вначале и внес попустительский заквас, чтобы мошны олигархов получше распарилась, а в конце-таки — цоп! — и свое скромненько отщипнул.

Потом потянули к ответу и Ленина, и Сталина, и черта в стуле — весь неудавшийся по вине хамов-начальников социализм, всем по черепу досталось. А ты свое еще при жизни получишь, будь спок. Когда вскроют твой политический труп — фу-у, столько правды шибанет! Да ты и сам это будешь лицезреть: человек как таковой в наше время начинает жить уже, слава Богу, дольше, чем ночевавший в нем политик. Но ведь опять шлангом прикинешься — старым растрескавшимся шлангом: «Не-е. Не! Не мое».

«…Я был избранный менеджер госкорпорации «Россия». Меня избирали занимать место, не более того.»

Фразочку на тебя я лет 20 назад заготовил, еще и не зная, кто грядет. Была вообще фразочка, теперь заточилась — полюбуйся фразочкой: «Когда в архиве вскрыли его дело, в помещении стало душно». Все равно, что в номере Остапа после вчерашнего, когда он поураганил в ресторане с почвоведами: «Пахло скисшим вином, адскими котлетами и еще чем-то непередаваемо гадким». А ведь он кричал им: «Почвоведы, встаньте!», а потом плакал и клялся, что в душе он сам почвовед.

Несогласные

Вернемся, однако, к приглашенной тобою группе писателей. Как сказало «Эхо Москвы», — и никакое другое говорящее СМИ почему-то больше не упомянуло, — трое из них открестились от такой чести. В связи с чем у меня к ситуации сам собою напрашивается анекдот.

Пациент в кресле слышит голос склонившегося над ним стоматолога: «Ну и дупло! Ну и дупло. Ну и дупло-о-о…». И, закрывши рот, спрашивает: «Доктор, но почему вы три раза сказали про дупло? У меня только один зуб болит!». «Ослышался, голубчик, — отвечает доктор, — я сказал один раз. А дважды повторило эхо.»

Отказавшись прийти к тебе, эти трое, каждый по отдельности, а стало быть, трижды, по сути, сказали, что как личность и собеседник ты — дупло, и банальности, стало быть, так и отскакивают от твоих зубов. А эхо («…Москвы») еще дважды повторило их отказ пожать тебе руку в твой день рождения.

Давай разбираться. Ведь в принципе каждый по-своему интересен, и у каждого найдется чего стоящего о себе рассказать. Конечно, и тебе тоже. Кого-то можно слушать подолгу, а с другим все ясно уже через полчаса. Это смотря что человек отбирает для рассказа. И умеет ли интересно донести. Ты — личность средняя, но в твоей жизни вполне достаточно того, о чем можно было бы не без любопытства услышать. Но вот этого ты как раз и не сможешь сделать! Потому что не захочешь. Вся твоя содержательность делится на три категории: то, о чем можно сказать в присутствии приглашенных лиц, то, о чем нельзя говорить, и то, о чем нельзя говорить ни при каких обстоятельствах. Поэтому эти трое и дали тебе знак, что ты — дупло, и с тобой не о чем говорить. Потому что ты сам ничего сущего не поведаешь. А писатели — да пойми ты, Путин, — натуральные писатели, их ведь икрой не корми, дай только что-то понять о человеке, влезть в душу: там их главный материал. Вот, скажем, тебя позвали в какую-нибудь Мындалысию — о нефти и о газе поговорить. Это содержание твоей работы, твой материал. А они там, выясняется, ни о нефти, ни и о газе как раз таки ни гу-гу. Представляешь? Тебе это понравится? Ты примешь их приглашение? …А писателям ты позволишь лезть к себе в душу? Поэтому они тебе и говорят по факту: ты, Путин, — дупло. (Хотя на самом деле — там залежи невыветренные.) И «Эхо Москвы» повторило дважды. Вот уже и я повторяюсь. Потому что хочу быть гарантированно понятым, и в таких случаях не только я, а многие перестраховываются до занудства.

Что же ты не указал СМИ, чтобы этим троим дали слово? Ведь ясно же, что они не согласны с твоей политикой. Настолько не согласны, что им с тобой и спорить не о чем. Тебе что, не интересно озвучить их глухие претензии? Вернее, как именно они как мастера слова сформулируют их для публики? А ведь учили тебя: чтобы бить идеологического врага, надо знать его позицию. Может, вздор оказался бы, мы же не знаем. Наверное, не вздор, раз ты им не дал возможности. А Шевчук позже как раз и указал тебе на дыру — на отсутствие культуры, да и самого факта публичного общения с творческой интеллигенцией.

«Некоторое время все молча стояли в коридоре, с интересом разглядывая друг друга. Для разгона заговорили о Художественном театре.»

Еще бы без интереса: ведь каждая твоя встреча с нею — историческая.

Будто ей уже и сказать нечего о твоем политическом рулении. И певческая элита зря окрысилась на барда за якобы самопиар. Это были, наверное, те, кого ты с головой окунул в кормушку, накрошив туда грантов и бонусов. Отбросили бы лучше тряпочки со своего пения…

Ты этих троих просчитал (твое ходовое слово — видно, в Германии перенял) — и просчитался. У них ведь тоже свое ходовое слово, почти такое же: прочитал. Вот они и прочитали по мимике твоей, по политическим телодвижениям, по стилю речи (не говоря уже о содержании) все, что можно из тебя исчерпать. Нет гарантии того, что благодаря бывшей профессии индивид не прочитывается. Прочитываетесь, Владимир Владимирович… Еще как прочитываетесь… То, что сокрыто, прочитывается даже лучше, чем то, что напоказ. Садитесь. Курите? …Ах, забыл! Тогда так послушайте. Я вам лекцию прочитаю о значимости литературы. Это чтобы вы фразами о дотации не разбрасывались.

Прочистка горла

Трудность в том, что как только начинаю городить для тебя конструктив, так сразу текст вянет, рука нейдет… Можно сказать, синдром Путина — не в коня корм. Если ты из всей литературы взял на вооружение только мертвого осла уши и устранение лишнего седока на Боливаре, то какой уж тут конструктив… У тебя если и есть креатив в политике, он в основе своей крепежно-закруточный. Ты как начал укреплять пресловутую вертикаль и оппозиции гайки закручивать, — а это ведь действия одного рода и одной специальности — так остановиться не можешь. Как Чарли Чаплин в фильме «Новые времена». Он там на конвейере целый день, пардон, дрочится, однообразно крутя ключами одну-единственную деталь, а когда выходит на улицу и видит у впереди идущей дамы хлястик с похожими на гайки пуговицами, — и к ней подскакивает с ключами, тоже пытается закрутить. Так и ты: все остановиться не можешь. И руки уже трясутся по закручиванию, и ключи друг об дружку стучат, и в глазах, наверное, холодеет, когда ты ими, подбирая ответ покруче, характерно ворочаешь после провокационных вопросов.

Меня любопытство гложет: ты такой спец по закручиванию…но в твоей биографии не сказано, что у тебя был велосипед…так что, вполне возможно, ты сразу оседлал тандем…а его обслуживают специальные механики, не сам же…да и учеба на юриста, служба в особых органах и в управлении… Короче, сомневаюсь: а знаешь ли ты, почему болт — мужского рода, а гайка — женского? Может, укрепляя, ты что-то не туда вставляешь?

Но это так — филологическая разминка перед лекцией о литературе. Кстати, твоя супруга должна лучше знать происхождение слов. Вот в каком направлении тебе, быть может, удался бы настоящий крепеж — крепить традиционные ценности, если уж польстился на то, чтобы тебя вытаскивали в президенты.

Так вот, лекция. Дело это, повторю, неблагодарное. Но попробую. Вообще-то, не мое амплуа. Но раз уж ты, по всему, не удосужился выслушать авторитетов, ученых, профессионалов, знающих в совокупности своей основы устройства универсальной человеческой души, стимулы для достижения ею достойной и гармоничной жизни, согласно отпущенной каждому природе, и так далее, и тому подобное, и прочее такое, — что делать, сам тебе чего-нибудь скажу кустарного. На твой уровень хватит.

Даже так: разрозненные наброски, большего от меня не жди.

Итак, стрелки на путях развития литературы ты перевел на тупик: «Дотация товарная» Путинской железной логики. Ту-ту-у, приехали!

«Новый редактор прибыл и заявил, что наши читатели не нуждаются в умственных упражнениях.»

Но, может, и бесплатное обучение старшеклассников туда перевести? А что, если переизберешься, с тебя станет. Ведь чтобы мыть хозяевам автомобили и пылесосить им ковры, достаточно и пяти классов. Или давай назовем дотационщиками пенсионеров, переживших средний расчетный возраст. Это чтобы знали свое место и не слишком бузили по монетарной части. Тогда уж и содержание ядерного оружия можно считать дотационным, — ни разу не стрельнуло, а обходится в триллионы.

Но у тебя язык не повернется сказать, что пенсионеры, школьники и ракеты — на дотации. Ага, «ты это понимааешь, хрю-хрю» (извини, это я так в детстве почесывал любимого порося), потому извилина твоя туда и не оборачивается. А про литературу — не понимаешь. Да тебе просто выгодно не понимать! Тебе не нужен электорат, воображающий себе иную, может, и лучшую, чем ты предлагаешь, жизнь. И вот тут у тебя язык повернулся.

Обрати внимание: не говорю, что объем выпускаемых книг должен быть прежним. Над редактором ежемесячного журнала «Герасим и Му-му», если помнишь, «…висел сильно увеличенный портрет Тургенева, в пенсне, болотных сапогах и с двустволкой наперевес». Так я же не требую сейчас столь же сильного увеличения литературы! Это все-таки был 1928-й год, когда Ильф с Петровым писали свой роман. Но и сокращать ее до размера почтовой марки не гоже.

Как же, как же, удельный вес ТВ многократно возрос. Но затраты на книги ты отнес к зряшным потерям из бюджета. Охаял насущность всей литературы — весь длинный ряд авторов, начиная с Гомера с его так не нравящимся тебе хохотом.

Сообрази, однако, очевидный парадокс: у литературы, как у одного из самых первых видов познавательных искусств, — самый сложный, тем не менее, код эмоционального доступа. Написанное слово — это ж, известное дело, абстракция без звука, без картинки. Это ж тебе не еврейский анекдот: «Звук подобрали — а запах?». Один переводит свои мысли с чувствами в общепринятый шифр; другой, постигнув глазами, старается во всей полноте его раскодировать. И это несмотря на тотальный пессимизм Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Но сам-то Федор Иванович не переставал изрекать — вот в чем дело! А почему? А потому, что искушение таки попасть в точку от этого еще более заманчиво. Потому что еще почетнее быть глубоко понятым, не воздействуя при этом ни на один рецептор. Точно так же почетно вызвать шквал эмоций на гладко-статуэточном, скажем так, и бесстрастном лице монголки, не прибегая при этом к сексу. Происходит труд мозга — соображаешь, Путин? Развивается воображение — главный продукт литературы в сознании человека.

А без воображения не может быть творчества даже в простом деле. Так? Не может быть совершенствования, только механическое повторение. О'кей? Щелкни, если понял, — закрепи знание. Отсюда, значит? Значит, это тот же творческий потенциал в работе, который напрямую скажется в достойных делах и доходах. Не в хитрых, не в урывочных — нет; а в каких? Вот, правильно — в твердых и дальнобойных. А дальнобоя без воображения не прозреешь. Относится и к просветлению души, и к производству, и к коммерции — к чему угодно. Скажу больше — и к производительности труда относится.

Скажу смелее: воображение — это представление наперед. Записал? А коли так, то обладающий им более ответствен: ему легче вообразить негативные последствия своих деяний. А без воображения легче прикинуться: не знал, не ведал, не виноват. Не путать воображение с просчитываньем. Намек понятен? Ответствен! И без хитростей, никаких «не», «не», «не» — а «ен», «ен», «ен». Ен, еще как ен!

«Самое доступное упражнение для мозга — больше читать хорошую литературу», — говорит кто угодно, только не ты. Но нам важно, что это говорит Святослав Медведев, директор Института мозга РАН: ему, сыну самой Бехтеревой, наверное, виднее в микроскоп — а, Путин? Но ты с ним тему дотационного бедствия литературы не муссировал. А зря. Он же тебе, политику и человеку, образ действий прописывает, чтобы ты микроскопом гвозди не заколачивал.

При смотрении в телевизор работу мозга перехватывают зрение и слух, вот. Облегчают. Вот. Облегчают, облегчают… А то и совсем облегчат, и извилинам ничего практически не достается, мозг парует в ожидании посева доброго, вечного, плодоносящего… Его работа облегчается до нуля, — ну, вот. И вот, за счет облегчения снижается развивающая составляющая — так? На звучащую картинку глядят и братья наши меньшие, а книгу лишь обнюхают мимоходом. Значит? А вот то и значит…

Это значит, что не зря твое ТВ на две трети — помойка, которая многовариантно, как в камасутре, эксплуатирует ту еще, вечную горстку чувств и ротозейского любопытства, чем и отбивает воображение второго сигнального порядка. Слаб человек, ибо узок круг его удовольствий. И твои идеологи смекнули: люди без воображения (ну, хорошо-хорошо — с первично-сигнальным воображением) — это как раз нужный государству материал, с ним легче управляться.

«…Ничего не поделать», — говоришь. А ты что сделал? Ты кто такой — ты чего наделал?! Ты дал указание, чтобы запускали в регулярный ТВ-эфир профессионалов, чтобы они вместе с культурной и читательской общественностью определили в изменившихся условиях новые линии разграничения с другими сферами искусства и развлечения, удельный вес по времени, по объему, формы изданий, критерии сортности (а как же!), источники вознаграждения за труды и пр., и пр., и др.? Дал? Не дал. Взамен ты сказал цветному повелителю Эрнсту: побольше и ярче винегрета!

Есть дотация — а есть познавательное естество, так? Литература — незаменимая традиционная потребность, соответственно, и проявление культурного человечества. Вот так. В литературе всегда останется ниша, которую другими искусствами не заполнить. И только так. Возьмем генсека Андропова: тоталитарный оглоед, деятель своего времени — без особых попыток, не считая смешных, улучшить условия труда энд отдыха; при его кагэбизме вовсю практиковались посадки инакомыслящих в психушку. (И я там был, чай без меду пил.) Но ведь при этом был государственником, понимал культурные приоритеты, клавишей рояля — пум-пум-пум — ради набора очков в пиарном десятиборьи не топил. Сам стихи писал, но с их изданием не высовывался, — ага, понимал, что вот тут государственная воля никакого значения не имеет. А ты если бы нынче накропал две строчки, — отпиарили бы тебя по полной интеллектуальной чести. И вот, демокрут-самокрутчик, дожил — кагэбистского оглоеда-интеллигента вынужден уважать больше, чем тебя. Пусть меня, как овцу, отвезли, бросили в психиатрический застенок; пусть пару подперченных рассказов в его время мне в журналах заворачивали, — но от него мне досталось все же меньше, чем в олицетворенное тобою время; и об этом мы еще поговорим попозже.

У твоих поверенных по культуре отсох, что ли, язык выразить юнцам такое, положим:

«Литература, ребятки, вещь тоже разносортная. Вот вы в автомобилях разбираетесь? Роняете слюнку на «Мерседес»? Роняете. А над отечественной тачкой, а особенно же над «Запорожцем» из анекдота, насмехаетесь. Хотя тачка по имени «Запорожец» вам только и по карману. А вот литературу сами можете выбирать — она вам по карману вся, от и до. Почему же из того, что вам по карману, берете с собой в электричку чтиво марки «Запорожца»? Содержание своей головы не уважаете, ребятки, пихая в нее отработанную искусством жеванину…»?

В общем, нечто подобное. Это нормальный стимул для юнцов — давить на самолюбие, указывать на достойные приоритеты самоутверждения, отвлекать от шпаноголовой примитивистики. (Видишь, чего я делаю, Путин, — чтобы только не выражаться, как блатари.)

Вот вы, ребятки, проглатываете кучу бананов, боевиков и детективов, пусть даже и любовных романчиков, перебирая массу барахла у телевизора, в книжке, неважно, — а не лучше ли про то же самое, но лишь все стоящее? Заместо десяти — одно, но лучшее. Во всяком деле есть своя классика. Голова ваша ведь не мусорный бак. …А чтобы вы ориентировались, будем теперь по телику давать раз в неделю ориентировки: вот это чтение марки «А», но вам оно, может, рановато, читайте пока что «Б» и «В» и вылезайте из «Г». Вам отберут не яйцеголовые умники, а знающие свое дело мастера, ставшие таковыми потому еще, что хорошо понимают ваш возраст, потому что через него прошли сами, запомнили и отобрали сущее — потому они и профи. А вы в их возрасте не бывали — вот и вся разница. Вот еще раз: они ваш возраст прошли-проехали и кое-что из него помнят, а вы в их возрасте не бывали и ничего знать не можете — не можете знать, что их честная-благородная задача — умыть руки, успокоить душу тем, что они вам сказали все должное; а там уж сами выбирайте, если не балбесы. Зачем вам изобретать велосипеды и тыкаться в открытые америки, к чему прокатывать свои единственные мозги на драндулетах, когда можете сразу постигать содержательность мерседесовского уровня?

Это лежит на поверхности, Путин; но ничего похожего и повторяющегося в различных аспектах и вариациях с упорством пусть даже рекламным я в твоем центровом ТВ не видел. Не тычешь ты Эрнста носом в его оскудевшее меню, — он себя и возомнил полновластным секретарем вещанья, тщательно упрятав себе в подсознание абрис интересов власти и ими руководствуясь. Не гора должна идти к Магомету, вот. Юнцов на канал «Культура» ты сейчас не затянешь — ну, вот. Это ваша с Ельциным заслуга. Так вот, Магомет в лице его подмастерьев Эрнстов-Добродеевых-Кулистиковых сам теперь должен идти к ней. А накажет им

кто — забыл? Народ. Не тот забыдленный электорат, в который ты превратил известную и необходимую тебе часть, а все здравомыслящие и нормальные, которые в нем никогда не иссякают. Никто не освобождал вас от необходимости концентрировать здравый разум людей. А концентрировав, услышать и исполнить.

Отсутствие коммерческого плюса в книгоиздании полагаешь неодолимой данностью. Но это дело государства и лично лидера, — особенно же ухватившего власть в важнейших направлениях, сующего в них свои кадры. Если твердо понимать, что развитие литературы (пусть и при значительном снижении ее бумажного объема и числа сочинителей) есть часть государственной политики, — как и социальные пенсии, как система бесплатного обучения в школе и прочее… если твердо это понимать, то остальное на основе этого понимания придет само собой.

Таким образом… Стоп-стоп-стоп, внимание! (Стучу указкой по кафедре, на которой нарисован узенький лоб двоечника.) … Таким образом, дотационность или, иначе, убыточность литературы — это всего лишь заявленный тобою политико-экономический фактор: твое и именно твое государство, по сути, умывает руки. Но это никак не фактор культурный, не образовательный — привет!

Приехал ты на книжную ярмарку-2010 в ВВЦ. Сразу недоумение: атас, а что это он там делает?! …Ах, во-он оно что — книгу своего папы-Ельцина приехал презентовать! Прямиком к горке только что выгруженных глянцевых томов, пахнущих возлекремлевскими откровениями («С моста в речку, и огородами к Котовскому»). А когда тебе сказали, что издательство «Детская литература» загибается, то в шуточку обратил: «Это потому, что у вас нет крыши…». Ну, ты и даешь, Вовчик! Совсем как Бендер: «Побольше цинизма. Людям это нравится». Но с твоим пониманием культуры ты сам все еще, оказывается, в пеленках. Мне ничего не оставалось, как посетовать (учти, громко не произносил, а лишь подумал): «Сослать бы его, засранца, из Красной Поляны в Ясную на перевоспитание…».

Да только поздно уже тебе просветляться, Путин. Поздно, поздно…

И пусть я такой же лектор, как ты — ученик, но главное я до тебя донес: объявление литературы отсыхающей веточкой культуры с информационным и просветительским умыванием рук есть признание собственных а) нежелания, б) неумения, в) антигосударственности, г) наплевательского отношения к культурному будущему юного и едва нарождающегося поколений — до свидания!

А лучше — прощай с глаз долой во тьму телевизора…